ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Ким Мин Кёль

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ В ДИСКУРСЕ СТРАН СВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, ЯПОНИИ И КИТАЯ)

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Коктыш Кирилл Евгеньевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **4**

ГЛАВА I . Когнитивные основания метафоры «мира регионов» и институтов регионализма в современных международных отношениях **25**

§ 1.1. Политическая метафора как объект анализа **25**

§ 1.2. Когнитивный подход в политической науке **28**

§ 1.3. Дискурсы регионализма как глобальный тренд **32**

§ 1.4. Возникновение и концептуализация интеграционных метафор на евразийском пространстве **37**

§ 1.5. Институализация евразийской интеграции **48**

ГЛАВА II. Политические метафоры и когнитивные установки участников евразийской интеграции после возникновения ЕАЭС **58**

§ 2.1. Метафора «Интеграция интеграций» и институты внутренних социально-экономических функций ЕАЭС **58**

§ 2.2. Метафора «Платформа возможного» и институты внешнеполитических функций ЕАЭС **72**

§ 2.3. Метафора «Большая игра» и институты геополитических функций ЕАЭС **81**

ГЛАВА III. Концептуально-структурные основания внешней политики в отношении Евразии стран СВА **96**

§ 3.1. «Северная политика» Кореи и развитие внешней политики Сеула по евразийскому направлению **96**

§ 3.2. Инициатива «Пояс и путь» Китая и развитие внешней политики Пекина по евразийскому направлению **117**

§ 3.3. Подход «Осторожное сближение» Японии и развитие внешней политики Токио по евразийскому направлению **132**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **153**

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ **171**

ПРИЛОЖЕНИЕ А **209**

ПРИЛОЖЕНИЕ Б 226

ПРИЛОЖЕНИЯ В 236

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Исследование региональных процессов всегда актуально: именно на уровне регионов формируются базовые политические установки и конструкции, которые в первую очередь основаны на взаимных интересах, и только затем, будучи оформлены, обретают свое ценностно-идеологическое оформление. Тем более это представляется актуальным в ситуации, когда мировая политика и экономика переживают период глубокой трансформации, ставя под вопрос даже не эффективность прежних структур международного взаимодействия, а те смыслы, на которых они были основаны: политические установки регионального уровня, сохраняя завидную устойчивость, становятся бесспорной опорой при принятии решений государствами. Евразийский экономический союз, возникнув в качестве регионального объединения, фактически стал началом поворота России на восток задолго до того, как эта политика была провозглашена официально. Для России речь шла об институциональном оформлении своей экономической политики на постсоветском пространстве, существенной частью которого была Центральная Азия. Для стран Северо-Восточной Азии (СВА), в частности, для Республики Корея, Китая и Японии, это стало новым фактором, который теперь следовало учитывать в своей политике в этом регионе. Важно, что эта политика к тому моменту уже была оформлена в соответствующие стратегии, которые имели свои цели, задачи и инерцию, и появление нового объединения, по идее, должно было повлечь внесение в них неких корректив – как минимум в части использования вновь возникающих возможностей.

Поскольку эти коррективы вовсе не обязательно оказываются столь масштабными, чтобы обрести формат полноценных внешнеполитических доктрин, представляется, что важным и плодотворным для исследования станет исследование соответствующих когнитивных установок взаимодействующих стран, то есть суммы их актуальных представлений о себе и о соседях: именно они

формируют цели и задачи международного взаимодействия, которые затем могут превратиться в соответствующие программы и проекты. При этом с очевидностью система должна рассматриваться полностью: невозможно рассматривать политику стран СВА в отношении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) без понимания того, что представляет собой ЕАЭС, как его осмысливают страны-участники, и какие задачи они ставят перед собой. В этом контексте исследование затрагивает анализ двух больших смысловых пластов. Первый – это сумма представлений о регионе и политических императивах, вытекающих из факта образования ЕАЭС собственно стран, входящих в Евразийский союз, второй – представления о регионе взаимодействующих с ним стран СВА.

Такой подход представляется оправданным тем, что регион переживает период трансформации: как уже отмечалось, вскоре после создания ЕАЭС последовал и «разворот России на восток», что очевидным образом породило новую реальность для стран-соседей по СВА. Расширение присутствия России в регионе с неизбежностью стало менять баланс сил, и свою роль в этом сыграл и ЕАЭС, претендующий на экономическую интеграцию Евразии. Естественно, все эти перемены не могли не стать предметом рефлексии как в странах-участницах Евразийского союза, так и стран СВА.

Поскольку эта рефлексия, с одной стороны, базируется на онтологии элит, то есть их картине мира и вытекающей из нее ценностях, а с другой, с неизбежностью предполагает публичную коммуникацию, как внутриэлитную, так и элит с собственными обществами, она обретает форму политических метафор – в определении Джорджа Лакоффа,[1] где последняя является образом, который в свернутом виде содержит в себе представление о системе координат, в которую помещается рефлексируемый объект, и вытекающих отсюда целеполагании и критериях оценки. Иными словами, политическая метафора содержит в себе онтологическое, аксиологическое и телеологическое измерение,[2] и именно их

[1] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press. 2003. P. 256.
[2] Коктыш К.Е. Теория метафоры и политические институты. – М.: МГИМО. 2019. – 225 с.

выявление и деконструкция представляются вполне релевантным подходом для анализа ключевых установок стран СВА и ЕАЭС в отношении евразийского региона.

Региональный фокус исследования также способствует актуальности настоящего исследования еще и в силу того, что процессы регионализации превратились в глобальный тренд задолго до сегодняшних событий, во многом став естественной реакцией на экспансию западного глобального проекта: региональная кооперация, основанная на сетевом сотрудничестве, создавая эффект взаимодополняемости, увеличивает свободу контактов и позволяет диверсифицировать систему внешних связей, тем самым расширяя для государств пространство для принятия решений. Модели регионального сотрудничества привлекательны еще и тем, что они остаются по большому счету подконтрольными взаимодействующим государствам и позволяют высокую степень регулируемости, а с культурной точки зрения позволяют странам лучше приспосабливаться друг к другу. Региональная политика в случае своей эффективности делает малоценной концепцию балансирования, и позволяет формировать общее политико-экономическое пространство сотрудничества и безопасности.

Модель, реализуемая последнее десятилетие в восточной части евразийского континента в формате ЕАЭС, ориентирована на объединение национальных и региональных интересов на основе уважения суверенитета каждого национального государства, и развития существующих межгосударственных интеграционных организаций на основе общих интересов и идентичности. В фокусе предпринимаемых усилий – макроэкономическая интеграция, создание транснациональной инфраструктуры, и укрепление гуманитарных обменов. Таким образом, восточная часть евразийского континента, ныне разделенная на национальные государства, может постепенно вырасти в большую сеть экономического сотрудничества и открытых гуманитарных обменов, «накладывающуюся» на национальные государства. По большому счету,

регионализм восточной Евразии является попыткой создания региональной архитектуры взаимодействия и сосуществования великой и малых держав.

Одновременно с этим меняются и страны СВА, эта часть Азии неуклонно превращается в центр мирового экономическо-индустриального и научно-технологического развития. В СВА расположены крупнейшие геополитические и геоэкономические центры: Китай – вторая по объёму экономика мира, Южная Корея и Япония – ведущие экономики по производству инноваций. В СВА, при всей проблематичности политического сближения этих стран, на экономическом уровне формируется весьма интересная модель экономической интеграции, в основе которой – взаимозависимость и сопряжённость: это модель консенсусного развития без явного доминирующего центра, которая предполагает вполне инновационные модели трансграничного сотрудничества. По сути, эта текущая данность является возможностью для России и других евразийских государств комфортным для себя образом сформировать свою собственную роль в регионе СВА с учетом национальных интересов, императивов модернизации, и самобытности своего развития.

Исследование евразийских внешнеполитических установок трех наиболее развитых государств СВА, Республики Корея, Китая и Японии, представляется весьма важной задачей. Эти установки имеют форму находящихся в актуальном публично-политическом обороте метафор, т.е. представляют собой комплекс мировоззренческих и ценностных представлений, кроме прочего, задающий и цель и критерии ее достижения. Их деконструкция понятным образом способствует пониманию системы координат, из которой эти страны исходят, что позволяет говорить о возможности достаточно точной оценки перспектив развития в регионе российских инициатив, таких как «Большая Евразия», равно как и возможности использования наработок в страновой политике.

Степень разработанности проблемы

Проблема восприятия странами СВА Евразийского экономического союза на данный момент в российской политической науке разработана в весьма низкой

степени. Причины тому – и языковой барьер, и отсутствие в качестве привычных и распространенных практик изучения политических процессов в странах региона. С другой стороны, и в странах СВА ощущается явный дефицит исследований в отношении России и ЕАЭС. Это объяснимо – поскольку речь идет о живом политическом процессе, сегодня еще рано говорить, что политические программы и экономические проекты стран СВА по отношению к развивающемуся на соседней территории евразийскому интеграционному механизму четко сформулированы: многие из находятся в стадии формирования. Недостаточность исследований по данной теме в странах СВА также во многом объясняется теоретическими и методологическими трудностями понимания сложных связей, идеологических смещений, взаимных искаженных восприятий, враждебных безразличий и структурных ограничений, оформившихся в период холодной войны. Образы Евразии в странах СВА до сих пор не свободны от стереотипов конфронтации и конфликтов. В академической науке стран СВА крайне мало внимания уделяется попыткам объективной интерпретации изменяющейся реальности постсоветской Евразии и обоснованию возможности новой эры сосуществования и совместного процветания на основе сотрудничества с евразийскими государствами.

Тем не менее, эта лакуна постепенно заполняется. Так, по теме евразийской интеграции был успешно защищен ряд диссертаций. В частности, следует отметить диссертации А. Ю. Бельянинова, Б. В. Грачёва, Я. В. Калиша, Ю. В. Кулинцева, М. Л. Лагутиной, А. А. Марышева, А. А. Торопыгиной, В. Е. Фролова, а также ряда иных авторов . В фокусе исследований, как правило, анализ происхождения и развития постсоветской евразийской интеграции и определение ее перспектив, где главным является определение интересов и целей собственно «внутрирегиональных акторов», при этом вопросы понимания и интерпретация политического поведения внешних акторов обычно оказывались за пределами исследовательской оптики. Правда, объектом исследований в этих трудах не становились собственно когнитивные установки стран ЕАЭС и стран СВА,

элитные сети, являющиеся хранителями онтологии, равно как не затрагивался и комплекс политических метафор, в рамках которой эти установки реализуются и воспроизводятся.

Также есть целый ряд значимых публикаций, которые также ориентированы на преодоление этой лакуны. В частности, это:

• научные труды по глобальной тенденции регионализма после окончания холодной войны. Речь о работах Ю. А. Абрамова,[3] А. Д. Воскресенского,[4] Д. А. Кузнецова,[5] О. Г. Леоновой,[6] М. В. Стрежневой,[7] Р. Вайринена,[8] Л. Фосетта,[9] Б. Хеттне[10], и ряде иных авторов;

• труды, посвященные рассмотрению основных закономерностей евразийской интеграции на постсоветском пространстве в российской и зарубежной литературе. Это исследования в отношении постсоветских международных организаций – ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности) и ШОС (Шанхайская организация сотрудничества). Речь о публикациях Е. В.

---

[3] Абрамов Ю.А., Куйбарь В.И. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 242–250.

[4] Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского — Москва: Магистр. 2025. — 416 с.; Воскресенский А.Д. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского — М.: Магистр. 2014. — 560 с.

[5] Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 7. С. 14–25.

[6] Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. № 1. С. 59–66.

[7] Стрежнева М.В. Транснациональные политические пространства: явление и практика / Под ред. М.В. Стрежневой — М.: Весь Мир. 2011. — 376 с.

[8] Vayrynen R. Regionalism: Old and New // International Studies Review. 2003. No. 5. P. 25–51.

[9] Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // International Affairs. 2004. No. 80. P. 429–446.

[10] Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. 1998. Vol 17, No. 3. P. 6–21.; Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. Vol. 5, No. 3. P. 457–472.; Hettne B. Beyond the ‘New’ Regionalism // New Political Economy. 2006. Vol. 10, No. 4. P. 543–571.

Винокурова,[11] И. Я. Кобринской,[12] А. М. Либмана,[13] Д. Лейна[14], а также ряда иных авторов;

• исследования, посвященные вопросам определения стратегических приоритетов и ожиданий государств-членов (России, Беларуси, Казахстана, Армении, Кыргызстана) и перспектив развития Союза. Образование в 2015 году ЕАЭС создало новую реальность макрорегиональной интеграции постсоветского пространства, породив исследования Е. С. Алексеенковой,[15] Д. Бердакова,[16] Т. А.

[11] Винокуров Е.Ю., Либман А.В. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47–72.; Vinokurov E., Libman A. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. P. 288.; Vinokurov E., Libman A. Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2012. P. 273.

[12] Kobrinskaya I. The Post-Soviet Space: From the USSR to the Commonwealth of Independent States and Beyond. In: Malfliet K., Verpoest L., Vinokurov E. (eds) The CIS, the EU and Russia. Studies in Central and Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan. 2007. P. 13–21.

[13] Либман, А.М. Постсоветская интеграция и политические системы постсоветских государств // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 4. С. 5–20.

[14] Lane D. Eurasian Integration: A Viable new Regionalism? // Russian Analytical Digest. — 07 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-146-3-7.pdf (дата обращения:10.01.2022).

[15] Алексеенкова Е.С. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Российский совет по международным делам – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/679/alekseenkova.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.01.2022).

[16] Бердаков Д. Кыргызстан в ЕАЭС: контуры евразийской социально-экономической модели республики к 2025 г. // Портал РСМД – 13 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-v-eaes-kontury-evraziyskoy-sotsialno-ekonomicheskoy-modeli-respubliki-k-2025-g/ (дата обращения: 17.01.2022).

Мешковой,[17] А. М. Миграняна,[18] П. С. Петровского,[19] Ж. Тулиндиновой,[20] Г. Мостафи[21], а также ряд иных;

• исследования роли ЕАЭС в социально-экономической интеграции на постсоветском пространстве в целом и его соотношением с внутренним развитием государств-членов СНГ. Речь о трудах К. П. Боришполец,[22] М. Л. Вартанова,[23] Л. М. Григорьева,[24] Н. С. Зиядуллаевой,[25] Е. М. Ивановой,[26] Г. И. Осадчей,[27] Ю. А. Рыжакова[28], и ряде других;

• исследования, посвященные расширению внешних связей ЕАЭС за пределы постсоветского пространства в различные регионы евразийского

---

[17] Бордачев Т.В., Вишневский К.О., Глазатова М.К. Евразийская экономическая интеграция: перспективы раз вития и стратегические задачи для России – 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178006152/11%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

[18] Мигранян А.М. Россия в ЕАЭС к 2025 году // Портал РСМД – 14 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-eaes-k-2025-godu/ (дата обращения: 17.01.2022).

[19] Петровский П.С., Беларусь и ЕАЭС к 2025: потенциал, возможности, перспектива // Портал РСМД – 07 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/belarus-i-eaes-2025-potentsial-vozmozhnosti-perspektivy/ (дата обращения: 17.01.2022).

[20] Тулиндинова Ж., Казахстан в ЕАЭС к 2025 году // Портал РСМД – 14 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kazakhstan-v-eaes-k-2025-godu/ (дата обращения: 17.01.2022).

[21] Mostafa G., Mahmood M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. No. 9. P. 163–172.

[22] Боришполец К.П., Чернявский С.И. Содружество независимых государств и задачи евразийской интеграции // Ежегодник Института международных исследований МГИМО. 2015. № 13. С. 14–33.

[23] Вартанова М.Л. Основные направления экономического развития и перспективы экономической интеграции стран ЕАЭС // Экономические отношения. 2018. № 3. С. 315–322.

[24] Григорьев Л.М. ЕАЭС: социально-экономическое развитие регионов. // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. 2018. № 37. С. 1–20.

[25] Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. 25 лет СНГ и евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и переспективы // Экономическая наука современной России. 2017. № 2. С. 123–136.

[26] Иванова Е.М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 6. С. 112–119.

[27] Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: первые итоги интеграционных процессов // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 49–62.

[28] Рыжакова Ю.А., Русакова Ю.И. Взаимовыгодность образования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для его стран-участниц // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 2. С. 50–57.

континента, включая Азиатско-тихоокеанский регион (АТР), Ближний Восток и Европу. Речь о трудах таких российских и зарубежных учёных, как В. А. Абрамова,[29] Т. М. Бордачева,[30] В. И. Герасимова,[31] Ю. В. Косова,[32] А. В. Лукина,[33] М. Эмерсона[34];

• исследования, посвященные вопросам влияния геополитических факторов на ЕАЭС в условиях перераспределения сил между государствами на евразийском континенте. Это работы А. И. Агеева,[35] Н. А. Васильевой,[36] И. Ф. Кефели,[37] Д. Кадира[38].

Также представляются весьма ценными публикации собственно по интеграционной тематике на пространстве Евразии А. А. Казанцева, К. Е. Коктыша,

---

[29] Абрамов В.А., Абрамова О.Д. Экономические интересы России и ЕАЭС в интеграционном взаимодействии с ключевыми странами АТР при формировании Большого евразийского партнёрства // PolitBook, 2018. № 3. С. 131–142.

[30] Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. 2018. № 3. С. 33–51.

[31] Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН, 2018. — 612 с.; Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН, 2018. — 694 с.; Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 1 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН, 2019. — 636 с.; Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН, 2019. — 1040 с.

[32] Косов Ю.А, Фролов В.Е. О перспективах расширения Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 59–65.

[33] Lukin A., Yakunin V. Eurasian Integration and the Development of Asiatic Russia // Journal of Eurasian Studies. 2018. No.9. P. 100–113.

[34] Emerson M. Toward a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? // Global Journal of Emerging Market Economies. 2014. No.1. P. 35–68.

[35] Агеев А.И. Большая Евразия – 2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества // РПП ИНЭС – 29 ноября 2017. [Электронный ресурс]. – URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/12/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%D1%8F-%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F_2030_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

[36] Васильева Н.А. ЕАЭС: российские геополитические интересы // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 98–104.

[37] Кефели И.Ф., Кузнецов Д.И. Евразийский вектор глобальной геополитики. — М.: Юрайт, 2018. — 274 с.

[38] Kadier D. Special Report: The Geopolitics of Eurasian Economic Integration // LSE IDEAS. — 12 июня 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-Geopolitics-of-Eurasian-Economic-Intergration.pdf (дата обращения:17.01.2022).

И. Н. Тимофеева; [39] а также представителей Московского государственного университета (МГУ) имени М. В. Ломоносова – В. С. Изотова, П. А. Цыганкова,[40] Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) – Т. В. Бордачева, С. А. Караганова, Ф. А. Лукьянова,[41] и Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) – С. П. Глинкиной, Р. С. Гринберга и другие.[42]

В части формирования методологии исследования весьма значимой автор полагает научную школу МГИМО, на которую он главным образом и опирается. Так, в рамках задач исследования автор полагает ценным и значимым конструктивистский подход, [43] изложенный в публикациях Т. А. Алексеевой, наработки в части истории идей А. А. Чанышева[44] и А. В. Шестопала[45], публикации

---

[39] Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. – М.: МГИМО, 2008; Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В. Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 155–168.; Тимофеев И.Н., Алексеенкова Е.С. Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения // Портал РСМД – 16 декабря 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskoe-napravlenie-vneshney-politiki-rossii-interesy-vo/ (дата обращения: 10.01.2022).

[40] Костин А. И., Изотов В. С. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 2. С. 7–32.; Tsygankov A., Tsygankov P. Russian IR Theory: The Crisis of a Globally-Pluralist Discipline // European Review of International Studies. 2014. Vol. 1, No. 2. P. 92–106.

[41] Бордачев Т.В. ШОС как фундамент Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» – 02 июля 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-kak-fundament-bolshoy-evrazii/ (дата обращения: 10.01.2022).; Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международная жизнь. 2017. № 5. С. 6–18.; Лукьянов: Применительно к Евразии россияне куда амбициозней китайцев // Российская газета — 29 марта 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2016/03/29/lukianov-primenitelno-k-evrazii-rossiiane-kuda-ambicioznej-kitajcev.html (дата обращения: 10.01.2022).

[42] Вардомский Л.Б., Глинкина С.П., Головнин М.Ю., Зевин Л.З., Косикова Л.С., Кузьмина Е.М., Ушкалова Д.И., Шурубович А.В. Проблема формирования евразийского полюса экономической силы и его позиционирование в мире // Мир перемен. 2012. № 2. С. 162–177.

[43] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1(14). С. 4-22.

[44] Чанышев А.А. История политических учений – М.: ПРОСПЕКТ. 2007. – 592 с.

[45] Шестопал А.В. Русская философия: современность и классика. // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 14–29.

в области истории идеологий О. Ю. Малиновой,[46] труды в части анализа процесса принятия решений В. М. Сергеева,[47] и в части теории метафоры – К. Е. Коктыша.[48] Также автор использует метод когнитивной деконструкции, изложенный в работах К. Е. Коктыша,[49] В. М. Сергеева,[50] Р. Аксельрода,[51] Д. Олсона[52] и ряд иных специалистов по когнитивистике.

Собственно эмпирическую базу исследования составляет массив текстов экспертов, лидеров общественного мнения и представителей власти Кореи, Китая и Японии, а также программные заявления лидеров ЕАЭС.

Область исследования

[46] Малинова О.Ю. Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сб. науч. тр. РАН ИНИОН. Ред. и сост. Выпуска / Под ред. О.Ю. Малиновой – М., 2003. – 199 с.

[47] Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс / Моск. обществ. науч. фонд. – М., 1999. – 147 с.

[48] Коктыш К.Е. Теория метафоры и политические институты. М.: МГИМО. 2019. – 225 с.

[49] Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии. – М.: МГИМО. 2021. – 320 с.; Коктыш К.Е. Онтология рационального (I) // Полития. 2016. № 2 (81). С. 33–54.; Коктыш К.Е. Онтология рационального (II) // Полития. 2016. № 3 (82). С. 6–30.; Коктыш К.Е. Онтология рационального (III) // Полития. 2016. № 4 (83). С. 6–24.; Коктыш К.Е. Онтология рационального (IV) // Полития. 2017. № 1 (84). С. 46–71.; Коктыш К. Е. Событие свободы: опыт деконструкции. // Полис. 2020. № 2. С. 21–36.; Коктыш К. Е. Становление когнитивного кода современности // Полис. 2022. № 6. С. 94–113.

[50] Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. – 147 с.; Сергеев, В.М., Алексеенкова, Е.С. Теория и практика политической коммуникации – М.: Проспект. 2010. – 125 с.; Сергеев В.М., Казанцев А.А., Коктыш К.Е. Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках: монография. – М.: Проспект. 2010. – 192 с.; Сергеев В.М., Коктыш К.Е. Конфликты элит в трехсотлетней истории российской модернизации. // Полис. 2023. № 1. С. 173–182.

[51] Axelrod R. Conflict of Interest: a Theory of Divergent Goals with Applications to Politics. Markham Publishing Company. 1970. P. 216.; Axelrod R. Structure of Decision: The Cognitive Map of Political Elites. Princeton University Press. 1976. P. 404.; Axelrod R. The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration. Princeton University Press. 1997. P. 248.; Axelrod R. Passion for Cooperation: Adventures of a Wide-Ranging Scientist. University of Michigan Press. 2023. P. 154.; Axelord R. The Dissemination of Culture: A Model with Local Convergence and Global Polarization // The Journal of Conflict Resolution. 1997. Vol. 41, No. 2. P. 203–226.

[52] Olson D. Cognitive Development: The Child's Acquisition of Diagonality. New York: Academic Press. 1970. P. 220.; Olson D. The World on Paper: The Conceptual and Cognitive Implications of Writing and Reading. Cambridge: Cambridge University Press. 1994. P. 318.; Olson D. Psychological Theory and Educational Reform: How Schools Remake Mind and Society. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. P. 343.; Olson D. The Mind on Paper: Reading, Consciousness and Rationality. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. P. 270.; Olson D. Making Sense: What It Means to Understand. Cambridge: Cambridge University Press. 2022. P. 196.

Область исследования данной диссертации соответствует паспорту научной специальности ВАК 5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии» п. 2. «Онтологические, морфологические и процессуальные параметры политики, современные тенденции её эволюции», п. 11. «Региональное измерение политики и политического управления», и п. 16 «Процессы и механизмы политического восприятия. Политическое сознание», а также п. 1 «Международные отношения, безопасность, политика / International Relations, Security, Politics» приоритетных направлений научных исследований МГИМО.

Объект исследования

В качестве объекта исследования автор рассматривает евразийские дискурсы, формируемые «тринитарным комплексом внешней политики» – то есть политическими деятелями и государственными служащими, журналистами и лидерами общественного мнения, а также экспертами и представителями академического знания.

Предмет исследования

Предметом исследовании являются политические метафоры, содержащиеся в политических текстах представителей власти стран ЕАЭС (России, Беларуси, Казахстана, Армении, Кыргызстана) и СВА (Кореи, Китая, Японии), а также экспертов и лидеров общественного мнения, относящиеся к Евразии и к принятию внешнеполитических решений на евразийском направлении.

Цель и задачи исследования

Целью предлагаемого исследования является анализ процесса формирования внешнеполитической позиции стран СВА в отношении новой геополитической реальности, которая, начав формироваться с распадом Союза советских социалистических республик (СССР), получила новое измерение после декларированного Президентом Российской Федерации В. В. Путиным «разворота на Восток», и институционально оформляется проектом «Евразийского экономического союза». Это решение должно было породить процесс коррекции

внешнеполитических приоритетов в отношении ЕАЭС в трех исследуемых автором странах СВА – Кореи, Китая и Японии.

Используемая автором методология сводится к выявлению политико-дискурсивных основ, принципов и механизмов принятия внешнеполитических решений странами ЕАЭС и СВА с учётом сетевых аспектов комплексных взаимодействий и многоуровневых контактов между ними. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

- выявить базовые когнитивные установки политических элит стран СВА в отношении евразийского региона и проекта ЕАЭС и проследить логику их влияния на формирование практических политических решений;
- выявить и проанализировать внешнеполитические концепции и стратегии Республики Корея, Китая и Японии в отношении евразийского региона, проследить логику их трансформации;
- выявить ключевые факторы евразийской проблематики в картине мира анализируемых стран СВА и оценить их влияние на процесс принятия практических политических решений;
- выявить роль ЕАЭС как ядра евразийской экономической интеграции, определить когнитивные установки элит стран ЕАЭС в отношении этого объединения, оценить способность ЕАЭС оказывать геополитическое воздействие;
- сформулировать практические рекомендации по прогнозам дальнейшего развития отношений главных стран ЕАЭС и СВА в контексте процессов евразийской континентальной интеграции.

Научная проблема

Научная проблема сводится к выявлению долгосрочных стратегических установок стран СВА относительно Евразийского региона. Это представляется задачей достаточно сложной, поскольку анализ формальных институциональных конструкций стран СВА и ЕАЭС явно будет недостаточным и

малоинформативным. Ведь ключевым фактором в формировании стратегических установок и подходов всегда является картина мира элит, то есть их онтология и вытекающие из них ценности и предпочтения – иными словами, качественные параметры, которые едва ли поддаются количественному измерению. При этом они вполне обнаружимы и наблюдаемы, поскольку имеют формат существования в виде публично артикулируемых политических метафор.

Автор видит решение этой проблемы в использовании инструментария когнитивного анализа применительно к деконструкции этих политических метафор, и выявлении тех каузальных связей, из которых исходят в своем видении реальности публичные политические деятели. Такой подход, по мнению автора, позволяет создать релевантную объяснительную схему, которая бы позволила адекватно интерпретировать стратегические тексты азиатских участников МО в отношении ЕАЭС.

Научная гипотеза

Автор исходит из того, что когнитивные установки стран СВА в отношении ЕАЭС являются ключевыми в части формирования целей и приоритетов их политики в отношении ЕАЭС. Они будут складываться как на основе их собственного культурного багажа, исторического опыта и актуальных экономических и политических практик, так и на основе их рефлексии соответствующих установок стран Евразии. Критически важной представляется онтология политического класса: именно последняя предопределяет специфику рефлексии реальности и выбора альтернатив.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическая база исследования образована совокупностью политических текстов, произведенных политиками, а также государственными и экспертными институтами стран ЕАЭС и стран СВА. Речь идет о стратегических документах, внешнеполитических доктринах, заявлениях, статьях и интервью политиков и экспертов в области политики и бизнеса, которые можно отнести к евразийскому дискурсу. Подробный перечень охваченных исследованием вынесен в Приложения

А (Республика Корея, стр. 207-219), Б (КНР, стр. 220-229) и В (Япония стр. 230-241).

Научная новизна

Научная новизна состоит как во введении в актуальный оборот совокупности политических текстов на корейском, китайском и японском языках, так и в попытке автора выявить «концептуально интегрированные сети» в этих странах, формирующие евразийский дискурс.

Стратегии основных международных политических образований, таких как ЕАЭС, а также стран, в нашем случае – Кореи, Китая и Японии – по-разному обсуждаются на национальном и многостороннем уровнях. Автор пытается объединить эти интерпретации на основе сетевого подхода и теории метафор, произведя их когнитивную деконструкцию.

Методологическая основа и методы диссертационного исследования

В качестве методологической основы автор рассматривает теорию политической метафоры (Джордж Лакофф и Марк Джонсон), [53] когнитивный подход (В. М. Сергеев и К. Е. Коктыш)[54] и теорию концептуальной интеграции (Жиль Фоконье и Марк Тернер).[55]

В изучении международных отношений проблема анализа текста довольно часто затрагивалась в различных исследованиях. С точки зрения теории метафоры текст является очень важным объектом анализа, поскольку идентичность субъекта во многом определяется его представлением о другом.[56] В области международных отношений акторы раскрывают свою идентичность через внешнюю политику: это программные установки, доктрины и практические решения. Все эти тексты, т.е. актуальная политическая риторика, являются весьма важным моментом в части

---

[53] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chigao: University of Chicago Press. 2003. P. 256.
[54] Сергеев В.М., Коктыш К.Е. Научно-технический прогресс и онтологический провинциализм // Международные процессы. 2024. № 1 (76). С. 6–21; Коктыш К.Е., Сергеев В.М. Рождение глубинного государства // Полис. 2024. № 1. С. 134-148.
[55] Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books. 2002. P. 464.
[56] Скребцова Т.Г., Когнитивная лингвистика: Курс лекций. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2011. с. 34.

анализа и понимания внешнеполитического поведения субъекта.[57] Язык текстов, создаваемых лицами, принимающими решения в области внешней политики, по определению имеет политическую природу, но изначально укоренен в обусловленной национальной культурой повседневности: в «международном» звучании он обретает новые коннотации, но, как правило, не новые смыслы.

Теоретическая значимость и степень достоверности

Теоретическая значимость состоит в выявлении автором когнитивных оснований, обуславливающих политические приоритеты, целеполагание и логику принимаемых практических решений стран СВА в отношении евразийского пространства. В каждой из стран СВА Евразия традиционно включена в весьма разные парадигмы, которые либо оказываются совместимыми с соответствующими установками стран ЕАЭС, как в случае Китая, либо разнородными, как в случае Республики Корея и Японии. Анализ автора показывает, что политическая прагматика и порождаемые ею возможности осмысливаются не сами по себе, а в рамках существующих когнитивных схем, по сути, фреймирующих ее оценку и восприятие, и задающих свою оценку реальности и вытекающее из нее целеполагание. Последнее может существенно расходиться с логикой, задаваемой прагматическими установками: целый ряд возможностей может просто оказываться за пределами соответствующего «фрейма», и в силу этого оставаться незамеченным.

Кроме того, новизна состоит и во введении в научный оборот большого колитичества источников на корейском, китайском, японском и английском языках.

Положения, выносимые на защиту:

1. При полном лингвистическом совпадении концепт Евразии имеет разное смысловое наполнение как на постсоветском пространстве, так и во всех странах СВА. Так, в России (и в странах объединения) это геополитическое и геоэкономическое понятие, представляющее собой комплекс внешнеполитических

[57] Арутюнова Н.Д., Журинская М.А. Теория метафоры: Сборник: Перевод с английского, французкого, немецкого, испанского, польского языков. – М.: Прогресс. 1990. с. 32.

и внешнеэкономических идей главным образом прагматического содержания, что как минимум затрудняет артикуляцию политических интересов. В Республике Корея оно осмысливается в терминах политики «север-юг», в первую очередь отображая противостояние двух Корей, и лишь во вторую концептуализируя выход Сеула на более широкие международные взаимодействия. Для Китая Евразия – это зона международной конкуренции в АТР и пространство реализации проекта «Пояс и Путь», сопряженное с российской инициативой Большого Евразийского партнерства, важное в части доступа к энергоресурсам. Для Японии Евразия – это континентальная зона регионального соперничества, где главной политической целью является сдерживание конкурирующих сил, которой подчинено экономическое сотрудничество, а главной экономической целью является доступ к энергоресурсам. При этом именно когнитивные установки являются ключевыми при формировании политики и принятия политических решений.

2. Разность когнитивного наполнения понятия Евразии обусловило как особенности становления и развития ЕАЭС, так и формирование соответствующих страновых политик и стратегий стран СВА. Так, ЕАЭС с началом украинского кризиса прошел через период реконцептуализации, переориентировавшись с ЕС на страны Азии. В целом этот процесс прошел успешно, при этом критичным фактором стало сотрудничество России и Китая, придавшее существенный импульс интеграционным процессам в странах Центральной Азии. Что существенно, последнее стало возможным именно в силу когнитивной близости соответствующих установок России и Китая. В равной мере ограниченные возможности совмещения когнитивных установок России и остальных стран ЕАЭС, с одной стороны, и Республики Корея и Японии, с другой обусловили практическое отсутствие заметного прогресса на этих направлениях.

3. Для Китая евразийское направление стало реализацией открывшихся возможностей, оформившись в проект Экономического Пояса Шелкового пути. Когнитивная совместимость позиций России и стран ЕАЭС позволила Китаю существенно расширить диалог и взаимодействие как с Россией и странами

Центральной Азии, и с ЕАЭС как международным субъектом, объединяющим экономические интересы стран-участниц.

4. Когнитивные установки Республики Корея изначально предполагали узкое фокусирование на «северной политике», вследствие чего значимое количество возможностей, возникших вместе с ЕАЭС, попросту оказалось за пределами фокуса осознаваемых и формулируемых политических интересов. При этом отсутствие результата на главном, северокорейском направлении, было компенсировано побочными результатами, возникнувшими в рамках политического процесса. Так, Сеул смог обрести ценный опыт самостоятельной междлународной коммуникации в двусторонних и многосторонних форматах, который до этого не был наработан в достаточной степени.

5. Для Японии интерес к Евразии носил инструментальный характер: в рамках ее когнитивных установок регион рассматривался не более чем еще одна площадка, на которой должна была реализовываться широкая стратегия Японии по сдерживанию Китая и России, где Токио видел себя ключевым партнером США. В этом плане результативным для него оказалось только прагматичное региональное сотрудничество, которое, впрочем, не приняло больших масштабов.

Предполагаемая практическая значимость и апробация результатов исследования

Труд автора вносит свой вклад в понимание логики принятия решений странами СВА на евразийском направлении, выявляя как их долгосрочные когнитивные установки, так и корневые метафоры, оформляющие и легититмирующие их практическую политику. В этом контексте предлагаемая автором методология может быть полезной как в рамках научного дискурса, так и для формирования практической политики России на евразийском направлении. Предстваляется, что настоящий труд может быть полезен и в контексте практического формирования политики ЕАЭС как международной организации региональной экономической интеграции в отношении стран СВА.

Основные части диссертации опубликованы в рецензируемых научных журналах.

Апробация результатов исследования

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в следующих статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях Перечня ВАК (К1–К3):

1. Kim Min Koel. China’s World Strategy Thoughts in “Three Historical Resolutions”: Ideological Metaphors and Foreign Policies / Kim Min Koel // The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World. – 2022. – № 4 (34). – С. 106-119. (ВАК К2).

2. Ким Мин Кёль. Становление «Северной политики» Республики Корея (1998–2003) / Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е. // Дискурс-Пи. – 2025. – Т.22. – № 2. – С. 93-107. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_2_93. (ВАК К2).

3. Ким Мин Кёль. Трансформации «Северной политики» Республики Корея в реалиях XXI века / Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е. // Дискурс-Пи. – 2025. – Т.22. – № 3. – С. 157-170. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_3_157. (ВАК К2).

Кроме того, ключевые тезисы диссертации прошли апробацию в виде докладов на многочисленных международных научных конференциях. В частности, это

- доклад *«Южнокорейская евразийская стратегия в условиях региональной и глобальной интеграции»* на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2018» 12.04.2018 г.
- доклад *«Китайское восприятие ЕАЭС в рамках «нового типа международных отношений»* на IV Международной научно-практической конференции «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы» 27.04.2018 г. в Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации.
- paper *“'Small' Powers Embracing 'Great' Projects: Central Asian Republics as Actors with Agency on Russia's EAEU and China's OBOR”* at the Central

Eurasian Studies Society 19th Annual Conference (25.10.2018) at University of Pittsburgh, Pittsburgh, Pennsylvania, United States of America

- paper *"The Concepts of "Greater Eurasian Integration" in Russia's EAEU and China's OBOR'"* at British International Studies Association Postgraduate and Early Career Researchers Conference 2019 (10.04.2019) at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom.
- доклад *«Евразийский вектор внешней политики Японии в реалиях XXI века»* на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2021» 16.04.2021 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова
- доклад *«Становление и развитие евразийской стратегии Республики Корея после холодной войны»* на XIV Конвенте Российской ассоциации международных исследований 14.10.2022 г.
- paper *"Dynamics of Korea-Russia Relations in the Context of Eurasian Geopolitics"* at Hanyang University Asia-Pacific Research Center Korea-Russia Emerging Scholars Conference 2024 (28.11.2024) at Hanyang University, Seoul, Republic of Korea.
- paper *"Restruction of the World Order and Korea-Russia Relations - Challenges and Opportunities"* at Hanyang University Asia-Pacific Research Center Korea-Russia Emerging Scholars Conference 2025 (28.11.2024) at Hanyang University, Seoul, Republic of Korea.

Структура работы

Во введении обосновывается актуальность представленного исследования, освещается степень разработанности проблемы, формулируется теоретическая и методологическая основа работы, формулируются цели и задачи исследования.

В первой главе «Когнитивные основания метафоры «мира регионов» и институтов регионализма в современных международных отношениях» проводится анализ теоретических аспектов и концептуальных основ

транснационального регионализма на евразийском континенте, особое внимание уделяется структурным характеристикам трансформирующегося мирового порядка, начавшегося с завершения холодной войны.

Во второй главе «Политические метафоры и когнитивные установки участников евразийской интеграции после возникновения ЕАЭС» анализируются особенности ЕАЭС как одного из основных институтов постсоветской интеграции со своими социально-экономическими, внешнеполитическими и геополитическими функциями.

В третьей главе «Концептуально-структурные основания внешней политики в отношении Евразии стран СВА» особое внимание уделяется разработке внешнеполитических концепций и стратегий на евразийском направлении в странах СВА, в том числе инициативам «Новая северная политика» Кореи, «Один пояс и один путь» Китая, и подходу «Острожное сближение» Японии.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются основные выводы и рекомендации.

ГЛАВА I . Когнитивные основания метафоры «мира регионов» и институтов регионализма в современных международных отношениях

§ 1.1. Политическая метафора как объект анализа

В условиях неопределенности и трансформаций, а этот процесс наступил с момента завершения холодной войны, так и не реализовавшись в фукуямовскую конструкцию глобального либерального мирового порядка,[58] эффективность традиционного институционального анализа представляется весьма ограниченной: главными становятся не институциональные конструкции, а те смыслы, которые различные политические акторы стремятся их посредством реализовать. Соответственно, критичным становится понимание специфики политического языка: именно он является главным средством концептуализации реальности, а главным наблюдаемым средством его выражения является метафора. Являясь главным инструментом познания, в момент своего приложения к описанию реальности она «вписывает» ее в онтологические и ценностные рамки. Обоснование концепта метафоры как основной категории мышления связано с Джорджем Лакоффом,[59] хотя близкие концепты можно найти и у ряда иных авторов, таких как Поль Рикер,[60] Эрл Маккормак,[61] Юрий Лотман,[62] Владимир Карпов,[63] Николай Болдырев,[64] и другие. Лакофф, впрочем, в большей степени, нежели остальные, вышел за пределы классической лингвистики в лингвистику когнитивную, обнаружив, что именно метафоры формируют категории

[58] Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press. 1992. P. 418.
[59] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press. 2003. P. 256.
[60] Abelson R. Beliefs Are Like Possesions // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1986. Vol. 16, No. 3. P. 223-250.
[61] Maccormac E. A Cognitive Theory of Metaphor // Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1985. Vol. 45, No. 4. P. 418-420.
[62] Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра. 1992. 479 с.
[63] Карпов В. А. Язык как система. – Минск: Вышэйшая школа. 1992. 304 с.
[64] Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. — М.: ЯСК. 2018. 480 с.

человеческого мышления, а вместе с ним – систему оценок и ценностей и картину мира.[65]

Из этого следует несколько значимых выводов. Метафора, в том числе политическая, причем несущественно, относится ли она к внутренней или ко внешней сфере, будучи озвученной, формирует у аудитории, к которой она адресована, устойчивое понимание систем координат – даже если сам артикулировавший ее политик исходил из несколько иного ее понимания. Во-вторых, метафора всегда говорит больше, чем хотел озвучить политик. В-третьих, метафора всегда связана с культурным кодом, и ее прочтение в разных социокультурных пространствах будет по определению разным.

При этом политическая метафора, будучи отображением вполне живого и развивающегося процесса, меняется по мере развития ситуации – но она накладывает на этот процесс свои собственные рамки: изменения возможны только в пределах изначально заложенной семантики.

Метафора – риторический приём, структурирующий повседневное человеческое восприятие.[66] Человек интерпретирует ситуации на основе своего восприятия и действует, основываясь на нем. Восприятие, в свою очередь, структурировано определённой концептуальной системой или когнитивной схемой. Лакофф и Джонсон представляют данную структуру как метафорическую. Суть метафоры заключается в «понимании и переживании одного типа вещей с точки зрения другого типа вещей».[67] Это ещё один способ сказать, что метафора – общепринятое определение «риторического приёма, определяющего незнакомое через знакомое». Лакофф и Джонсон иллюстрируют концепцию метафоры на примере фразы «время – деньги». «Время» – незнакомый и неопределённый термин, в то время как «деньги» – знакомый и определяемый термин. Проецируя значение

[65] Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: The University of Chicago Press. 1987. P. 632.
[66] Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press. 2003. P. 20.
[67] Lakoff, Johnson (2003). P. 23.

и восприятие денег на время, человек определяет время, придаём ему значение и переживает время в соответствии с данным значением.

Причина, по которой эти выражения так легко понятны в повседневной жизни, кроется в опыте человека обращения с деньгами. Деньги — нечто ценное и поддающееся точному измерению. Именно поэтому человек понимает и воспринимает время как нечто, что можно «тратить, растрачивать попусту, планировать, инвестировать или растрачивать попусту, разумно или неумело».[68]

Определение метафоры имеет ряд последствий в изучении политической метафоры. Во-первых, метафора – понятие не литературное, а повседневное. Фактически, почти все определения потенциально метафоричны. Общая форма определения – «А есть Б», и общая форма предполагает сходство между А и Б. В примере Лакоффа и Джонсона «Время – деньги» предполагается отношение сходства «времени» и «денег». Если все определения потенциально метафоричны, то определения понятий также потенциально метафоричны.

Другое следствие метафоры заключается в том, что метафоры образуют систему. Как видно на примере метафоры «время», существует концептуальная связь между центральной метафорой «время – деньги» и различными выражениями, связанными со временем. Лакофф и Джонсон определяют центральную метафору, такую как «время – деньги», как «метафорическое понятие», а различные выражения, связанные с ней, – как «метафорические выражения». И он упоминает о системной природе метафорических понятий, говоря, что «метафорические выражения систематически связаны с метафорическими понятиями».[69]

Метафоры не только создают смысл, но и структурируют восприятие человека, его способы взаимодействия с миром и взаимоотношения с другими людьми. Другими словами, Лакофф и Джонсон утверждают, что метафоры не просто отражают реальность, но и играют активную роль в её определении и конструировании. С помощью метафор человек формирует представления об

[68] Lakoff, Johnson (2003). P. 27.
[69] Lakoff, Johnson (2003). P. 30.

объектах и событиях и действуют соответствующим образом. Данные три характерных свойства метафоры можно свести к повседневности, системности и ориентации на конкретные действия.

Данная характеристика метафор применима и к конфликтным ситуациям, возникающим во внутренней и международной политике. Метафоры конфликта структурируют то, как официальные лица, эксперты или граждане страны концептуализируют и понимают конфликт, а также то, как они действуют в конфликтных ситуациях. Важно отметить не конкретное содержание политических метафор, а то, что метафоры формируют восприятие реальности конфликтных ситуаций и определяют поведение страны в них. Если страна А интерпретирует конфликт, возникающий в отношениях со страной Б, посредством негативных метафор, в том числе «Конфликт – как война» или «Конфликт – сбой в коммуникации», стороны конфликта сформируют враждебные, конфронтационные отношения. С другой стороны, если они интерпретируют его посредством позитивных метафор, в том числе «Конфликт – возможность интеграции для лучшего развития» или «Конфликт – рациональный компромисс между различными мнениями для лучшего развития», будут сформированы дружественные, основанные на сотрудничестве отношения. Страны действуют в соответствии с позитивными или негативными метафорами конфликта, которые уже существовали до того, как они столкнулись с конфликтной ситуацией.

§ 1.2. Когнитивный подход в политической науке

С теорией метафоры фактически смыкается и когнитивный подход, направление, начавшее развиваться в политической науке с середины прошлого века. Объектом его исследования является мышление как таковое, а результатом приложения становятся когнитивные установки и когнитивные схемы, те причинно-следственные связи, которые политический актор воспринимает как актуальные, и на которых строится и его онтология, и ценности. Первые попытки применения когнитивного инструментария к анализу практической политики

связаны с трудами Мэтью Дж. Бонэма, Майкла Дж. Шапиро,[70] которые попытались создать компьютерную модель переговорного процесса для объяснения того факта, что переговоры довольно часто ведут к не предвидевшимся ранее результатам, и получили дальнейшее развитие как в их последующих трудах,[71] так и в их совместных трудах с российскими исследователями, таких как Виктор Сергеев и Борис Паршин,[72] анализировавших процесс трансформации представлений о предмете переговоров и интересах сторон в процессе переговоров по запрещению испытаний ядерного оружия. Тогда же появились и труды Роберта Аксельрода, посвященные анализу процесса когнитивной интеграции участников международных переговоров в процессе преодоления конфликта интересов,[73] им же была предложена методология когнитивного картирования, когда в общий инструментарий была добавлена возможность графического представления тех причинно-следственных связей и императивов, из которых исходят участники переговоров.[74] Дэвид Олсон предложил интегрировать когнитивистику и теорию познания,[75] а Роберт Абельсон предложил методы анализа языка и деконструкции метафоры.[76]

Впрочем, релевантность получаемых результатов носила ограниченный характер, и фокус исследовательского внимания сместился в сторону анализа групповых установок: с очевидностью участник переговоров является участником властной элитной группы, и именно ее представления он транслирует. Правда,

---

[70] Bonham G., Shapiro M. Explanation of the Unexpected: Computer Simulation of a Foreign Policy Advisor. In: Robert Axelrod (eds). The Structure of Decision. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1976. P. 113-141.

[71] Bonham G., Shapiro M. Thought and Action in Foreign Policy. Princeton, Basel: Birkhäuser. 1977. P. 364.

[72] Bonham G., Sergeev V., Parshin P. The Limited Test–Ban Agreement: Emergence of New Knowledge Structures in International Negotiation // International Studies Quarterly. 1997. Vol. 4, No. 2. P. 215 – 240.

[73] Axelrod R. The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration, Princeton: Princeton University Press. 1997. P. 248.

[74] Axelrod R., Cohen M. Harnessing Complexity. New York: Basic Books. 2001. P. 207.

[75] Olson D. Making Sense: What It Means to Understand. Cambridge: Cambridge University Press. 2022. P. 196.

[76] Abelson R. Beliefs Are Like Possesions // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1986. Vol. 16, No. 3. P. 223-250.

большинство исследований такого рода стали главным образом предметом социологии и экономики, именно там найдя свое прикладное применение – это главным образом исследования Марка Гранноветтера в области трансформации групповых когнитивных установок [77] и рынков, в частности, рынка труда, [78] Альберта Хиршмана[79] и Джорджа Акерлофа.[80] Главная ценность этих работ – это понимание, что базовые когнитивные установки, являясь реальностью, во многом сконструированной социальными институтами, при этом демонстрируют ригидность и устойчивость, обретая собственное существование.

К когнитивному подходу близка и «теория концептуального смешения» (“Theory of Conceptual Blending”) Жиля Фоконье и Марка Тёрнера, по сути являющаяся теорией познания. Она утверждает, что смысл возникает как продукт общих когнитивных способностей человека в результате концептуальной гибридизации,[81] а концептуальное смешение — это мощный когнитивный процесс, включающий взаимодействие «входных пространств» (“Input Spaces”), «межпространственное отображение» (“Inter-spatial Mapping”) и проекцию из входных пространств в «смешанное пространство» (“Blend”).

Сама концептуальная гибридизация базируется на нескольких посылках. Так, «межпространственное отображение» — это систематическое соответствие между двумя входными пространствами, «родовое пространство» — это термины и понятия, в которых эти пространства осмысливаются, а «смешанное пространство» — это выборочные проекции двух входных пространств друг на друга, включая и появляющиеся новые когнитивные установки, отсутствующие в исходных

---

[77] Granovetter M. The Threshold Models if Collective Behavior // The American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83, No 6. P. 1420-1443.

[78] Granovetter M. The Sociological and Economic Approach to Labor Markets: A Social Structural View. In: George Farkas, Paula England. Industries, Firms and Job: Sociological and Economic Approaches. New York: Plenum Press. 1988. P. 187-216.

[79] Hirschman A. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press. 1970. P. 162.

[80] Akerlof G. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 84, No. 3. 1970. P. 488–500.

[81] Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22, No. 2. P. 133-187.

пространствах. Таким образом, собственно появление смысла становится результатом категоризации, которая вполне может основываться на широком круге критериев, в том числе и не являющихся системными для познаваемой части реальности – что авторы и называют эффектом «концептуального смешения».[82] По сути, это теория является еще одной попыткой интерпретации метафорического переноса, но относящегося уже не столько к повседневности, сколько к научно-политическим концепциям.

Синтез же теории метафоры, теории сетей и когнитивного анализа внутриэлитных установок был продемонстрирован в двух исследованиях, выполненных научным коллективом МГИМО под руководством В. М. Сергеева. В одном из них объектом анализа стал процесс трансформации, изначально созданной банком «Голдман Сакс» метафоры БРИК,[83] проблематичной с точки зрения суверенитета стран-участниц объединения: прогноз, что страна либо группа стран станут в обозримом будущем наиболее перспективным рынком, не предполагает расцвета их субъектности, скорее, наоборот. Собственно, именно так, с настороженностью, эта политическая метафора и была воспринята в тогдашних четырех странах объединения. Авторы исследования проследили все ключевые этапы вхождения этой метафоры в публично-политический оборот в каждой из стран, и в особенности – запустившийся затем процесс ее реконцептуализации, когда постепенно, сначала – в ходе внутриэлитных и экспертных обсуждений, а затем и на международном треке сформировался нынешний концепт БРИКС как клуба, предполагающего не только субъектность каждого из его участников, но и их способность формулировать – и затем экстраполировать вовне – собственные правила международного взаимодействия.

---

[82] Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 220.

[83] Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Орлова А.С., Чимирис Е.С. БРИК – политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России // МГИМО – декабрь 2010. [Электронный ресурс] – URL: https://mgimo.ru/files2/y02_2011/182280/ad-24.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

Второе исследование было посвящено анализу и прогнозу внешнеполитической стратегии тогда только пришедшей к власти администрации Барака Обамы.[84] Методом для авторов стало выделение элитных сетей, влияющих на формирование практического политического дискурса, выделение их опорных онтологических метафор, и осуществление их последующей деконструкции, что обеспечило высокую релевантность результатов исследования.

Дальнейшее развитие эта методология, получившая название «когнитивного институционализма», получила в работе К. Е. Коктыша «Дискурс рационализма, свободы и демократии», [85] где на историческом материале была проведена когнитивная деконструкция «больших идей», идей свободы, демократии и порядка, и была показана неразрывная связь трансформации и реконцептуализации этих идей с политической прагматикой. Именно этот подход представляется автору наиболее продуктивным применительно к стоящим перед ним задачам: региональная политика по определению опирается на насущную прагматику взаимодействующих стран региона, и деконструкция этих связей между провозглашенными идеями и программами и актуальной прагматикой должна помочь ответить на главный вопрос настоящего труда – о когнитивных основаниях евразийской политики стран ЕАЭС и СВА.

§ 1.3. Дискурсы регионализма как глобальный тренд

Также нельзя обойти вниманием куст теорий, посвященных региональной интеграции. Сегодня все чаще принято говорить о «мире регионов», что логично: глобальный порядок находится в процессе глубокой трансформации и переживает кризисные процессы, а концептуальные альтернативы глобального устройства на сегодня находятся в стадии своего формирования, и не носят артикулированного характера. Соответственно, именно региональные конструкции и сюжеты сегодня

---

[84] Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Орлова А.С., Чимирис Е.С. Новое пространство мировой политики: взгляд из США // МГИМО – ноябрь2011. [Электронный ресурс] – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/213749/IMI_6-30.pdf (дата обращения: 17.01.2022)

[85] Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии. – М.: МГИМО. 2021. – 320 с.

становятся теми местами, где концентрируется реальная политика: большая степень определенности этого уровня позволяет государствам концентрироваться на реализации своего видения региона и себя в нем.

Регионалистика опирается на солидный корпус трудов, и предполагает возможность выделения объекта исследования, то есть региона, по довольно широкому кругу оснований, существенно выходящих за пределы географии. Впрочем, и изначальная латинская этимология слова «регион» («rego», «regere», «regio») предполагала собственно «управление», а не физическое ограничение пространства. Сегодня концепт региона предполагает пространство, обладающее некоей семантической общностью [86] , то есть своими уникальными экономическими, социальными и культурными характеристиками, сформированными как объективными физическими условиями, так и общим мировосприятием, ценностями, историческим прошлым и актуальными общими проектами. В целом же регионализм можно определить как комплекс идей, ценностей и политики, ориентированный на сохранение самобытности региона или повышение его роли и статуса в системе мирового порядка. Последний обычно связан с региональными проектами и организациями, углублением и расширением политико-дипломатического диалога, экономико-социального сотрудничеством и культурно-гуманитарными обменами на региональном уровне[87]. Что существенно, регионализм естественным образом связан с переосмыслением истории, то есть формированием некоей когнитивной общности, и в этом контексте сегодня можно говорить о «глобальном регионализме»[88], не просто выходящим за географические пределы, но и игнорирующего их – как, например, развивающийся на наших глазах «регион БРИКС».

---

[86] Langenhove, Luk. Building Regions: The Regionalization of the World Order. London: Routledge. 2011. pp. 2-3.

[87]` Louise Fawcett, “Regionalism from a Historical Perspective” in Mary Farrell, Björn Hettne, Luk van Langenhove (eds), Global Politics of Regionalism. Theory and Practice. London: Pluto Press. 2005. p. 25.

[88] Söderbaum F. Rethinking Regionalism. London: Palgrave Macmillan. 2016. p. 3.

При этом возникновение и оформление регионализма как научного направления тесно связано с процессами европейской интеграции XX века, в силу чего он в целом европоцентричен. В научном дискурсе традиционно доминирует восприятие европейской интеграции в качестве «образцового» примера: последняя рассматривается в качестве комплексной, многомерной и высокоинституализированной, по сути – в качестве лекала, определяющего, каким должен быть регионализм, в то время как региональные объединения в других частях мира зачастую рассматриваются как нетипичные, недостаточно развитые, и по сути как временное, преходящее политико-экономическое явление[89], и как «отклонение» от европейского «стандарта». Предположение, что регионализм является продуктом западной политики, реализовавшейся в Европе после Второй мировой войны, и проект европейской интеграции является первым успешным примером, в большинстве исследований остается по умолчанию доминирующим, хотя на поверку оно предвзято и не выдерживает критики. С очевидностью само явление регионализма зародилось намного раньше, чем началось его системное изучение, в этом контексте можно вспомнить такие региональные движения конца XIX - начала XX века, как пан-европеизм, пан-азианизм, пан-африканизм и панарабизм. Они, как правило, опирались на сочетание геополитических, социально-экономических, культурных факторов, а также скреплялись общими идеями и целями политического и межобщественного единства,[90] и в зависимости от исторического контекста принимали в разных регионах свои формы. Некоторые зародившиеся тогда идеи идей продолжают и сегодня влиять на современные региональные проекты, особенно в Азии, Африке, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке.

[89] Christiansen T. European and Regional Integration. In: John Baylis and Steve Smith (eds). The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations. Oxford: Oxford University Press. 2001. p. 495.

[90] Fawcett L. Regionalism from a Historical Perspective. In: Mary Farrell, Björn Hettne, Luk van Langenhove (eds). Global Politics of Regionalism. Theory and Practice. London: Pluto Press. 2005. p. 13.

Европоцентризм большинства теорий регионализма признается одной из его системных слабостей, ограничивающей его познавательный и объяснительный потенциал, [91] и оспаривается – в частности, концепцией «глобального регионализма», опирающейся на многочисленные исторические кейсы регионального взаимодействия, связанные с империями, союзами, торговыми лигами, союзами, конфедерациями и торговыми лигами. Методологически это оказывается смещает фокус исследовательского внимания с привычной парадигмы конкуренции между блоками «национализма» и «глобализма» на процесс взаимодействия между разнородными, и разновеликими, политическими субъектами, что делает это направление теорий регионализма более релевантным задачам настоящего исследования. В отношении современности «глобальный регионализм» концентрируется на рассмотрении форм практической кооперации, в которой, наряду с государствами, участвуют и неправительственные акторы, находящиеся за пределами суверенных границ – как, например, глобальные корпорации, и обращает внимание на тот факт, что регионализм XXI века отличается тем, что он де-факто является структурным компонентом современной глобальной политики, включая ряд «нетрадиционных» вопросов, таких как обеспечение социального благосостояния, защиты окружающей среды и технологической безопасности. Таким образом, инклюзивный подход глобального регионализма позволяет концентрировать исследовательское внимание на практических аспектах взаимодействия, позволяя их всесторонний анализ, при этом он осознанно уходит от противопоставления глобальной политики и региональной как двух разных измерений: одно на самом деле довольно часто дополняет другое.[92]

---

[91] Söderbaum F. What's Wrong with Regional Integration? The Problem of Eurocentrism // Robert Schuman Centre for Advanced Studies, European University Institute. 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://cadmus.eui.eu/server/api/core/bitstreams/532833ed-a142-53fc-89ef-f3345c3d37aa/content (дата обращения:04.04.2022).

[92] Lombaerde P., Söderbaum F., Langenhove L., Baert F. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism // Review of International Studies. 2010. Vol. 36, No. 3. pp. 731-733.

Кроме того, глобальный регионализм переосмысливает фактор пространства, уходя от «вестфальской» посылки в части понимания регионов как управляемых государствами региональных организаций и политических структур, перемещая акцент на функционирование межгосударственных и наднациональных организаций: последние рассматриваются с точки зрения их функциональной эффективности, то есть способности найти решения тем вопросам, ради решения которых они были созданы – как правило, таких как безопасность, развитие, торговля. Это вполне оправданный с точки зрения задач настоящего исследования акцент, поскольку институциональной основой ЕАЭС является организация, ограниченная уставными задачами, это главным образом экономика, и действующая на основе консенсуса своих участников. Таким образом, ЕАЭС – это не столько «коллектив государств», сколько коллективный проект, обладающий собственными проектными рамками и механизмами своей реализации, где государства формируют рамки для действия собственных негосударственных, главным образом корпоративных, субъектов.

Такого рода исследовательская оптика позволяет «глобальному регионализму» говорить о «мировом регионе», где региональные пространства структурируются географическими, историческими и цивилизационными, а также технологическими факторами, и описывать современность как переходный процесс от «модели международной системы» к «модели сети мировых регионов», где границы не относятся к географической территории,[93] а результатом станет «полицентрическая система» с глобальными регионами внутри.

Таким образом, автор в рамках исследования определяет регион как некую динамически меняющуюся общность, отличающейся собственной идентичностью, своими основаниями легитимности и собственной структурой принятия решений, иными словами – как особый способ организации некоей части мирового

[93] Beerkens H. Global Opportunities and Institutional Embeddedness: Higher Education Consortia in Europe and Southeast Asia. Enschede: University of Twente. 2014. pp. 29–30.

пространства, обеспечивающий последнему внутреннюю и внешнюю субъектность.

§ 1.4. Возникновение и концептуализация интеграционных метафор на евразийском пространстве

После распада Советского Союза почти все бывшие советские республики в декабре 1991 года подписали Договор о Содружестве Независимых Государств (СНГ) – первым шаг в череде интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Однако, как заявил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, «по объективным и субъективным причинам СНГ не стало решающей интеграционной организацией постсоветского пространства». [94] С момента образования СНГ, страны-участницы прилагали многоплановые усилия по созданию различных интеграционных организаций.

Центральным вопросом для постсоветских государств сегодня является создание новых интеграционных организаций, соответствующих региональным и глобальным тенденциям и задачам. За более чем два десятилетия независимости Россия, Беларусь и Казахстан накопили сравнительно богатый опыт формирования систем регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. Однако они все еще находятся в процессе построения более полных и влиятельных организаций. С одной стороны, интеграция является ответом на требования региональных условий, основанным на признании единого подхода со стороны каждого государства-участника интеграционной организации. С другой стороны, внутрирегиональное сотрудничество и интеграция являются одной из основных тенденций мирового развития в XXI веке. Например, Европейский союз (ЕС), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Ассоциация

[94] Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия — 25 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/504908 (дата обращения: 11.04.2022).

государств Южной Азии (АСЕАН) и Общий рынок стран Южного Конуса (МЕРКОСУР) демонстрируют успешное развитие в своих регионах.[95]

После распада Советского Союза в начале 1990-х годов было принято несколько политических решений по достижению большей экономической интеграции в рамках СНГ, а также были реализованы проекты по углублению сотрудничества между странами региона. Наконец, 1 января 2012 года Таможенный союз между Россией, Беларусью и Казахстаном сделал важный шаг в этом направлении, устранив все препятствия для торговли, движения капитала и рабочей силы между тремя странами.[96] В частности, некоторые российские политики указали, что создание ЕАЭС является ступенькой к всеобъемлющему «Евразийскому союзу», а затем валютному союзу и полной экономической интеграции между странами-членами.

Наконец, 29 мая 2014 года Россия, Беларусь и Казахстан подписали в Астане договор о запуске ЕАЭС с 1 января 2015 года. Посредством этого договора три страны обязались обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также координировать политику в секторах энергетики, промышленности, сельского хозяйства и транспорта.[97] Путин заявил, что Договор направлен на создание мощного и привлекательного центра экономического развития и большого внутреннего рынка с населением в 170 миллионов человек. Назарбаев оценил оптимистично экономический потенциал ЕАЭС, что совокупный ВВП его государств-членов достигнет около 900 миллиардов долларов к 2030 году.[98] В своей речи на церемонии подписания Договора, Назарбаев подчеркнул,

---

[95] Yesdauletova A., Yesdauletov A. The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration // TRAMES. 2014. Vol. 18, No. 1. pp. 5-7.

[96] Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия — 04 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya (дата обращения: 11.04.2022).

[97] Президенты РФ, Казахстана и Белоруссии подписали договор о создании ЕАЭС // Тасс — 29 мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/politika/1224252 (дата обращения: 11.04.2022).

[98] Прирост совокупного ВВП в ЕАЭС к 2030 году может составить $900 млрд // РИТМ Евразии — 29 Мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2014-05-29--

что граждане каждого государства-члена ЕАЭС будут иметь равный доступ к услугам образования и социальной инфраструктуре.

Назарбаев, считающий себя основоположником евразийской концепции на постсоветском пространстве, впервые предложил идею ЕАЭС во время выступления в МГУ 1994 года. [99] В ходе выступления перед российским экспертным сообществом, Назарбаев впервые высказал идею евразийской интеграции, основанной на политическом, экономическом, социальном и культурном взаимодействии постсоветских стран. Спустя полтора десятилетия в статье российской газеты «Известия» Назарбаев провозгласил необходимость евразийской интеграции в экономическом, военно-политическом и культурно-гуманитарном измерениях как ответа на развитие многополярности и ускорение регионализации мирового порядка.[100]

После поддержки Путиным и Лукашенко идеи Назарбаева, соглашение о создании ЕАЭС к 2015 году подписали президенты России, Беларуси и Казахстана. Три постсоветские страны согласились с необходимостью ускорения евразийской интеграции в целях повышения макроэкономической эффективности и конкурентоспособности на фоне мирового финансового кризиса 2008 года. Более того, лидеры России, Белоруссии и Казахстана нацелились на развитие ЕАЭС как одного из политико-экономических центров мирового уровня.

Выступая с речами и публикуя статьи по евразийской идее, лидеры России, Беларуси и Казахстана представили отечественной и международной аудитории концепцию ЕАЭС как нового регионального интеграционного проекта. Устные и письменные высказывания «отцов-основателей» ЕАЭС включали в себя комплексное понимание современных международных отношений – тенденции

---

prirost-sovokupnogo-vvp-v-eaes-k-2030-godu-mozhet-sostavit-900-mlrd-12973 (дата обращения: 11.04.2022).

[99] Оригинальный текст выступления Н.А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете // E-histor.kz — 28 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://e-history.kz/ru/news/show/28540 (дата обращения: 11.04.2022).

[100] Нурсултан Назарбаев: Мы находимся на рубеже создания радикально новой модели мировой экономики // Российская газета — 27 марта 2009. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2009/03/27/kazakhstan.html (дата обращения: 11.04.2022).

глобальной регионализации, многополярности мирового порядка и геополитической динамики на евразийском континенте и вокруг него.

Таблица 1.

Метафоры «Евразии» в статьи премьер-министра Российской Федерации В. В. Путина (газета «Известия», 04 октября 2011 года)

	Евразия как постсоветское пространство	**Евразийство как идеология**	**Прагматичное (или экономическое) евразийство**
Причины формирования ЕАЭС	• Использование «опыта СНГ» для запуска интеграционных процессов на постсоветском пространстве (Союзное Государство России и Беларуси, ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП)	• Речь не идет о «воссоздании» СССР, а о тесной интеграции на новой ценностной, политической, экономической основе	• Вынужденность вследствие мирового финансового кризиса искать «новые ресурсы» для экономического роста государств • Формирование ТС на основе «стратегических национальных интересов» России, Беларуси и Казахстана • Создание ЕЭП на принципах свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы
Восприятие Европы			• Рассмотрение «опыта ЕС» и других региональных объединений в проектах ТС и ЕЭП • Неотъемлемая часть «Большой Европы», объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов • Создание гармоничного сообщества экономик

			«от Лиссабона до Владивостока»
Восприятие Азии			• Роль ТС и ЕЭП как эффективной «связки» между Европой и АТР • Распространение принципов взаимодействия на все пространство — «от Атлантики до Тихого океана» • Продвижение Россией «общей позиции» всех участников ТС и ЕЭП в саммите АТЭС (2012 года, Владивосток)
Восприятие вестернизации и модернизации ЕАЭС	• Функция своего рода «центра» дальнейших интеграционных процессов за счет постепенного слияния ТС и ЕЭП по мере движения к будущему Евразийскому союзу		• Закрепление бизнеса на «открытом рынке» с вкладом ресурсов в модернизации • Воспринимание предпринимателями интеграционного проекта как «живого организма» для реализации инициатив • Обеспечение «устойчивости» глобального развития наряду с другими ключевыми игроками (США, КНР, ЕС, АТЭС и другими)

Источник: составлено автором на основе: Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия — 04 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya (дата обращения: 11.04.2022).

Таблица 2.

Метафоры «Евразии» в статьи Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко (газета «Известия», 17 октября 2011 года)

	Евразия как постсоветское пространство	**Евразийство как идеология**	**Прагматичное (или экономическое) евразийство**
Причины формирования Евразии	• Логичность появления пост-советских интеграционных структур (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС) • «Взаимодополнение» постсоветских интеграционных структур (Союзное государство, ТС, ЕЭП) • «Интеграция интеграций» на постсоветском пространстве к будущему Евразийскому союзу	• Развал Советского Союза является глубочайшей ошибкой XX столетия и смена биполярного мира на многополярный не произошла. • Как в таких условиях жить молодым государствам (стран СНГ) и вместе добиться уважения и «реализации своих законных интересов»? • Где наше место (стран СНГ) в осях координат Восток – Запад (Азия – Европа), Север – Юг (Развитые – Развивающиеся)?	• Построение «отношений с соседями» на прочной, взаимовыгодной и равноправной основе • Формировании нового мощного «единого рынка» с серьезнейшим производственным, ресурсным, интеллектуальным потенциалом • Создание серьезных «объединительных союзов» как верный шаг к стабильному миру
Восприятие Европы			• Неотъемлемая часть «общеевропейской интеграции» в качестве ключевого регионального игрока • Созданию общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока»
Восприятие Азии			• Возможность работы по одинаковым правилам на рынке «от Атлантики до Тихого океана»

			• Тесная интеграция с государствами и экономическими объединениями «на Востоке» (прежде всего с КНР) • «Приближение к рынкам АТР» как движущей силе экономики планеты в столетии
Восприятие вестернизации и модернизации Евразии			

Источник: составлено автором на основе: О судьбах нашей интеграции // Известия — 17 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/504081 (дата обращения: 11.04.2022).

Таблица 3.

Метафоры «Евразии» в статьи Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева (газета «Известия», 25 октября 2011 года)

	Евразия как постсоветское пространство	**Евразийство как идеология**	**Прагматичное (или экономическое) евразийство**
Причины формирования Евразии	• Сильные импульсы о стремлении простых людей к «сохранению» тесной и прочной взаимосвязи наших государств (стран СНГ), особенно экономик • Перевод «общего опыта» к более «результативным формам» разноформатной и разноскоростной региональной интеграции («от постсветского к евразийскому») • Идея евразийской интеграции как	• «Единство» географических и культурно-исторических связей народов огромной части Северной и Центральной Евразии («Евразийство» российского мыслителя Л. Н. Гумилева) • Часть формирующейся «евразийской идентичности» с ее культурным, религиозным и языковым многообразием • Никакой «реставрации» или	• Создание зоны «свободной торговли», таможенного, платежного и валютного союза, «общего рынка» товаров, услуг и капиталов • Построение интеграции прежде всего на основе «экономического прагматизма» • «Добровольная интеграция», исходя из интересов народа и страны • Объединение государств на основе

	«прорыв» для интеграционного процесса на пространстве СНГ (ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС)	«реинкарнации» СССР нет и не будет.	«принципов равенства», невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета • Создание ЕАБР и Антикризисного фонда с учетом «глобального финансово-экономического кризиса» • Общие стремление к плодотворному «экономическому взаимодействию и добрососедству»
Восприятие Европы			• Успешный «опыт создания ЕС» на основе равенства партнеров по интеграции
Восприятие Азии			• Поддержка интенсивного политического диалога и тесного экономического сотрудничества «с КНР» (в том числе в рамках ШОС и СВМДА) • Формирование Евразийского союза как «прочного звена», сцепляющего евроатлантический (ЕС) и азиатский ареалы развития (КНР, Япония, Индия)
Восприятие вестернизации и модернизации Евразии			• Важное условие модернизации России, Беларуси и Казахстана — активное наращивание инвестиционного и

			технологического сотрудничества с США, КНР, ЕС, АТЭС

Источник: составлено автором на основе: Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия — 25 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/504908 (дата обращения: 11.04.2022).

Таблица 4.

Дискурсивное взаимодействие России, Беларуси и Казахстана о «Евразии» в Декларации о евразийской экономической интеграции (18 ноября 2011 года)

1	**Интеграция «прошлого» — «Евразия» как наследие из общей истории (Евразия как постсоветское пространство)** *выражая убежденность в том, что дальнейшее развитие интеграции, основанной на глубоких исторических и духовных связях между народами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, отвечает национальным интересам этих государств, способствует решению стоящих перед ними общих задач по повышению благосостояния и качества жизни граждан, устойчивому социально-экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики,*
2	**Интеграция «настоящего» — «Евразия» как ответ на общий вызов (Евразийство как идеология)** *выражая убежденность в том, что дальнейшее развитие интеграции, основанной на глубоких исторических и духовных связях между народами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, отвечает национальным интересам этих государств, способствует решению стоящих перед ними общих задач по повышению благосостояния и качества жизни граждан, устойчивому социально-экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики,*
3	**Интеграция «будущего» — «Евразия» как платформа за общий интерес (Прагматичное (или экономическое) евразийство)** *ЕЭП основывается на принципах соблюдения общепризнанных норм международного права, включая уважение суверенитета и равенства государств, утверждения основополагающих прав и свобод человека, правового государства и рыночной экономики.* *С целью обеспечения функционирования и развития Таможенного союза и Единого экономического пространства Стороны учреждают Евразийскую экономическую комиссию, деятельность которой будет осуществляться в интересах всего интеграционного сообщества и носить высокопрофессиональный характер.* *Подтверждая стремление к дальнейшему укреплению всестороннего взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с другими странами, международными интеграционными объединениями, включая Европейский союз, с выходом на создание*

	общего экономического пространства, Президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации подчеркивают целесообразность проведения скоординированной работы в рамках ТС и ЕЭП по вопросам гармонизации и взаимного сближения интеграционных процессов в Евро-Атлантике и Евразии.

Источник: составлено автором на основе: Декларация о евразийской экономической интеграции // Консорциум КОДЕКС — 18 ноября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902321306 (дата обращения: 11.04.2022).

Идея создания Евразийского объединения возникла из-за всеобщего недовольства интеграционными процессами на постсоветском пространстве в 1990-е годы. Надо отметить, что идея создания международной региональной структуры на постсоветском пространстве впервые была выдвинута сразу после распада СССР, когда сразу возник ряд региональных организаций, в том числе СНГ и ОДКБ, а некоторое время спустя к ним добавился и ЕврАзЭС. Во втором десятилетии XXI века стало жизненно важным сделать шаги вперед, чтобы определить роль постсоветских республик как «евразийских стран» в глобальных политических и экономических процессах. Успешно осуществив интеграционный процесс, Евразия может оказаться вполне легитимным экономическим и политическим игроком в современном многополярном мире.

В 1990-х годах перед постсоветскими странами встала задача трансформации основ национальных экономик с целью вхождения в мировое сообщество на основе разработки собственных природных ресурсов и привлечения иностранных инвестиций и консалтинга. Инициатива Назарбаева в 1994 году по созданию Евразийского союза побудила постсоветские государства к созданию «новых организаций более узкого профиля» [101] для осуществления эффективной интеграции между ними, в том числе ЕврАзЭС в экономической сфере.

До образования Таможенного союза ЕврАзЭС представляло собой высшую ступень интеграции на постсоветском пространстве с XXI века. Оно было создано 10 октября 2000 года в Астане при участии России, Беларуси, Казахстана, Киргизии

[101] Zabortseva Y. From the ‘Forgotten Region’ to the ‘Great Game’ Region: on the Development of Geopolitics in Central Asia” // Journal of Eurasian Studies. 2012. Vol. 3, No. 2. P. 168-176.

и Таджикистана. В 2003 году ЕврАзЭС получило статус наблюдателя в ООН, что означало признание мировым сообществом ЕврАзЭС как значимого игрока на постсоветском пространстве. ЕврАзЭС служило эффективным механизмом решения экономических и торговых вопросов, посредничества интересов всех государств-членов.

Следующим шагом стало решение о создании таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. В октябре 2007 года Россия, Беларусь и Казахстан подписали соглашение о создании нового таможенного союза для достижения целей экономической интеграции, поставленных ЕврАзЭС. Создание Таможенного союза должно было состоять из трех этапов, включая подготовительный. На подготовительном этапе с октября 2007 года по декабрь 2009 года была проведена ратификация договора о таможенном союзе и опытная эксплуатация соответствующих организаций в каждой стране. На первом этапе с января по июнь 2010 года были введены единые ставки таможенных тарифов трех стран и началось фактическое функционирование Таможенного союза. На втором этапе с июля 2010 года по июнь 2011 года был введен в действие «Кодекс Таможенного союза», устанавливающий единые правила для стран-участниц в отношении таможенного администрирования и проведения таможенных операций.

18 ноября 2011 года лидеры России, Белоруссии и Казахстана приняли «Декларацию о евразийской экономической интеграции» и подписали «Договор о Евразийской экономической комиссии». Соответственно, единое экономическое пространство, запущенное 1 января 2012 года, начало функционировать в соответствии со стандартами и правилами ВТО, и было призвано было гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы в регионе. Можно сказать, что это этап, эквивалентный Шенгенскому соглашению 1985 года в процессе интеграции ЕС.

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), созданная вместе с запуском единого экономического пространства – первая наднациональная организация, созданная на постсоветском пространстве после распада Советского Союза,

создание которой можно назвать первым шагом в дорожной карте по созданию Евразийского союза. ЕЭК является основным надзорным органом единого экономического пространства, обладающим значительными полномочиями в различных сферах экономической деятельности. Ее полномочия распространяются не только на таможенную сферу, но и на общие направления макроэкономической, энергетической и денежно-кредитной политики, а также на вопросы национальных закупок и трудовой миграции. Ядром Комиссии является Совет директоров, состоящий из трех вице-премьеров, а три члена от каждой страны отвечают за практическую работу.[102]

§ 1.5. Институализация евразийской интеграции

В рамках евразийского регионализма, Россия, Беларусь и Казахстан сформировали региональные организации, в том числе ЕврАзЭС, ТС и ЕЭП. Главы трех государств подписали Договор о ЕАЭС, согласно которому 1 января 2015 года было принято решение о создании Союза.[103] Три государства также договорились о единой схеме внешних тарифов и передали полномочия в сфере внешнеторговой политики ЕЭК – наднациональному органу ЕАЭС. Более того, Путин выразил надежды и предположения относительно будущего евразийского регионализма, заявив о необходимости создания ЕАЭС «на новой ценностной, политической, экономической основе».[104]

Региональная интеграция между постсоветскими государствами после распада СССР находилась под влиянием исторического багажа, который содержал как потенциал, так и препятствия для регионального взаимодействия. Создание

---

[102] Евразийские комиссары получат статус федеральных министров // Известия — 17 ноября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/507125 (дата обращения: 11.04.2022).

[103] Вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) // Евразийская экономическая комисия — 01 января 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/01-01-2015-1/ (дата обращения: 18.04.2022).

[104] Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия — 04 октября 2011 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya (дата обращения: 11.04.2022).

СНГ в 1991 году сыграло роль платформы для диалога между 12 бывшими советскими республиками. Кроме того, структура СНГ обеспечила основу для создания межпарламентской ассамблеи, поддержания безвизового режима в регионе, организации вещания телеканала «МИР» в государствах-участниках СНГ и других важных региональных соглашений [105]. Однако широкое членство и расходящиеся интересы внутри СНГ ограничивали приверженность государств развитию региональной интеграции. Например, Соглашение о ЗСТ, подписанное государствами-членами СНГ в 1994 году, было ратифицировано лишь несколькими парламентами на постсоветском пространстве. Что касается вопроса безопасности, то необходимо отметить, что в 1992 году Россией, Беларусью и Казахстаном, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Кыргызстаном был подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ),[106] который затем вступил в силу в 1994 году. Однако ДКБ в изначальном виде действовал всего 5 лет, после того как Азербайджан, Грузия и Узбекистан прекратили свое членство в 1999 году.

Неэффективность углубления региональной интеграции в рамках СНГ и ДКБ в начале 1990-х годов соответствовала изменениям в политической и экономической среде на глобальном и региональном уровнях в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Многочисленные проблемы, такие как глобальная война с терроризмом, провал рыночных реформ во многих бывших советских республиках, расширение Организации Североатлантического договора (НАТО) на восток, оказали существенное влияние на внешнеполитический курс постсоветских стран. На постсоветском пространстве возникли два основных направления проектов регионализма – европейское и евразийское.

---

[105] Направления сотрудничества // Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – URL: https://e-cis.info/cooperation/ (дата обращения: 18.04.2022).

[106] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // Официальный сайт ОДКБ – 26 апреля 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 18.04.2022).

Таблица 5.

Основные интеграционные процессы на постсоветском пространстве

(о = с участием, - = без участия)

	Рос.	Бел.	Каз.	Кыр.	Тад.	Арм.	Узб.	Тур.	Азе.	Мол.	Укр.	Гру.
СГ	о	о	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ТС/ЕЭП	о	о	о	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ЕврАзЭС	о	о	о	о	о	-	-	-	-	-	-	-
ЕАЭС	о	о	о	о	-	о	-	-	-	-	-	-
ОДКБ	о	о	о	о	о	о	-	-	-	-	-	-
ШОС	о	о	о	о	о	-	о	о	-	-	-	-
СНГ	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	-
ОДЭР-ГУАМ	-	-	-	-	-	-	-	-	о	о	о	о

Источник: составлено автором на основе официальных сайтов постсоветских международных организаций.

Европейский регионализм был попыткой некоторых постсоветских стран интегрироваться с ЕС. Азербайджан, Грузия, Молдова и Украина создали ГУАМ в 1997 году. Чтобы отразить его политические и экономические аспекты, в 2006 году Организация была официально переименована в Организацию за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (ОДЭР-ГУАМ).[107] ОДЭР-ГУАМ способствовала углублению интеграции с ЕС, а ее государства-члены также активно участвовали в соответствующем интеграционном проекте со стороны Брюсселя – Восточном партнерстве.

Каждое государство в данном блоке имело свои причины для прозападной позиции. Этот блок являлся единственной региональной организацией, созданной постсоветскими государствами без участия России. Поскольку принятие западных стандартов демократии и надлежащего управления называли одной из основных причин создания ОДЭР-ГУАМ, то можно констатировать, что организация

[107] Устав Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (с изменениями, утвержденными
Решением СМИД ГУАМ от 26 сентября 2019 г.) // Официальный сайт ОДЭР-ГУАМ [Электронный ресурс]. – URL: https://guam-organization.org/ustav-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam/ (дата обращения: 18.04.2022).

оказалась эксклюзивным механизмом ограничения российского влияния в регионе.[108] В середине 2000-х годов ОДЭР-ГУАМ пережила некоторые периоды активности, но в целом организация имела ограниченное влияние на вопросы экономики и безопасности в регионе.

Евразийский регионализм был впервые предложен Назарбаевым в 1994 году как инициатива по созданию работоспособной региональной организации для развития экономических отношений между бывшими советскими государствами и установления стабильности в регионе.[109] Назарбаев выделил четыре основных принципа евразийской интеграции – «прагматический характер основанный на экономической целесообразности, идею разноскоростной интеграции, необходимость поиска механизмов региональной безопасности, и добровольность интеграции».[110] Первый шаг к таким региональным соглашениям был сделан в 1995 году с подписанием Соглашения Таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном, а затем к нему присоединились Кыргызстан и Таджикистан.[111] Однако, подписавшие стороны не смогли устранить нетарифные барьеры или найти компромисс по общему уровню внешних тарифов.

Несмотря на то, что Соглашение ТС 1995 года не было реализовано в полной мере, тем не менее оно стало краеугольным камнем для создания ЕврАзЭС с участием между России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в 2000 году.[112] Армения, Молдова и Украина получили статус наблюдателей в ЕврАзЭС. В качестве дальнейшего шага в региональной интеграции концепция

---

[108] Tsygankov A. If Not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. No. 7. pp. 1089–1090.

[109] Оригинальный текст выступления Н.А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете // E-history.kz — 28 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://e-history.kz/ru/news/show/28540 (дата обращения: 11.04.2022).

[110] Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, 2 апреля 2004 года // Nomad.su — 05 апреля 2004. [Электронный ресурс]. – URL: https://nomad.su/?a=3-200404050029 (дата обращения: 18.04.2022).

[111] Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 года // Архив старшего официального сайта ЕЭК [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Dogovor_20011995.aspx (дата обращения: 18.04.2022).

[112] Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года (с изменениями от 25 января 2006 г. и 6 октября 2007 г.) // Официальный сайт ЕврАзЭС [Электронный ресурс]. – URL: https://www.evrazes.com/docs/view/3 (дата обращения: 18.04.2022).

ЕЭК была согласована Россией, Беларусью, Казахстаном и Украиной в рамках ЕврАзЭС в 2003 году.[113] Концепция ЕЭК была основана на идее многоскоростной интеграции, означающей, что эти четыре страны будут двигаться вперед, опираясь на более глубокие формы интеграции с надеждой на будущее участие и других стран СНГ в ЕврАзЭС.

Концепция ЕЭП была восстановлена в 2009 году среди России, Беларуси и Казахстана, и они договорились о создании ТС в 2010 году и ЕЭП в 2012 году. Три страны смогли согласовать схему единого внешнего тарифа, действующую с начала 2010 года. Таможенный контроль между данными тремя странами был отменен к июлю 2011 года. После создания в начале 2012 года ЕЭС, в том же году начал функционировать ЕАЭС как наднациональный орган ТС и ЕЭС. Основная тройка также подписала Договор о ЕАЭС, приведший к созданию 19 мая 2015 года Союза с участием Армении и Кыргызстана.

Постсоветский регионализм до образования ЕАЭС часто называют неэффективным. Одна из причин – отсутствие региональной идентичности постсоветского пространства. [114] Региональная идентичность вряд ли могла формироваться под брендом СНГ, а термин «евразийский» имел больше шансов, поскольку этому способствовали основные центры интеграции в регионе – Россия, Беларусь и Казахстан.

Необходимо отметить, что значение слова «евразийское» весьма спорно как внутри региона, так и за его пределами. На сегодняшний день сформулировано несколько предположений о том, что такое «евразийское» и какое оно должно быть. В этом соревновании идей относительно содержания евразийского регионализма наиболее влиятельный вариант исходил от Назарбаева, который определил евразийскую интеграцию как добровольный проект заинтересованных государств,

---

[113] Соглашение о формировании Единого экономического пространства // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/supplement/1715 (дата обращения: 18.04.2022).

[114] Vinokurov E., Libman A. Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration. Basingtoke: Palgrave Macmillan. 2012. pp. 9-10.

основанный на экономическом прагматизме и равенстве суверенных партнеров с целью обеспечения стабильной безопасности и экономического развития.[115]

Нормативная ориентация на суверенитет, экономический прагматизм, добровольную интеграцию и равноправие партнеров предполагает, что государства-члены ЕАЭС делегируют на региональный уровень часть полномочий только в сфере торговой и макроэкономической политики с целью укрепления своего суверенитета в условиях вызовов, связанных с ростом глобальной экономической нестабильности. Вместе с тем каждое государство сохраняет компетенцию в вопросах безопасности и политики на национальном уровне. Эти нормы можно сгруппировать в рамках концепции «прагматического евразийства», признающей необходимость экономической модернизации с небольшим акцентом на политике и идеологии.[116]

На первом уровне компетенция ЕАЭС, включая тарифную политику, технические и таможенные правила, сферы внешнеэкономических связей, в которых Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан договорились проводить последовательную политику. Согласованность означает совместимость двусторонней внешней политики государств-членов с курсом региональной организации, что является одним из требований деятельности наряду с наличием инструментов политики. В трех вышеуказанных областях у ЕАЭС есть инструменты политики, такие как установление уровней единого внешнего тарифа, реализация антидемпинговых и компенсационных мер, а также разработка региональных технических стандартов для поддержания последовательной торговой политики.

Потенциал ЕАЭС в торговом измерении, функциональная компетенция и структура принятия решений в ЕАЭС на основе дискурса о евразийском

---

[115] Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, 2 апреля 2004 года // Nomad.su — 05 апреля 2004. [Электронный ресурс]. – URL: https://nomad.su/?a=3-200404050029 (дата обращения: 18.04.2022).

[116] Vinokurov E., Libman A. Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration. Basingtoke: Palgrave Macmillan. 2012. pp. 9-10.

регионализме позволяют предположить, что в евразийском регионе формируется полноценный интеграционный институт.

Связь между регионализмом и безопасностью может быть установлена путем выявления проблем безопасности и анализа региональных ответов на них. Развитие институтов безопасности на постсоветском пространстве связано с вызовами, которые рассматривались как проблемы безопасности в данном регионе.

В 1990-е годы институты безопасности на постсоветском пространстве в первую очередь занимались традиционными вопросами безопасности, такими как предотвращение межгосударственных конфликтов, сдерживание иностранного военного вмешательства и разрешение пограничных споров. ДКБ, вступивший в силу в 1994 году, был направлен на устранение угрозы межгосударственных конфликтов в регионе и возможного военного вмешательства извне. Механизм «Шанхайской пятерки» с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана был создан в 1996 году. В то время продолжалась демаркация границы между Китаем и государствами Центральной Азии, поэтому в «Шанхайскую пятерку» входила «Военная программа укрепления доверия». «Договор о сокращении вооруженных сил в приграничных районах» [117] был призван эффективно решить пограничную проблему и укрепить взаимное доверие между государствами-членами Шанхайской пятерки.

Необходимо подчеркнуть, что развитие институтов безопасности на евразийском пространстве в 2000-е годы показало изменение восприятия их членами современных угроз безопасности. ДКБ трансформировался в ОДКБ, «Шанхайская пятерка» – в ШОС с более широким спектром обсуждаемых вопросов безопасности. После терактов 11 сентября 2001 года в США угрозы терроризма и наркоторговли считались существенными и требовали реагирования на региональном уровне. ОДКБ, созданная в 2002 году, расширила круг вопросов безопасности, включив в него борьбу с международным терроризмом и

[117] Agreement between Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and China on Confidence Building in the Military Field in the Border Area // UN Peacemaker – 26 April 1996. [Электронный ресурс]. – URL: https://peacemaker.un.org/en/node/9399 (дата обращения: 18.04.2022).

экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия, организованной транснациональной преступностью и нелегальной миграцией.[118] Хартия ШОС, подписанная в 2002 году, также показала изменения в восприятии угроз, и принятие во внимание тех же соображений безопасности. Восприятие терроризма, наркотрафика и транснациональной преступности как угроз привело к межгосударственному взаимодействию на региональном уровне.

На евразийском пространстве основные институциональные изменения произошли в начале 2000-х годов, когда ДКБ был преобразован в ОДКБ с двумя постоянными органами – Секретариатом и Объединенным штабом. Высшим руководящим органом ОДКБ являлся Постоянный совет, включавший головные офисы государств-членов с правилом принятия решений на основе единогласного консенсуса.

Россия являлась главным инициатором и катализатором мер безопасности в постсоветской географии благодаря своим размерам, военной мощи, инициативе великой державы и общему положению лидера в регионе. Евразийский регионализм в сфере безопасности характеризуется акцентом на суверенитет и плюрализм, основанный на инициированных Россией организациях безопасности.

Предпринимались некоторые попытки, в основном инициированные Россией, повысить сплоченность внутри ОДКБ и разработать общую внешнюю политику. Обсуждение общей внешней политики началось в 2011 году, когда была предпринята попытка определить перечень внешнеполитических вопросов, по которым сошлись взгляды государств-членов ОДКБ.[119] В ходе встречи в Бишкеке 27 мая 2013 года министры иностранных дел государств-членов ОДКБ приняли

---

[118] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // Официальный сайт ОДКБ – 26 апреля 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 18.04.2022).

[119] Бордюжа Н. ОДКБ: 10 лет противодействия угрозам и вызовам // Журнал «Международная жизнь» – 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/493 (дата обращения: 18.04.2022).

совместное заявление по вопросам внешней политики, в том числе по конфликту в Сирии и системе противоракетной обороны НАТО в Европе. Еще одним важным документом, внесшим существенный вклад в деятельность ОДКБ, стал «Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов ОДКБ», требовавший от любого государства-члена получения согласия всех других государств-членов ОДКБ по вопросам организации и размещения на своей территории иностранных военных баз и другой военной инфраструктуры других государств-членов.

Наряду с умением формулировать внешнюю политику необходимо было иметь инструменты для реализации данной политики. Активизация внешнеполитической координации с 2011 года привела к ряду совместных заявлений министров иностранных дел государств-членов ОДКБ по вопросам, связанным с конфликтами в Афганистане и Сирии. Подобные совместные заявления являются основным дипломатическим инструментом на региональном уровне, позволяющим продемонстрировать общую позицию государств-членов ОДКБ по конкретным внешнеполитическим вопросам. ОДКБ может использовать свои объединенные вооруженные силы в регионе и за его пределами, если это будет одобрено всеми государствами-членами, а также активно развертывать свои коллективные вооруженные силы в ежегодных учениях и операциях по пресечению незаконного оборота наркотиков и нелегальной миграции.

Таблица 6.

Метафоры «Евразии» и институты евразийской интеграции

(о = включаются, - = не включаются)

	Евразия как постсоветское пространство	**Евразийство как идеология**	**Прагматичное (или экономическое) евразийство**
СГ	**о**	**о**	**о**
ТС/ЕЭП	**о**	**-**	**о**
ЕврАзЭС	**о**	**-**	**о**
ЕАЭС	**о**	**-**	**о**
ОДКБ	**о**	**о**	**-**
ШОС	**-**	**о**	**о**

СНГ	**0**	**0**	**0**

Источник: составлено автором на основе официальных сайтов постсоветских международных организаций.

ГЛАВА II. Политические метафоры и когнитивные установки участников евразийской интеграции после возникновения ЕАЭС

§ 2.1. Метафора «Интеграция интеграций» и институты внутренних социально-экономических функций ЕАЭС

ЕАЭС был создан в январе 2015 года при участии России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Путин, одни из ключевых инициаторов евразийского интеграционного проекта, назвал создание ЕАЭС историческим событием. [120] В его основе предусматривалась разработка функциональной, основанной на закрепленных нормах структуры, которая в состоянии будет способствовать углублению экономических связей между членами ЕАЭС и, таким образом, интегрировать государства в новое сплоченное экономическое образование на евразийском континенте.

Представители государств-членов ЕАЭС неоднократно заявляли, что евразийский интеграционный проект является легитимным и обусловленным общественным запросом мероприятием в части регионального экономического управления. ЕАЭС – кульминация многоэтапного проекта глубокой экономической интеграции. ЕАЭС был построен на достижениях ТС в 2010 году и ЕЭП в 2012 году. В планах было создание общего рынка для 180 миллионов потребителей с координированной экономической политикой и устранением существующих тарифных торговых барьеров. Новая программа гармонизации регулирования была направлена на сокращение различий между государствами-членами ЕАЭС, например, путем создания общего рынка электроэнергии, нефти и газа.

---

[120] Путин: передача полномочий в ЕАЭС не означает утрату суверенитета // РИА Новости — 29 мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20140529/1009842639.html (дата обращения: 03.07.2023).

В отличие от ТС или ЕЭП, ЕАЭС был создан на основе всеобъемлющего соглашения – Договора о ЕАЭС, подписанного в 2014 году и вступившего в силу в 2015 году. Договор о ЕАЭС заложил правовую основу для углубления институционализации ТС и ЕАЭС с принципом равноправия всех государств-членов. Общий режим опирался на развитую институциональную архитектуру с общими регулирующими и судебными органами. К ним относились ЕЭК как постоянный регулятор интеграционного процесса и Суд ЕАЭС.

Первая опора ЕАЭС как механизма «интеграции интеграций» на постсоветском пространстве была четко определена решением Высшего Евразийского экономического совета 2015 года об основных направлениях экономического развития до 2030 года. Перспективная схема постсоветской реинтеграции была направлена на усиление координации макроэкономической политики государств-членов с целью создания благоприятных условий для ведения бизнеса. Затем ЕАЭС планировал создать ряд общих рынков в сфере торговли, энергетики, транспорта, агропромышленного комплекса и финансов путем устранения барьеров для свободного перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала.[121]

По сути, решение ЕАЭС является своего рода «метафорой», отражающей результаты переговоров государств-членов ЕАЭС по согласованию приоритетов национального социально-экономического развития со сферой международного сотрудничества. В частности, промышленная политика государств-членов ЕАЭС является важным фактором, напрямую связанным с вопросами экономического развития и социального благополучия, определяющим устойчивость и потенциал роста каждой страны и Союза в целом.

Таблица 7.

Состав органов управления ЕАЭС

[121] Евразийская экономическая комиссия. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года // ЕЭК – 16 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/923/broshyura_ONER-_final-05.05.2016_.pdf (дата обращения: 03.07.2023).

	Высший Евразийский экономический совет (глава государства)	Евразийский межправительственный совет (председатель правительства)	Коллегия Евразийской экономической комиссии (министр)	Совет Евразийской экономической комиссии (заместитель председателя правительства)	Суд Евразийского экономического союза (судья)
Россия	Владимир Путин	Михаил Мишустин	Сергей Глазьев Андрей Слепнев	Александр Оверчук	Алексей Дронов Наталья Павлова
Беларусь	Александр Лукашенко	Роман Головченко	Максим Ермолович Валентин Татарицкий	Игорь Петришенко	Дмитрий Александров Андрей Забара
Казахстан	Касым-Жомарт Токаев	Олжас Бектенов	Бакытжан Сагинтаев Бахыт Султанов	Серик Жумангарин	Ербол Исмаилов Аскар Кишкембаев
Армения	Никол Пашинян	Никол Пашинян	Гоар Барсегян Варос Симонян	Мгер Григорян	Эрна Айриян Араик Тунян
Кыргызстан	Садыр Жапаров	Акылбек Жапаров	Арзыбек Кожошев Эльдар Алишеров	Адылбек Касымалиев	Айжамал Ажибраимова Марат Кайыпов

Источник: составлено автором на основе официальных сайтов международных институтов, имеющих отношение к ЕАЭС.

(1) Россия и ЕАЭС

С 2014 года российское правительство проводит промышленную политику, которая ставит локализацию в приоритет, оказывая содействие импортозамещающим отраслям для преодоления экономического кризиса, вызванного западными экономическими санкциями и низкими ценами на нефть. Российское правительство продолжает прилагать усилия для изменения экономической структуры, которая была смещена в сторону нефтегазовой промышленности, путем промышленной диверсификации после смены режима. Однако, зависимость от реализации природных ресурсов остается по прежнему высокой из-за роста мировых цен на сырье с начала 2000-х годов. Текущую политику импортозамещения можно рассматривать как расширение существующей политики индустриализации, обобщенно обозначенной как экономическая модернизация и диверсификация.

Важно отметить, что существующая политика регулирования российского правительства ограничивалась высокими тарифами и нетарифными барьерами на готовую зарубежную продукцию. Текущая политика импортозамещения оценивается как более активный шаг к сдерживанию импорта иностранной продукции при одновременном содействии индустриализации посредством обязательного использования отечественной продукции.

Данное направление политики четко представлено в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», пересмотренной и представленной правительством России в апреле 2014 года[122] и ее обновленная версия в ноябре 2021 года.[123] Особо следует отметить, что в декабре 2014 года правительство России приняло Закон о промышленной политике, установив правовую и институциональную основу промышленной политики, основным содержанием которой является импортозамещение.

Данная программа представила следующие основные задачи в качестве основных целей саморазвития и развития инновационной промышленности: во-первых, расширение производства передовой продукции и стимулирование экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью; во-вторых, создание инновационной инфраструктуры для развития традиционных и новых отраслей промышленности; и в-третьих, укрепление финансовых ресурсов и технологических возможностей частного сектора. Для реализации этих задач были подготовлены восемь подпрограмм, в которых транспорт и машиностроение, пищевая промышленность, легкая промышленность, обработка железа и металлов и передовые отрасли промышленности были представлены в качестве основных

---

[122] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 328 — Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" // Сайт Правительства Российской Федерации — 15 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://government.ru/docs/all/91634/ (дата обращения: 03.07.2023).

[123] Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2021 г. N 1933 "О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ — 12 ноября 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/403071720/ (дата обращения: 03.07.2023).

отраслей, способствующих развитию. Кроме того, в качестве вспомогательных задач были выделены модернизация промышленных объектов, укрепление потенциала малого и среднего предпринимательства (МСП) и активизация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

Это направление политики российского правительства также подтверждено в «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов», обнародованном Министерством экономического развития в сентября 2025 года.[124] Согласно ему, правительство России представило в качестве приоритетов экономической политики расширение привлечения инвестиций и улучшение деловой среды, импортозамещение, повышение качества жизни и расширение инвестиций в человеческий капитал, сбалансированное региональное развитие, а также развитие и поддержка информационно-коммуникационных и передовых технологических секторов.

Реализуя намеченные планы и проекты своей экономической политики, российское правительство стремится содействовать развитию частных компаний, обладающих конкурентоспособностью и новейшими производственными технологиями на мировом рынке. Кроме того, создавать промышленную среду для развития отраслей с высокой добавленной стоимостью, повышать эффективность производства, энергоэффективность и производительность труда за счет использования передовых технологий и передовых объектов, а также содействовать локализации инновационных производств.

(2) Беларусь и ЕАЭС

Правительство Беларуси заложило основу для развития промышленности, разработав и приняв в мае 1998 года «Программу развития промышленности на

[124] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов — 26 сентября 2025. // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

1998-2015 годы». Эта национальная программа представила «количественное расширение и качественное развитие промышленного производства на основе научных и технологических инноваций» в качестве политической цели. Благодаря предпринятым мерам, Беларусь оценивается признанными экономическими экспертами как страна с относительно хорошо развитой производственной базой на постсоветском пространстве. Однако ей присущи такие сдерживающие факторы, как низкая конкурентоспособность продукции и невысокая производительность труда с добавленной стоимостью в обрабатывающей промышленности.

В этом контексте правительство Беларуси в последнее время продвигает новую промышленную политику, которая фокусируется на повышении конкурентоспособности и эффективности промышленности за счет развития инновационных технологий. В июле 2012 года правительство Беларуси приняло «Программу развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года». [125] Согласно ей, «новая промышленная политика» — это «комплексная политика, охватывающая промышленные показатели и уровень совершенствование институциональной инфраструктуры. Ее приоритеты направлены на изменение структуры промышленности, укрепление международного сотрудничества и открытие новых перспективных рынков».

Правительство Беларуси представило в данной программе имеющиеся внутренние и международные факторы риска и ближайшие планы развития промышленности: во-первых, вступление России в ВТО; во-вторых, расширение конкуренции в рамках ЕАЭС; в-третьих, расширение глобальной конкуренции за счет развития стран с развивающейся экономикой в Азии и Латинской Америке; в-четвертых, расширение инвестиций в экологически чистые технологии и инфраструктуру и усиление экологических стандартов промышленной продукции;

[125] Постановление Совета министров Республики Беларусь 5 июля 2012 г. № 622 — Об утверждении Программы развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года // Сайта Правительства Республики Беларусь — 12 июня 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21200622 (дата обращения: 03.07.2023).

и в-пятых, расширение спроса на технологические инновации в промышленной продукции.

Кроме того, согласно данной программой, правительство Беларуси, учитывая вышеуказанные изменения в условиях развития промышленности, признает диверсификацию промышленного производства и экспортных рынков, а также развитие передовых отраслей промышленности в качестве неотложных задач. Правительство Беларуси представило развитие традиционных отраслей промышленности и топливно-энергетического комплекса, а также развитие передовых отраслей промышленности в качестве задач, которые необходимо продвигать, с целью развития инновационных отраслей, повышения производительности и максимизации экспортного потенциала.

«Программа социально-экономического развития на 2021–2025 годы», принятая в июле 2021 года, также представила развитие инноваций и повышение конкурентоспособности экономики и промышленности в качестве ключевых целей. [126] В частности, расширение привлечения инвестиций для содействия инновационному сектору, улучшение экспортного потенциала и создание высокопроизводительных рабочих мест были намечены в качестве основных задач.

Таким образом, правительство Беларуси предусматривает инновационное развитие через развитие промышленности и содействие развитию передовых отраслей. Основные меры поддержки направлены на укрепление кадрового потенциала, включая поддержку молодых талантов, расширение инвестиций в НИОКР и содействие развитию малых и средних предприятий. В частности, правительство Беларуси стремится оживить передовые отрасли путем создания венчурных инвестиционных фондов с Россией и Китаем и создания промышленных комплексов с Китаем.

---

[126] Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы // Сайта Министерства экономики Республики Беларусь — 29 июля 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/Programma-2025-nov-red.pdf (дата обращения: 03.07.2023).

Надо отметить, что программы сотрудничества с Китаем оказались весьма плодотворными для Беларуси: в 2020 году был запущен совместный индустриальный парк «Большой камень», и Беларусь стала единственным за пределами Китая логистическим хабом «Пояса и Пути». После 2022 года активизировалось и промышленное развитие, и хотя его главной причиной стал взаимодействие с Россией в рамках Союзного государства, это положительно сказалось и на статусе Беларуси в ЕАЭС.

(3) Казахстан и ЕАЭС

Казахстан в 2000-х годах планировал для себя количественно-ориентированное развитие, основанное на расширении экспорта первичной продукции и привлечении иностранных инвестиций. В 2010-х годах он начинает следовать параллельной стратегии качественного роста, которая стремится «сохранить экспортно-ориентированную стратегию, используя сравнительные преимущества первичной продукции», при этом «обеспечивая устойчивый двигатель экономического роста за счет промышленной диверсификации».

Данная стратегия отражает усилия правительства Казахстана по преодолению высокой зависимости своей экономики от ресурсов и ее уязвимости к внешним шокам. Фактически, экономика Казахстана напрямую пострадала от изменений во внешней среде, таких как замедление роста мировой экономики, наступившее после мирового финансового кризиса 2008 года, резкое снижение цен на нефть, начавшееся в конце 2014 года. Таким образом, основным ядром недавнего направления экономического и промышленного развития правительства Казахстана явилось усиление устойчивости к внешним шокам.

На этом фоне правительство Казахстана проводит промышленную политику, направленную на содействие промышленной диверсификации и повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. Это хорошо отражено в «Государственной программе индустриально-инновационного развития

Республики Казахстан на 2020-2025 годы», принятой в декабре 2019 года.[127] Согласно данной программой, правительство Казахстана признает, что если оно не обеспечит новый двигатель экономического роста, который сможет преодолеть зависимость экономики от экспорта сырья, оно не сможет избежать «ловушки среднего дохода».

Исходя из этого, данная программа предусматривает укрепление конкурентоспособности обрабатывающей промышленности для повышения производительности труда и экспортного потенциала в качестве своей главной цели. Поставлены следующие задачи: - во-первых, ускорить развитие обрабатывающей промышленности; во-вторых, повысить эффективность и увеличить добавленную стоимость приоритетного сектора обрабатывающей промышленности; в-третьих, расширить рынок несырьевой продукции; в-четвертых, повысить производительность труда; в-пятых, заложить основу для будущего развития промышленности путем улучшения технологических возможностей приоритетного сектора обрабатывающей промышленности и создания инновационных кластеров; а также, активировать малые и средние производственные компании и крупные корпорации. Кроме того, предусматривается активное содействие и поддержка, направленные на укрепление эффективности экспортных компаний и создание основы для активизации инновационных венчурных компаний.

Приоритетные сектора содействия производству были выбраны с учетом внутренней и международной конкурентоспособности, потенциальных экономических волновых эффектов, текущего уровня развития и их потенциала. В результате были представлены 14 приоритетных секторов содействия в 6 категориях, включая металлургию, химию, нефтехимию, машиностроение, строительные материалы и продукты питания. Кроме того, были намечены

[127] Об утверждении Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020 – 2025 годы // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан — 31 деакбря 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001050 (дата обращения: 03.07.2023).

приоритетные цели для развития всей отрасли, включая производство для активации инновационного сектора. Во-первых, это содействие локализации производства и трансферу технологий передовых продуктов в приоритетных секторах, во-вторых, расширение спроса на инновационные продукты и, в-третьих, повышение технологических и управленческих возможностей.

Ключевыми секторами в инновационном секторе являются мобильные мультимедийные технологии, аэрокосмические и нанотехнологии, робототехника и генная инженерия, а также будущие энергетические исследования. Для развития этих ключевых секторов возникает необходимость проведения фундаментальных и прикладных научных и технологических исследований в следующих областях - аэрокосмическая техника и технологии, технологии возобновляемой энергии, интеллектуальные сетевые технологии, технологии моделирования систем генерации электроэнергии, информационно-коммуникационные технологии, робототехника, экологическая экономика и защита окружающей среды, электромеханика, регенеративная медицина, биофармацевтика и прикладные исследования в области органической химии.

Согласно данной программе, для реализации вышеупомянутых целей развития обрабатывающей промышленности необходимо установить меры поддержки для улучшения инвестиционной среды, энергетики, транспорта и логистики, улучшения промышленной инфраструктуры, укрепления кадрового потенциала и создания атмосферы инноваций. Кроме того, она указывает на необходимость учитывать макроэкономические риски, такие как замедление темпов роста и инвестиций, изменение цен на сырье и транспортные расходы, геополитические риски, такие как изменение региональных ситуаций и углубление евразийской экономической интеграции, а также регуляторные риски, такие как отсутствие правовой и институциональной поддержки на ключевые направления в реализации промышленного развития.

(4) Армения и ЕАЭС

После мирового финансового кризиса правительство Армении проводило экспортноориентированную промышленную политику для достижения долгосрочного и стабильного экономического роста. Армения не смогла разработать конкретную стратегию промышленного развития в переходный период 1990-х годов. После обретения независимости правительство Армении изменило направление национального развития с плановой экономики на рыночную, однако важность разработки и принятия новой промышленной политики, которая могла стать движущей силой экономического развития в то время, была упущена из виду. На этом фоне у экономики Армении не было иного выбора, кроме как пройти процесс деиндустриализации из-за отсутствия промышленной политики на протяжении 20 лет.

В результате экономика Армении стала более асимметричной в 2000-х годах, а значит, и более уязвимой к внешним шокам. Основой экономической деятельности стало строительство и оптово-розничная торговля. Высокая зависимость от экспорта ресурсоемкой продукции, такой как металлы и минералы, явилась фактором, сдерживающим экономический рост, в силу чего руководство Армении неоднократно заявляло о необходимости промышленной диверсификации. В ноябре 2014 года, с принятием «Закона о промышленной политике», была создана правовая основа для продвижения промышленной политики. [128] Кроме того, в июле 2025 года правительством была принята «Стратегия экспортно-ориентированной промышленной политики».[129]

В данной стратегии правительство Армении особенно подчеркивало необходимость проведения активной промышленной политики для повышения

---

[128] Закон Республики Армения от 12 декабря 2014 года №ЗР-184 — О промышленной политике // Сайта парламента Республики Армения — 12 декабря 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5095&lang=rus (дата обращения: 03.07.2023).

[129] Правительство утвердило Стратегическую программу по стимулированию экспорта Республики Армения на 2025–2030 годы // Сайт Правительства Республики Армении — 31 июля 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.am/ru/news/item/10763/ (дата обращения: 04.08.2023).

экономической конкурентоспособности и поддержания роста. Очевидно, что благоприятная внешняя среда важна на макроуровне как фактор, влияющий на экономическую конкурентоспособность. Наряду с этим, большое значение имеет необходимость улучшать условия на микроуровне, такие как создание деловой среды, развитие кластеров и повышение корпоративных возможностей. В этом контексте она представила главную цель повышения экспортного потенциала и международной конкурентоспособности отраслей посредством диверсификации. Важно, что принятая политика отражает видение перспективы в преобразовании экономики Армении в экономику, основанную на знаниях, которая производит наукоемкие продукты и услуги с высокой добавленной стоимостью.

Сформулированы среднесрочные и долгосрочные ключевые задачи данной стратегии: -во-первых, повышение конкурентоспособности экспортной продукции и диверсификация экспортной продукции, а во-вторых, усиление поддержки экспортных МСП. Кроме того, представленные подробные задачи включают в себя следующие аспекты: укрепление сотрудничества с частным сектором, укрепление возможностей экспортных компаний, создание новых перспективных экспортных отраслей, улучшение деловой среды и совершенствование механизмов поддержки бизнеса. Таким образом, правительство Армении стремится создать новые отрасли-двигатели роста посредством сбалансированного развития традиционных экспортных отраслей и перспективных отраслей с высоким экспортным потенциалом. Кроме того, в качестве ключевых мер политики для реализации этих задач подчеркивается потребность в повышении корпоративной конкурентоспособности, а также важность оказания содействия развитию кластеров и инфраструктуры.

Правительство Армении признает необходимость развития различных экономических и промышленных секторов и государственно-частного сотрудничества для успешной реализации данной стратегии. На этом фоне, Министерство экономики, комитет по промышленности, отраслевые стратегические комитеты и Армянское агентство развития были представлены в

качестве систем продвижения для реализации экспортноориентированной промышленной политики. В частности, комитет по отраслевой стратегии, бизнес-организации, образовательные и научно-исследовательские учреждения, представители корпораций были призваны содействовать развитию государственно-частного диалога и коммуникации, а также формированию эффективных партнерств.

(5) Кыргызстан и ЕАЭС

Кыргызстан не смог сформулировать четкое направление экономического развития своей страны на протяжении 20 лет с момента обретения независимости. Более того, политический потенциал для продвижения промышленной политики, являющийся основой экономического развития, также был очень слабым. По этой причине кыргызская экономика до сих пор испытывает рыночный провал в плане индустриализации, и для того, чтобы Кыргызстан, относительно небогатый природными ресурсами, мог достичь устойчивых экономических показателей, необходимо создание промышленной базы и потенциала поставок, так как это может стать предпосылкой для дальнейшего экономического развития

Правительство Кыргызстана признало отсутствие последовательности в национальной стратегии и политике основным фактором, препятствующим экономическому развитию. Соответственно, правительство Кыргызстана начало готовить различные программы экономического и промышленного развития с середины 2000-х годов. В частности, правительство Кыргызстана четко осознало, что его экономика уязвима к изменениям внешней среды как малая открытая экономика после мирового финансового кризиса. Соответственно, было важно подготовить стратегическую политику, которая могла бы представить четкие цели и задачи для стабильного и ориентированного на будущее национального развития.

В этом контексте в ноябре 2012 года был создан Президентский комитет по устойчивому развитию. В ходе политических дискуссий о национальном развитии

экономики были намечены важнейшие политические и экономические цели, а также первоочередные задачи для правительства Кыргызстана и соответствующих министерств. Ключевыми направлениями после мирового финансового кризиса стали устойчивый экономический рост и индустриализация страны.

Основным направлением промышленной политики «Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года», принятой в июне 2025 году, является повышение базовой конкурентоспособности и экспортного потенциала продукции и услуг в ключевых секторах развития.[130] Под ключевыми секторами развития здесь понимаются секторы, которые приносят реальную пользу национальной экономике и, как ожидается, будут иметь высокий спрос и конкурентоспособность на мировом рынке, включая соседние страны и государства-члены ЕАЭС.

Согласно данной стратегии, основными целями промышленной политики Кыргызстана являются, во-первых, улучшение инвестиционной среды с акцентом на ключевые сектора развития, во-вторых, укрепление энергетической самодостаточности и укрепление позиций страны как экспортера электроэнергии, и, в-третьих, стимулирование корпоративной деятельности и создание рабочих мест за счет активизации гидрогенерации. Кроме того, правительство Кыргызстана подчеркивает, что разработка и представление новых направлений развития для отечественных компаний в секторах энергетики, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, туризма и финансов в рамках ЕАЭС является неотложной задачей промышленной политики.

Правительство Кыргызстана отмечает, что содействие развитию малых и средних предприятий и повышение конкурентоспособности являются основной задачей реализации промышленной политики. Наряду с этим, в данной стратегии констатируется, что основой развития рыночной экономики является рост частного

---

[130] Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года // Сайт Правительства Кыргызской Республики — 5 марта 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.kg/files/news/froala/dd08061311362a4faa610d681b49a92ae4f73a55.pdf (дата обращения: 03.07.2023).

сектора, а малые и средние предприятия становятся его опорой. Большинство малых и средних предприятий в Кыргызстане действуют в секторах розничной торговли, услуг и сельского хозяйства, в то время как доля производственных компаний очень мала.

Соответственно, правительством было отмечено, что такая структура приводит к неэффективности распределения ресурсов и рабочей силы, а также не способствует экономическому росту. Правительство наметило в качестве приоритетной задачи создание мер поддержки, таких как финансовая поддержка и дерегулирование, для оживления малых и средних предприятий и диверсификации отраслей. Инвестиционный комитет при правительстве Кыргызстана намерен проводить политические консультации по таким направлениям как содействие государственно-частному диалогу и улучшение инвестиционной среды с целью поддержки малых и средних предприятий.

В частности, правительство Кыргызстана создало Кыргызско-Российский фонд развития в 2014 году для решения проблемы финансирования, которая является самым большим препятствием для развития малых и средних предприятий. Помимо того, проводились дискуссии о создании Кыргызско-Китайского фонда. Важно отметить, что правительство Кыргызстана признало необходимость проведения более активной политики, выработки эффективных мер и выделение достаточных средств для поддержки малых и средних предприятий, учитывая конкурентную структуру рынков товаров, услуг, капитала и труда в рамках ЕАЭС.

§ 2.2. Метафора «Платформа возможного» и институты внешнеполитических функций ЕАЭС

ЕАЭС сформировался как единое целое, его государства-члены достигли глубокого уровня интеграции и решают вопросы международного сотрудничества в глобальной экономической системе. Для обеспечения открытости и

совместимости региональной интеграции на постсоветском пространстве с внешними рынками на глобальном уровне ЕАЭС необходимо расширить географию различных соглашений в сфере торговли, инвестиций, технологического сотрудничества и движения рабочей силы. ЕАЭС нужен «глобальный охват» за пределами Евразийского континента.

Ежегодно принимается документ «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС»,[131] на основе которого разрабатываются планы и направления по международному сотрудничеству стран ЕАЭС. В нем содержатся основные параметры взаимоотношений различных государств и торговых союзов, а также определяются приоритетные задачи, такие как создание ЗСТ и принятие соглашений о торгово–экономическом взаимодействии стран ЕАЭС. Необходимо подчеркнуть, что главной целью международных взаимоотношений между странами ЕАЭС является формирование эффективной и взаимовыгодной структуры сотрудничества с теми странами, с которыми у ЕАЭС выстроены конструктивные взаимоотношения и политический диалог. Это позволит осуществлять тесное сотрудничество, которое поможет участникам получить больше выгоды, нежели какой-либо ущерб.

Заинтересованность в подписании ЗСТ с ЕАЭС выразили около 50 стран,[132] в том числе ряд стран, которые в целом считаются развитыми рынками. Торговые

---

[131] Решение Высшего Евразийского экономического совета № 18 — Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2017 год // Правовой портал ЕАЭС — 26 декабря 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/021/82hmx81kccs1kwzxhjevvx1jekwf522f/scd_11042017_18_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[132] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе «Правительственного часа» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 25 января 2017 года // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации – 25 января 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1541060/ (дата обращения: 10.07.2023).

соглашения были подписаны между ЕАЭС и Вьетнамом,[133] Ираном,[134] Китаем,[135] Монголией,[136] ОАЭ,[137] Сербией,[138] и Сингапуром,[139] а аналогичные переговоры находятся на разных стадиях завершения с Египтом,[140] Индией,[141] Индонезией,[142] и

[133] Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Socialist Republic of Vietnam, of the Other Part // EEC – 29 мая 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/272/EAEU_VN_FTA.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[134] Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Islamic Republic of Iran, of the Other Part // EEC – 25 декабря 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/77b/FTA-EAEU_Iran.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

[135] Agreement on Economic and Trade Cooperation between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the People's Republic of China, of the Other Part // EEC – 17 мая 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/5b9/Tekst-angiyskiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[136] Interim Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, And Mongolia, of the Other Part // EEC – 27 июня 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/e24/kx6qsabt5s31z84i58jet4ywfnrgcesz/Interim-Trade-Agreement-EAEU_Mongolia.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

[137] Economic Partnership Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the United Arab Emirates, of the Other Part // EEC – 27 июня 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/55b/ql3zzje0crbhq1dftfp6kls8w5rv7pnp/EAEU_UAE-EPA-for-website.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

[138] Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Serbia, of the Other Part // EEC – 25 октября 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/56c/Agreement.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[139] Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Singapore, of the Other Part // EEC – 01 октября 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/766/EAEU_Singapore-Framework-Agreement.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[140] Решение Высшего Евразийского экономического совета № 17 — О начале переговоров с Арабской Республикой Египет о заключении соглашения о зоне свободной торговли // Правовой портал ЕАЭС — 26 декабря 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/bc8/j8frg2jn5cimfebrqesn3cptz19znt4w/scd_11042017_17_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[141] Решение Высшего Евразийского экономического совета № 14 — О начале переговоров с Республикой Индией заключении соглашения о зоне свободной торговли — 26 декабря 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/c2c/owmldg4jajschbirbemkwhsx7c2u9s34/scd_11042017_14_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[142] Решение Высшего Евразийского экономического совета № 6 — О начале переговоров с Республикой Индонезией о заключении соглашения о свободной торговле — 27 мая 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/895/Indoneziya.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

Израилем.[143] Кроме того, меморандумы о сотрудничестве с ЕАЭС подписали Бангладеш, Иордания, Камбоджа, и ряд третьих стран, и идут переговоры об установлении сотрудничества с международными организациями, в том числе АСЕАН, СНГ, ШОС, а также рядом других международных организаций.[144]

Вторая опора ЕАЭС как «площадки возможного» для расширения внешнеполитических контактов отчетливо выражена в широком географическом охвате внешнего партнерства Союза. Особенно направленность деятельности ЕАЭС на выход на страны и региональные организации «Глобального Востока» и «Глобального Юга» — новые центры политического, дипломатического, экономического и финансового влияния в мире.

Особенно важен тот факт, что в более широком плане перед ЕАЭС изначально ставилась задача выработать подходы к взаимодействию с ЕС и Китаем — двумя основными игроками на востоке и западе евразийского континента. В своей статье, опубликованной в газете «Известия» в 2012 году, В. В. Путин рассматривал ЕАЭС как мост между ЕС и АТР.[145] Однако, международная ситуация сложилась таким образом, что решение «европейской» части этой задачи теперь возможно лишь в отдаленной перспективе.

До начала СВО в 2022 году европейское направление являлось важным для устойчивого развития ЕАЭС. Несмотря на растущее экономическое значение Азии, ЕС оставался крупнейшим торговым партнером ЕАЭС. Поэтому Россия тогда настояла на установлении официальных отношений между ЕАЭС и ЕС, объявив

---

[143] Решение Высшего Евразийского экономического совета № 29 — О начале переговоров с Государством Израиль о заключении соглашения о зоне свободной торговли — 16 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/91d/opbbynmujeg83xi2ydtx1t1dui07qhgd/scd_19102015_29_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[144] Меморандумы о сотрудничестве или взаимодействии (третьи страны, региональные интеграционные объединения и международные организации) // Официальный сайт ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/memorandumy.php (дата обращения: 10.07.2023).

[145] Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия — 16 января 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/511884 (дата обращения: 17.07.2023).

заключение двустороннего ЗСТ одной из основных целей внешнеэкономической деятельности ЕЭК.[146]

Налаживание и установка официальных отношений между ЕАЭС и ЕС имело для России важное значение, поскольку это давало возможность получить международное принятие евразийской интеграционной инициативы. Так, начиная с 2012 года в ходе переговоров между ЕЭК и Европейской комиссией (ЕК), Россия активно продвигала идею о создании необходимой всем участникам ЗСТ «от Лиссабона до Владивостока». [147] Однако, события 2014 года, после которых последовало введение многочисленных санкций со стороны ЕС, внесли существенные поправки в этот процесс. Россия посчитала «неуместной увязку отношений ЕАЭС и ЕС с выполнением минских соглашений»,[148] расценив отказ ЕС от сотрудничества как следствие глубокой политической враждебности со стороны Запада.

До того Россия активно продвигала идею взаимодополняемости ЕАЭС и ЕС во взаимодействии с ЕС в различных областях, таких как энергетика, инфраструктура, наука и технология, инвестиции и визовая либерализация. Инициатива России была одобрена странами ЕАЭС, которые в свою очередь выразили намерение подписать нейтральное, не-преференциальное соглашение, которое могло стимулировать сотрудничество в перечисленных ранее областях на пользу ЕАЭС и ЕС, и в то же время не приводить к либерализации торговли выше нормы, определенной ВТО. Но, как мы уже говорили, стремительное ухудшение отношений ЕС с Россией привело к тому, что лидеры ЕС отказались рассматривать ЕАЭС в качестве вероятного участника взаимовыгодного сотрудничества. Хотя

---

[146] ЕАЭС – ЕС: альтернативы диалогу двух крупнейших на континенте интеграционных объединений нет // Официальный сайт ЕЭК — 03 июня 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/03-06-2019-1/ (дата обращения: 17.07.2023).

[147] Диалог ЕАЭС – ЕС: единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока глазами европейского бизнеса // Официальный сайт ЕЭК — 19 февраля 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/19_02_18/ (дата обращения: 17.07.2023).

[148] В Кремле считают неуместной увязку отношений ЕАЭС и ЕС с выполнением минских соглашений // Тасс — 19 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/politika/2455141 (дата обращения: 17.07.2023).

Германия и другие страны ЕС считали, что переговоры с ЕАЭС будут способствовать вовлечению России, это никак не повлияло на сложившуюся ситуацию.

Тем не менее, поскольку проект по созданию единого экономического пространства по- прежнему рассматривался взаимовыгодным и актуальным, ЕЭК в октябре 2015 года предложил ЕС возобновить официальные переговоры по данному проекту.[149] Попытки были предприняты и с европейской стороны – так, тогдашний глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер в ноябре 2015 года обратился к В. В. Путину с официальным посланием, в котором содержался призыв к развитию отношений между ЕС и ЕАЭС.[150] ЕС намеревался разработать предложения по потенциальным аспектам сотрудничества с ЕАЭС. Жан-Клод Юнкер обратил внимание на необходимость принятия согласованного решения всеми странами-членами ЕС по данному вопросу. Он отметил также, что это решение должно быть реализовано одновременно с выполнением Минских соглашений. Исходя из прагматического подхода, Юнкер признал ЕАЭС новой политико-экономической реальностью, с которой ЕС должен взаимодействовать, несмотря на некоторые разногласия между Брюсселем и Москвой. В ответ на прагматизм Юнкера специалисты ЕАБР предложили амбициозные цели сотрудничества ЕАЭС и ЕС, такие как подписание двустороннего соглашения о свободной торговле к 2025 году, развитие энергетического партнерства, повышение доступности финансовых рынков и ряд других.[151]

---

[149] Евразийский союз предлагает ЕС начать диалог о создании общего экономического пространства // Тасс — 26 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/2380019 (дата обращения: 17.07.2023).

[150] Juncker Opens the Door to EU-Eurasian Union Rapprochement // Euractiv — 20 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.euractiv.com/news/juncker-opens-the-door-to-eu-eurasian-union-rapprochement/ (дата обращения: 17.07.2023).

[151] Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения // ЕАБР – 18 ноября 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/512/edb_centre_2016_report_38_eu_eaeu_rus.pdf (дата обращения: 17.07.2023).

Инициатива «прагматического сближения» Юнкера и европейских лидеров того времени отражала возможность установления взаимовыгодного, равноправного и долгосрочного партнерства между европейскими и евразийскими блоками. С прагматической точки зрения европейских политиков и бизнеса, государства-члены ЕАЭС формируют прочный политический фундамент и привлекательную экономическую базу благодаря успешному процессу институционализации евразийской интеграции. Во всех государствах-членах ЕАЭС наблюдаются позитивные тенденции восстановления экономического роста и повышения конкурентоспособности экономик.

Поскольку ЕАЭС последовательно формировал свой внутренний рынок, а экономическая и торговая политика все больше подпадала под единую юрисдикцию Союза, пространство для одностороннего маневрирования отдельных государств в вопросах внешней торговли сузилось. Кроме того, благодаря успешному заключению соглашений о международном сотрудничестве ЕАЭС стал все более заметным международным образованием, возросла роль его постоянно действующих органов, а именно ЕЭК.

Предполагалось, что сближение ЕАЭС и ЕС укрепит доверие с обеих сторон и ослабит текущую политическую напряженность. Санкции ЕС и контрсанкции России нанесли ущерб всем заинтересованным сторонам, участвующим в экономических и торговых отношениях ЕАЭС-ЕС. Важно отметить, что более тесная связанность всего евразийского пространства могла бы укрепить взаимоотношения между АТР и ЕС, поскольку улучшила бы условия для логистики и транспорта. Если отношения между Россией и ЕС могли бы улучшиться, вся динамика на евразийском континенте могли бы измениться к всеобщей выгоде. ЕС необходимо было принять во внимание глубокие изменения в своих восточных соседях и пересмотреть свою позицию по отношению к ЕАЭС, и тогдашняя готовность ЕС двигаться в этом направлении отражала тот факт, что ЕАЭС явно укрепил свой международный авторитет: продолжавшиеся переговоры по расширению взаимовыгодных внешних связей принесли свой результат.

Начало СВО нанесло огромный удар по западному направлению ЕАЭС, но в то же время открылись новые возможности для сотрудничества на восточном направлении, ускорилась реализация актуальных проектов, которые уже обсуждались до возникновения текущей ситуации. Стороны выразили «желание создать среду и условия для развития взаимных торговых связей и продвижения экономического сотрудничества между сторонами в областях, представляющих взаимный интерес». [152] Обе стороны также признали важность сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс - Один путь» (ОПОП) как инструмента создания крепких и стабильных торговых связей в регионе».

Россия и Китай положительно оценивают развитие отношений и принятое соглашение. Совместное технико-экономическое обоснование «Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве» было завершено. Обе стороны обсудили расширенную программу взаимовыгодного сотрудничества, в которую были включены такие важные аспекты, как либерализация торговли услугами и инвестициями, защита инвестиций, перемещение физических лиц и другие. [153] В июне 2018 года Путин, выступая перед прессой по итогам российско-китайских переговоров заявил, что Россия и Китай настроены на продолжение совместных усилий по углублению и гармонизации интеграционных процессов на евразийском пространстве. Кроме того, он подчеркнул, что на основе сопряжения ЕАЭС и ОПОП станет возможным в перспективе формирование Большого Евразийского партнерства. Также он отметил, что подписание в мае в Астане «Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между странами- членами Евразийского

[152] Agreement on Economic and Trade Cooperation between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the People's Republic of China, of the Other Part // EEC – 17 мая 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/5b9/Tekst-angiyskiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

[153] Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации — 08 июня 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_zavershili_sovmestnoe_tehniko_ekonomicheskoe_obosnovanie_soglasheniya_o_evraziyskom_ekonomicheskom_partnerstve.html (дата обращения: 17.07.2023).

экономического союза и Китайской Народной Республикой» стало важным шагом на этом направлении.[154] Следует отметить, что временные соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Китаем позволяют существовать формальной связке с двусторонними соглашениями между Россией и Китаем. Для России это имеет символическую ценность в контексте внешнеполитического лидерства в ЕАЭС.

Важно отметить тот факт, что по ряду причин государства-члены ЕАЭС намерены искать общий подход к участию в китайской инициативе. В рамках своей инициативы Китай разрабатывает проект развития новых транспортных маршрутов, вдоль которых расположены страны ЕАЭС. Россия заинтересована в привлечении китайских инвестиций в свои крупные инфраструктурные и энергетические проекты. Безусловно, у государств-членов ЕАЭС возникает необходимость координировать свои транспортные системы, технологические и нормативные аспекты. Для стран ЕАЭС очевиден тот факт, что защитить свои национальные интересы будет легче в диалоге с Китаем в рамках Союза.

Важно отметить, что есть все необходимые институциональные форматы для координации рабочих групп, участвующих в двусторонних российско-китайских переговорах, а также на переговорах Китая с ЕАЭС. Объединение усилий в совместной работе дают положительные результаты. В июне 2016 года было подписано совместное заявление о начале переговоров по разработке «Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве» между Китаем и ЕАЭС.[155] В начале 2017 года ЕЭК опубликовала перечень приоритетных проектов, которые должны быть реализованы государствами-членами ЕАЭС в рамках ЭПШП.[156] Среди них 39

---

[154] Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Официальный сайт Президента России – 08 июня 2018. [Электронный ресурс]. – http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699 (дата обращения: 17.07.2023).

[155] Россия и Китай подписали заявление о переговорах по соглашению ЕАЭС и КНР // РИА Новости — 25 июня 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20160625/1451688116.html (дата обращения: 17.07.2023).

[156] Для стран ЕАЭС разработан перечень проектов по поддержке Экономического пояса Шелкового пути
// Акчабар — 02 марта 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.akchabar.kg/news/dlya-stran-eaes-razrabotan-perechen-proektov-po-podderzhke-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-mhmjartlasgbjkkf (дата обращения: 17.07.2023).

проектов были связаны со строительством новых дорог и модернизацией существующих, созданием транспортно-логистических центров и развитием ключевых транспортных узлов.

С точки зрения государств-членов ЕАЭС, цель переговоров с Китаем — балансирование китайского влияния на постсоветском пространстве, в частности в Центральной Азии, и координация политики с другими членами ЕАЭС. Согласование общей позиции по отношению к Китаю может быть в интересах всех членов ЕАЭС. Учитывая экономическую мощь Китая и общие интересы привлечения иностранных инвестиций на евразийский континент, важно отметить, что позиция Китая на переговорах сильна. В результате государства-члены ЕАЭС продают свои товары на более выгодных для Китая условиях.

Координируя внешние контакты каждого государства-члена в рамках Союза, ЕАЭС усиливает переговорные позиции с Китаем, одновременно сохраняя двусторонние связи между государством-членом и Пекином. Более того, ЕАЭС может управлять уровнем зависимости от торговли и инвестиций с Китаем, заключая ЗСТ с другими развивающимися азиатскими державами, а именно с Индией.[157]

158

§ 2.3. Метафора «Большая игра» и институты геополитических функций ЕАЭС

В последние годы усилия Путина по консолидации влияния России на постсоветском пространстве активизировались, и этому все больше способствует усиление многосторонних региональных организаций, такой как ЕАЭС. Неправильно рассматривать усилия России по интеграции просто как попытку восстановления СССР. Используя ЕАЭС как наиболее эффективный региональный

[157] Петровский В.Е. Индия – ЕАЭС: новые вызовы и возможности // Журнал «Международная жизнь» – 30 января 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/25216 (дата обращения: 17.07.2023).

интеграционный проект со времен окончания холодной войны, Россия стремится восстановить свое лидерство в решении различных международных проблем на постсоветском пространстве и в мире.

В контексте третьей опоры ЕАЭС как ответа на возвращение «Большой игры» и геополитическую динамику современных международных отношений, усилия России по укреплению связей со своими азиатскими соседями в рамках «Поворота России на Восток» влияют на глобальное положение России и ее отношения с Востоком и Западом. В то время как российско-европейские экономические отношения пострадали из-за политической напряженности, товарооборот между азиатскими государствами и ЕАЭС значительно увеличился. Как результат, экономическое сотрудничество и торговля между АТР и более широким евразийским регионом продолжают расширяться.

На протяжении большей части 1990-х и начала 2000-х годов Россия не стремилась активно к интеграции постсоветского пространства и взаимодействию с Азией. В центре внимания внешнеполитической и экономической политики России было сближение с Западом и расширение торгово-экономических связей с Европой.

С начала 2000-х годов Россия стала проводить более активную политику в отношениях с соседними постсоветскими странами в связи с изменением внутренних и внешних условий. Во-первых, под руководством Путина Россия стала политически и экономически гораздо более стабильной, а благодаря высоким доходам от продажи нефти и газа, российское государство также имело в своем распоряжении больше ресурсов для поддержки активной внешней политики. Во-вторых, Россия столкнулась с либеральными потрясениями и сменой режимов в соседних странах. Революции в Грузии 2003 года, на Украине 2004 года и в Кыргызстане 2005 года привели к власти новые элитные группы, стремящиеся к либеральным реформам и тесному сотрудничеству с Западом.

В-третьих, и это самое главное, на постсоветское пространство проникли западные организации. Страны Балтии вступили в НАТО в 2004 году, а НАТО и

ЕС заключили соглашения о партнерстве с рядом других постсоветских государств. Россия потеряла часть своих рычагов влияния в сфере транспортировки энергоносителей, поскольку несколько трубопроводов, идущих в обход территории России, были построены с помощью иностранных компаний. В их число вошли нефтегазопроводы между Азербайджаном и Европой через Грузию и Турцию, а также прямые между Китаем и Центральной Азией.

Поскольку Россия пыталась восстановить влияние на постсоветском пространстве, в 2002 году шесть бывших советских республик, включая Россию, Беларусь, Казахстан, Армению, Кыргызстан и Таджикистан, решили трансформировать Договор о коллективной безопасности 1992 года в постсоветский военный альянс ОДКБ. Отдельные государства-члены ОДКБ договорились о проведении коллективных военных учений и наложили вето на создание новых иностранных военных баз на территории любого государства-члена. В 2007 году ОДКБ заключила соглашение с ШОС – важным форумом для диалога между крупнейшими державами АТР и более широкого евразийского региона по вопросам безопасности, политическим и экономическим вопросам.

Расширение прав и возможностей существующих региональных организаций, таких как ОДКБ, и заключение соглашений с другими региональными организациями указали на новое направление внешней политики России в то время. В начале 2000-х годов Россия начала противодействовать влиянию внешних держав, укрепляя свои экономические позиции с помощью ряда крупных государственных энергетических компаний, включая «Газпром», «Лукойл» и «Единую энергетическую систему России».[159]

Идея евразийской интеграции стала более значимой, когда Путин начал поддерживать ее во время своего пребывания на посту премьер-министра России. В статье, опубликованной в газете «Коммерсант» в октябре 2011 года, Путин

[159] Perović J. From Disengagement to Active Economic Competition: Russia's Return to the South Caucasus and Central Asia // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2005. Vol. 13, No. 1, P. 61–85.

представил идее евразийской интеграции новую концептуальную основу.[160] Отвергая рассмотрение формирования нового регионального союза постсоветских стран как попыток «в том или ином виде воссоздать СССР», он предложил «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира». Путин тогда представил проект как часть будущей «Большой Европы» от «Лиссабона до Владивостока».

По сути, Путин предложил создать ЗСТ между формирующимся евразийским блоком и ЕС. Однако этой идее помешали политические потрясения в Украине после свержения президента Виктора Януковича в феврале 2014 года, когда стало ясно, что новое украинское руководство надеется на установление более тесных отношений с Европой. В условиях западных санкций Россия активизировала усилия по укреплению своего влияния на постсоветском пространстве и придала больший вес азиатскому вектору во внешней и экономической политике. В этом контексте «поворот России на Восток» начался еще до 2014 года как реакция на экономический подъема Китая. В мае 2014 года, «Газпром» и Китайская национальная нефтяная корпорация подписали 30-летнее соглашение на сумму 400 миллиардов долларов о поставках газа из России в Китай по новому трубопроводу – символический шаг, подчеркивающий растущую важность Азии для внешней политической и экономической стратегии России.[161]

В соответствии с внутренним дискурсом России относительно стремления к собственному национальному развитию, союз с Китаем на международной арене соответствовал стремлению к «суверенному пути» во внешней политике. Как подчеркивается в докладе группы ведущих российских внешнеполитических экспертов, усиление сотрудничества с Китаем представляется не только политически и экономически выгодным, но и знаменует собой «моральный

[160] Владимир Путин выступил в пространство — В планах российского премьера объединение Евразии // Коммерсантъ — 15 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1788017 (дата обращения: 03.10.2023).

[161] Алексей Миллер: Россия и Китай подписали самый крупный контракт за всю историю «Газпрома» // Газпром — 21 мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazprom.ru/press/news/2014/may/article191417/ (дата обращения: 03.10.2023).

поворот», поскольку «нацеленность обеих стран стать адептами незападной модели глобального развития обусловлена их стремлением защитить национальный суверенитет и повысить своё влияние на международной арене». Россия не закрыла свои двери для Европы, но проект «Большого евразийского партнерства» (БЕП) теперь открыт и для Китая, как заявил президент Путин во время Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в 2016 году.[162]

«Поворот России на Восток» является результатом признания новых геополитических, геоэкономических и геостратегических реалий, характеризующихся главным образом конфронтацией с Западом. Поскольку Европа не заинтересована в диалоге с Россией или ЕАЭС, Россия более склонна искать новые возможности в Азии и укреплять свои позиции на постсоветском евразийском пространстве. Многие российские эксперты полагают, что формирование коалиций с другими мощными незападными государствами и регионами, в частности с Китаем, Индией и АСЕАН, предоставит России больше рычагов влияния в отношениях с Западом.[163] «Поворота России на Восток» отчасти является попыткой получить международное влияние, когда дело касается отношений с Европой.

Таблица 8.

Основная тема Петербургского международного экономического форума и Восточного экономического форума (2014-2024 гг.)

	ПМЭФ	**ВЭФ**
2014	**Укрепление доверия в эпоху преобразований**	**-**
2015	**Время действовать: совместными усилиями – к стабильности и росту**	**-**

[162] Караганов С.А., Бордачёв Т.В. К Великому океану – 5. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 06 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/files/17048/ (дата обращения: 03.10.2023).

[163] Kortunov A. One More Time on Greater Europe and Greater Eurasia // Russian International Affairs Council — 02 октября 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/one-more-time-on-greater-europe-and-greater-eurasia/ (дата обращения: 03.10.2023).

2016	**На пороге новой экономической реальности**	**Открывая Дальний Восток**
2017	**В поисках нового баланса в глобальной экономике**	**Дальний Восток: создавая новую реальность**
2018	**Создавая экономику доверия**	**Дальний Восток: расширяя границы возможностей**
2019	**Формируя повестку устойчивого развития**	**Дальний Восток – горизонты развития**
2020	**-**	**-**
2021	**Снова вместе. Экономика новой реальности**	**«Новые возможности Дальнего Востока в меняющемся мире**
2022	**Новый мир – новые возможности**	**На пути к многополярному миру**
2023	**Суверенное развитие – основа справедливого мира. Объединим усилия во имя будущих поколений**	**На пути к сотрудничеству, миру и процветанию**
2024	**Основа многополярного мира – формирование новых точек роста**	**Дальний Восток – 2030. Объединим усилия, создавая возможности**

Источник: составлено автором на основе официальных сайтов ПМЭФ и ВЭФ.

В некотором смысле идея БЕП выглядит улучшенной или расширенной версией ЕАЭС. Путин официально представил проект БЕП на ПМЭФ-2016:

> «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура. В рамках такого контура мы в том числе сможем решать крупные технологические задачи, мотивировать и вовлекать в процесс технологического развития новых участников.... Уже в июне с нашими китайскими коллегами мы планируем дать официальный старт переговорам о создании всеобъемлющего торгово-экономического партнерства в Евразии с участием государств Европейского экономического союза и Китая. Рассчитываю, что это станет одним из первых шагов к формированию большого евразийского партнерства».[164]

[164] Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России — 17 июня 2016. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 03.10.2023).

Некоторые эксперты полагают, что основная цель БЕП носит региональный характер, чтобы придать ЕАЭС новый импульс [165] и позиционировать его как «центральную объединяющую структуру в сети региональной интеграции в Евразии». [166] Подобные взгляды поддерживаются китайскими учёными, рассматривающими БЕП и ЕАЭС как геополитическую инициативу, направленную на «восстановление ведущей роли России до того, как это было во времена СССР».[167]

Вместе с тем, для других экспертов, идея БЕП является глобальной – как проецирование образа великой державы в глобальном мире, позволяющего взаимодействие с азиатскими партнерами по созданию континентального порядка, свободного от господства США, и занимающего выжидательную позицию по отношению к Европе. Критично, что идея БЕП отождествляется с амбициозными планами глобального управления, подчеркивающими «превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» с возможностью «включать в себя как страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны европейского субконтинента и их организации».[168]

Проект БЕП также стал синонимом «Поворота России на Восток». Обе инициативы направлены на смещение внешней политики России в сторону более тесного взаимодействия с Азией. Обе страны бросают вызов главенству западного либерального мирового порядка, поддерживают видение России как независимого

---

[165] Шевченко А.М. Большое евразийское партнёрство становится всё более востребованным // Российский институт стратегических исследований — 14 апреля 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://riss.ru/analitica/bolshoye-yevraziyskoye-partnerstvo-stanovitsya-vse-boleye-vostrebovannym/ (дата обращения: 03.10.2023).

[166] Лузянин С.Г. Большая Евразия: общие задачи для Китая и России // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 16 апреля 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-zadachi/ (дата обращения: 03.10.2023).

[167] Kuznetsova A. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China // Russian International Affairs Council — 17 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/greater-eurasia-perceptions-from-russia-the-european-union-and-china/ (дата обращения: 03.10.2023).

[168] Караганов С.А., Бордачёв Т.В. К Великому океану – 5. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 06 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/files/17048/ (дата обращения: 03.10.2023).

центра глобальной силы и сосредотачиваются на стратегическом партнерстве между Россией и Китаем.

В принципе, ПВР больше ориентирован на АТР, а БЕП ориентирована в первую очередь на постсоветское пространство. Но различие между этими двумя инициативами стало размытым из-за нескольких факторов, таких как акцент России на возможности БЕП как альтернативной модели глобального управления, влияние Китая на Евразию в рамках ИПП, и общее восприятие США как источника глобальной нестабильности. Возможно, БЕП — расширенный вариант «Поворота России на Восток», призванный дать ЕАЭС «формат возможного» для укрепления постсоветской интеграции.

Важно отметить, что БЕП — «многоуровневый проект». БЕП является одновременно региональным, так как продвигает интересы и влияние России на всем постсоветском пространстве, межрегиональным, поскольку создает сети взаимовлияния между АТР и Ближним Востоком и, наконец, глобальным, поскольку пересматривает нынешний западный либеральный миропорядок и исследует будущее с упором на «Большую Евразию».

Отношение к глобальной архитектуре мирового порядка, сложившейся в период после холодной войны, начинает меняться: в мировом сообществе растет неудовлетворенность, рождается потребность к изменению и построению нового и справедливого мирового порядка. Построенный под руководством США однополярный мир постепенно стал терять свою динамику. Запрос на формирование многополярного мира стал возрастать. Данный факт можно рассматривать как первый шаг на пути к преобразованию нового мирового порядка. Глобальную трансформацию архитектуры мирового порядка предсказывали российские внешнеполитические эксперты, об этом говорили и политические лидеры. Речь шла о появлении конкурирующих макро-блоков как одной из форм многополярности, где главную роль будут играть региональные державы. В 2013 году Путин заявил:

> «XXI век обещает стать веком больших изменений, эпохой формирования крупных геополитических материков, финансово-экономических, культурных, цивилизационных, военно-политических... Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии».[169]

Так называемый «континентальный подход» свидетельствует о серьезных трансформациях, происходящих в геополитическом масштабе, о чем пишет ряд консервативных специалистов в международных отношениях в России.[170] Так, по мнению российского ученого-международника Сергея Караганова, в Латинской Америке может возникнуть еще один континентальный блок, а в континентальной Азии – сообщество «Большой Евразии», связанное с Россией и другими соседними странами.[171] Можно рассматривать эти два макро-блока как конкурирующие со сферой влияния США. Важно отметить, что США тем не менее остаются в центре влиятельных транснациональных сил безопасности и экономики, несмотря на крах Транс-тихоокеанского сотрудничества и провал Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства.

Сегодня можно констатировать, что в ходе дискуссии и встреч на высшем уровне у сторонников БЕП сформировалось видение модели нового биполярного мира, в котором один макро-блок будет сосредоточен на Западе во главе с США, а

---

[169] Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России — 19 сентября 2013. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19243 (дата обращения: 03.10.2023).

[170] Караганов С.А. Евроазиатский выход из европейского кризиса – Расширить пространство для поиска решений // Россия в глобальной политике — 21 января 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/ (дата обращения: 03.10.2023).

[171] Сергей Караганов: Запад, проигрывая, стал нарушать все моральные нормы // Российская газета — 02 июня 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/06/03/karaganov.html (дата обращения: 03.10.2023).

другой — во главе с Россией и Китаем в «Большой Евразии».[172] По мнению авторитетного журналиста-международника из России Федора Лукьянова, «идет формирование новой структуры мира, основанной на фактическом, хотя и не зафиксированном, балансе двух больших групп государств — коллективной Транс-Атлантики (которая захватывает географически и часть Тихого океана) и коллективной Центральной Евразии».[173]

Сторонники БЕП предполагают формирование такого мира, образцом для которого является сотрудничество крупных держав на основе «Венского конгресса» XIX века — самой популярной исторической метафоры в современной российской мысли о создании более «равного» и «справедливого» мирового порядка.[174] Как подчеркивает Д. Ефременко, российский политолог, существует «американская политика сдерживания по гигантскому внешнему периметру Китая и России. Придвигая НАТО к российским рубежам на Западе и укрепляя существующие оборонные альянсы в АТР, Вашингтон способствует тому, что видение стратегических целей американской политики в Москве и Пекине сближается».

По мнению российского эксперта в области международных отношений Тимофея Бордачева, «соперничество КНР с США на глобальном уровне и в морских пространствах будет нарастать. Пекин жизненно заинтересован в безопасном и дружественном окружении на суше, движении на Запад и открытии на Западе и Юго-Западе новых рынков».[175] Действительно, «Поворот России на

---

[172] Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 21 января 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/ (дата обращения: 03.10.2023).

[173] Федор Лукьянов: Из хаоса рано или поздно прорастает порядок // Российская газета — 20 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/10/21/lukjanov.html (дата обращения: 03.10.2023).

[174] См. так же [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/10/21/lukjanov.html (дата обращения: 03.10.2023).

[175] Бордачев Т.В. Новое евразийство – Как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике — 14 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evrazijstvo/ (дата обращения: 03.10.2023).

Восток» существенно усиливает ее позиции и – теоретически – оставляет открытой возможность для восстановления отношений с Европой. При этом, впрочем, последнее приглашение Россией Европы к «прагматичному обсуждению» отношений между ЕАЭС и ЕС относится к 2017 году.[176]

Следует иметь в виду, что дихотомия между разделенной Европой и консолидирующийся Евразией стала очевидной по ряду причин: нарастание всеобъемлющего кризиса в Европе из-за ситуации на Украине в 2014 году, выход Британии из ЕС, внутренние разногласия между государствами ЕС. Противопоставлением разделению ЕС после проведения 23 июня 2016 года референдума о членстве Великобритании в ЕС стала интеграция Евразии, когда лидеры ШОС собрались в Ташкенте, чтобы подписать меморандум о вступлении Индии и Пакистана. Этот процесс пошел дальше – так, в 2023 членом ШОС стал Иран, а в 2024 –Республика Беларусь. С точки зрения Д. Ефременко, Европа как «западный полуостров» Евразии переживает разделение интеграционных институтов.[177] По мнению российского политолога Т. Бордачева стал очевиден тот факт, что пока многочисленные западные институты, такие как «Большая семерка» и ЕС, находились в кризисе, «незападные» институты, такие как БРИКС и ШОС, успешно продвигались вперед в своем расширении.[178]

Важно отметить, что на межрегиональном уровне БЕП представляет собой основу позитивных отношений великих держав, а именно России и Китая. Эксперты дискуссионного клуба «Валдай» и Высшей школы экономики утверждают, что «вместо предсказывавшегося соперничества в Центральной Азии

---

[176] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф.Могерини, Москва, 24 апреля 2017 года // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации — 24 апреля 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1545972/ (дата обращения: 03.10.2023).

[177] Ефременко Д.В. Рождение Большой Евразии – Как завершается эпоха после холодной войны // Россия в глобальной политике — 28 ноября 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/rozhdenie-bolshoj-evrazii/ (дата обращения: 03.10.2023).

[178] Бордачев Т.В. ШОС как фундамент Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» – 02 июля 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-kak-fundament-bolshoy-evrazii/ (дата обращения: 10.01.2022).

между Москвой и Пекином налаживается, хоть и медленно, сопряжение между китайским «Новым Шелковым путем» и ЕАЭС». [179] Вместо того, чтобы рассматривать регион как фрагментированную зону конфликта, «Центральная Евразия, а затем и большая Евразия, должны стать примером игры с положительной суммой для всех, доминирования сотрудничества над соперничеством». [180] Стратегическое партнерство России и Китая имеет четкие геополитические цели, хотя оно и не является формальным альянсом.

Для России объединение ЕАЭС и ЭПШП рассматривается как равноправное стратегическое партнёрство. В своем выступлении в Пекине Путин назвал ЭПШП одним из важных проектов среди других инициатив континентальной интеграции, прокомментировав это следующим образом:

> «Считаю, что сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс, один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии способно стать основой для формирования большого евразийского партнерства. Именно с таким подходом мы считаем возможным рассматривать повестку дня, предложенную сегодня Китайской Народной Республикой».[181]

Следует подчеркнуть, что Путин сначала поставил инициативу ЕАЭС в один ряд с ЭПШП, затем переместил все эти инициативы в более всеобъемлющую геополитическую концепцию – «Большую Евразию». Таким образом, «Большая Евразия» является полезным геополитическим дискурсом для России.

---

[179] Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Журнал «Международная жизнь» 2017. № 5. С. 6–18.

[180] Караганов С.А., Бордачёв Т.В. К Великому океану – 3. Экономический пояс Шёлкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 04 июня 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/files/19625/ (дата обращения: 03.10.2023).

[181] Международный форум «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Президента России — 14 мая 2017. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54491 (дата обращения: 03.10.2023).

По мнению российских аналитиков, установление БЕП отвечает всем внутренним интересам Китая. С точки зрения политолога С. Караганова, адаптивность Китая в политическом и экономическом участии в БЕП принесет пользу Китаю, так как уменьшит сопротивление «снизу» его растущему влиянию. Поскольку Китай считал, что потенциальное взаимодействия с постсоветской Центральной Азией будет легче достичь на многосторонней основе, чем на чисто двусторонней основе, то становится понятной причина создания ШОС в 2001 году.

Существует мнение, что на начальном этапе ШОС не оправдала ожиданий, поскольку она функционировала в первую очередь как диалоговая площадка, а не как независимая региональная организация. Тем не менее, «обновленная и расширенная» ШОС может быть возрождена в качестве центрального института проекта Большой Евразии. Важен тот факт, по мнению С. Караганова, что «сообщество Большой Евразии может организационно функционировать через укрепление полусонной пока Шанхайской организации сотрудничества, наполнение реальными проектами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Банка развития ШОС, формирование собственных платежных систем и резервных валют, убыстренное развитие логистической-транспортной сети».[182]

Необходимо добавить, что вносились предложения о создании Форума евразийского сотрудничества, развития и безопасности — современного «Венского конгресса», который помог бы выработать новые правила и режимы для всего евроазиатского континента. [183] Очевидно, концептуальный характер БЕП ограничивал обсуждение конкретных идей пан-евразийских институтов. Многие эксперты полагают, что любые попытки создать новые институциональные форматы высветят многие существующие противоречия и конфликты в регионе, скрытые под дискурсом «Большой Евразии».

---

[182] Караганов С.А. Евроазиатский выход из европейского кризиса – Расширить пространство для поиска решений // Россия в глобальной политике — 21 января 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/ (дата обращения: 03.10.2023).

[183] Сергей Караганов: Запад, проигрывая, стал нарушать все моральные нормы // Российская газета — 02 июня 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/06/03/karaganov.html (дата обращения: 03.10.2023).

Можно предположить, что на традиционно тесные российско-индийские отношения большое влияние оказало переосмысление российско-китайских отношений в «Большой Евразии». Членство Индии в ШОС с 2017 года и ее растущее влияние в Центральной Азии, включая Афганистан позволили расширить направления в геополитике» Большой Евразии. Запущенная ранее в 2012 году инициатива Индии «Соединим Центральную Азию» оказала некоторое влияние на расширение ее присутствия в Центральной Азии, тем не менее ее участие в регионе зачастую было скорее риторическим, чем практическим.

В частности, «евразийский поворот» Индии трактовался с геополитической точки зрения, как стратегическое соревнование с Китаем. Опасаясь негативных последствий для Кашмира и дальнейшего укрепления связей Китая с Пакистаном, Индия, единственная среди членов ШОС, отказалась участвовать в китайской инициативе «Пояс и путь». Важно подчеркнуть, что российские эксперты по внешней политике полагали, что новые международные структуры, такие как БРИКС и ШОС, будут способствовать улучшению связей между Индией и ее соседями — Китаем и Пакистаном.[184]

Нельзя отрицать, что Иран, в свою очередь, может также сыграть важную роль в качестве ключевого участника БЕП. Взаимовыгодное российско-иранское военное сотрудничество в Сирии, а также стремительно растущие китайские инвестиции в Иран, безусловно, могут способствовать более тесному сближению этих стран в рамках ШОС и других евразийских инициатив. Очевидно, что Иран и Китай являются странами-единомышленниками. Обе страны активно выражают свое недовольство нынешним состоянием доминирования США в мировых делах. На этом фоне Россия поддержала заявку Ирана на членство в ШОС, при этом получив статус наблюдателя.[185] Следует отметить, что после того как в 2012

[184] Караганов: ШОС может стать центральной организацией в Большой Евразии // Российская газета — 31 мая 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/05/31/evrazia-site.html (дата обращения: 03.10.2023).

[185] Спецпредставитель президента РФ: конфликт Индии и Пакистана не повлиял на работу ШОС // Тасс — 22 мая 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/interviews/6457034 (дата обращения: 03.10.2023).

году Турция стала «партнером по диалогу» ШОС, она постепенно начала терять интерес к членству в ЕС и тесному сотрудничеству с США и НАТО в области безопасности. В итоге можно констатировать, что Турция намерена «оказать давление на своих партнёров в ЕС и одновременно укрепить свои позиции по отношению к ШОС».[186]

Очевидно, что идеологи и разработчики проекта «Большой Евразии» осознавали ключевые идеологические тенденции и разделяли идеи о построении справедливого миропорядка, который будет способствовать развитию равноправного и взаимовыгодного экономического, политического и социального партнерства в широком спектре государств от Центральной Европы до Восточной Азии. Следует отметить наличие важной географической составляющей, которая способствует созданию нового геополитического пространства, где либеральные нормы международного порядка бросают вызов. Важно подчеркнуть, что замысел «Большой Евразии» предоставляет для российской элиты мощную дискурсивную структуру, позволяющую демонстрировать новую международную идентичность России в глобальных делах, а также ясно формулировать ее собственное видение построения нового мирового порядка.

[186] См. так же [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/interviews/6457034 (дата обращения: 03.10.2023).

ГЛАВА III. Концептуально-структурные основания внешней политики в отношении Евразии стран СВА

§ 3.1. «Северная политика» Кореи и развитие внешней политики Сеула по евразийскому направлению

Вопрос о «Северной политике» Республики Корея, а этот концепт ее внешней политики охватывает КНДР, Россию и Китай, по понятным причинам остается неизменно актуальным. Причины этой актуальности с течением времени менялись, но Корейский полуостров всегда оставался ключевым фактором, во многом определяющим ситуацию с безопасностью в СВА. Завершение биполярной эпохи создало для Сеула уникальный коридор возможностей, когда Республика Корея получила известную «свободу рук» в части построения суверенной внешней политики. На тот момент Южная Корея была одним из успешных «азиатских тигров», и могла успешно опереть эту политику на мощный экономический базис, результатом чего могло быть не только успешное и конструктивное решение «проблемы двух Корей», но и совершенно иной расклад в сегодняшней СВА. Этого не произошло, хотя соответствующие попытки Сеулом предпринимались, и достаточно активно. Их исследованию и посвящена настоящая глава.

Началом «Северной политики» Республики Корея считается «Специальная внешнеполитическая декларация о мирном объединении» от 23 июня 1973 года, предлагавшая наладить отношения с СССР и КНР.[187] Тот документ способствовал появлению термина «северная политика», – поскольку СССР и КНР расположены к северу от Корейского полуострова, корейские эксперты стали называть политику в отношении этих двух стран «северной», по аналогии с «восточной политикой»

[187] Ли, К.Т. Возможность дипломатии Кореи с Китаем и Советским Союзом // Журнал «Северная Корея». 1974. № 2. С. 21-23. (на корейском); Ли, Ч. Перспективы политики Советского Союза в отношении Кореи и проблемы дипломатии Кореи с Советским Союзом // Журнал «Национальное объединение».1974. № 1. С. 1-3. (на корейском)

ФРГ, – однако реальных действий в рамках нового подхода не последовало. Полноценная же концептуализация «северной политики» произошла при администрации Но Тхэ У (1988-1993 гг.). Точкой отсчета Чон Чжэ Сон полагает установление дипломатических отношений между Китаем и СССР: по его мнению, «это означало, что КНДР больше не может претендовать на монополию в части определения позиции России и Китая в отношении Республики Корея», и что США, позволив Южной Корее сблизиться с СССР и КНР, показали пример того, что «в нужное время надо использовать возможность установить дипотношения со своим бывшим врагом». Для Кореи было важно «понимать структуру интересов и баланс сил великих держав и понимать природу перемен в международной политике, чтобы воспользоваться случайным окном возможностей».[188]

Произошедшее в период президентства Но Тхэ У окончание холодной войны означало «обнуление» множества ограничений, в первую очередь идеологических, и Республика Корея увидела в этом свой исторический шанс обрести суверенитет в проведении внешней политики и избавиться от системной зависимости. «Северная политика» также предполагала возможность изменения главной константы внешней политики Республики Корея — военного союза с США.

«Случайное окно возможностей» обусловило довольно быстрое возникновение соответствующей концептуализации внешнеполитических приоритетов. Идея «ориентации на север», возникнув в момент демократизации 1987 года, в дальнейшем устойчиво прослеживается в политической риторике Республики Корея, трансформируясь от администрации к администрации и постоянно расширяясь как географически, так и в части ключевых смыслов и задач, со временем став весьма особой, если не ключевой для Республики Корея политической метафорой. [189] Ее становление началось с прикладного использования, когда та мыслилась не более чем инструмент, который должен был

[188] Чон, Ч.С. Анализ детерминант северной политики администрации Но Тхэ У и процесса последующих изменений северной политики // Журнал «Международные исследования». № 10. С. 23-25. (на корейском)
[189] Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е. Становление «Северной политики» Республики Корея (1998–2003) // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 2. С. 97.

политически оформить, по германскому образцу, процесс поглощения и ассимиляции КНДР Южной Кореей, который представлялся в условиях исчезновения СССР предопределенным. Потенциал и возможности КНДР в этой парадигме игнорировались и критически недооценивались, Пхеньян полагался полностью лишенным свободы маневра, в силу чего речь шла не более чем о возможности для его руководства сохранить лицо, и выторговать для себя минимально приемлемые условия. Завершился этот процесс со смертью Ким Ир Сена, когда Сеул, отбросив прежнюю политическую риторику, сделал ставку на дестабилизацию КНДР, которой не случилось. Разрушение прежде наработанного минимального запаса доверия между двумя Кореями породило глубокий кризис: Сеул обнаружил себя перед реальной угрозой «провалить экзамен» на способность осуществлять суверенную внешнюю политику. Результатом стало переосмысление концепта «Северной политики»: последняя стала восприниматься как критически важная для внешнеполитического суверенитета Республики Корея, и стала обрастать новым, и вполне реальным, а не фиктивным, функционалом.

Ниже мы проанализируем процесс становления понятия «севера» в качестве ключевой политической внешнеполитической метафоры Республики Корея, предполагающей свои политические императивы и критерии оценки успешности их реализации в период нескольких администраций Республики Корея, руководивших страной в 90-е годы и в самом начале нулевых. Базовым методом анализа является когнитивный, в равной мере используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический подходы.

«Северная политика» Республики Корея

С момента своего возникновения в 1988 году «Северная дипломатия» стала главным направлением, достигнув успехов на котором Республика Корея могла в полной мере обрести свой внешнеполитический суверенитет. Политика разрядки, начатая в СССР М. С. Горбачевым, немедленно коснулась и Корейского полуострова: так, в годы холодной войны внешняя политика Кореи очевидным

образом была в сильнейшей степени зависима от США.[190] С распадом биполярной системы США начали рассматривать Республику Корея не столько как военный плацдарм, сколько как перспективную для инвестиций страну, что запустило внутри Республики Корея процесс демократизации. В части внешней политики это означало появление возможности более самостоятельного формулирования и продвижения собственных интересов на жизненно важном для Республики Корея направлении — северном, которое включало в себя главным образом отношения с КНДР, но также и с КНР и Россией. Это дало существенный импульс для развития корейской дипломатии, с готовностью и энтузиазмом отказавшейся от ограничительных парадигм времен холодной войны.[191]

Таким образом начался процесс становление «Севера» как центральной для Южной Кореи политической метафоры, охватывающей все то, что Сеул мог отнести к своей суверенной политике: ее смысловое и географическое расширение, равно как и периодическое сужение, позволяет составить довольно точное представление о положении дел на этом направлении. Концепция «Севера», следуя за внешнеполитической конъюнктурой, постоянно трансформировалась: если в момент своего появления когнитивные рамки «северной дипломатии» включали отношения с СССР, КНР и КНДР, спектр решавшихся вопросов оставался региональным, то к 2017 году, после смены поколения политиков и дипломатов, «Север» включал в себя уже 14 государств евразийского континента, отнесенных Комитетом экономического сотрудничества по Северному направлению при президенте Республики Корея к ключевым странам-партнерам.[192]

---

[190] Shin, S.O. South Korea's Elusive Middlepowermanship: Regional or Global Player? // The Pacific Review. 2015. Vol. 29, No. 2. P. 187-189; Yoo, H.J. The China factor in the US–South Korea Alliance: the Perceived Usefulness of China in the Korean Peninsula // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68, No. 1. P. 85-88.

[191] О, Г.П. Корейская дипломатия: новый международный порядок и логика неопределенности. — Сеул: издательство Орым. 1994. С. 14-19. (на корейском)

[192] Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Северокорейский фактор и укрепление позиций России в Азии // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 82; Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // Полис. 2016. № 4. С. 143.

В этом контексте «Северную политику» вполне можно назвать полноценной внешнеполитической доктриной, опирающуюся на «долгосрочные стратегические планы, и подкрепленную интересами, ресурсами, целями и образом действий».[193] Сегодня в рамках этой политики весьма существенную роль отводиться и России: Республики Корея рассматривает Россию как одного из гарантов стабильности в АТР.[194]

Таким образом, «север» весьма опосредованно связан с географией, это сложное и многослойное понятие, конструируемое в соответствии с интересами, целями, доминирующим внешнеполитическим дискурсом – по сути, это «воображаемая», «изменчивая» и «конструктивная» сфера.[195] О ее значимости говорит тот факт, что практически каждый президент Республики Корея так или иначе ее корректировал, интегрируя в нее все те направления, которые представлялись возможными и значимыми. Ряд авторов отмечает, что метафора «Северной политики» сегодня имеет три измерения – это политика объединения, политика безопасности и национальная стратегия, которые, накладываясь друг на друга, определяют смысловое наполнение актуальной «Северной политики».[196]

Становление «Северной политики» Республики Корея (1998 –2003 гг.)

«Северная политика» администрации Но Тхэ У (1988-1993 гг.)

Президент Но Тхэ У, при котором были заложены основы «Северной политики», вступил в должность в 1988 году. Отправной точкой для нового курса стало участие СССР и КНР в Олимпийских играх, которые прошли в тот год в

---

[193] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс. 2018. С. 137.

[194] Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Северокорейский фактор и укрепление позиций России в Азии // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 82; Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // Полис. 2016. № 4. С. 143.

[195] Ким, С.Б. Теория будущей стратегии безопасности: помимо нетрадиционной теории безопасности. — Сеул: Академия социальной критики. 2016. С. 35-40. (на корейском)

[196] Ким, С.Б. Дипломатия средней державы на этапе становления: перспектива комплексной геополитики. — Сеул: Академия социальной критики. 2020. С. 24. (на корейском); Ли, К.Г. Инициатива «Один пояс и один путь», новая северная политика и новая южная политика. — Паджу: Книжная звезда. 2018. С. 137. (на корейском); Ха, Е.Ч. Северная политика: истоки, развитие и влияние. — Сеул: Издательство Сеульского национального университета. 2003. С. 23-25. (на корейском)

Сеуле. Республика Корея, на время их проведения ставшая центром события мирового масштаба, смогла его использовать как мощный импульс для утверждения своего нового международного статуса. В течение следующего 1989 года Республика Корея установила дипломатические отношения с рядом стран Восточной Европы, в 1990 году – с СССР, а в 1992 – с КНР. В сентябре 1991 года РК и КНДР одновременно стали членами ООН, а в декабре того же года в Сеуле была подписана Совместная межкорейская декларация о примирении и сотрудничестве. Тогда же было сделано заявление о безъядерном статусе Корейского полуострова. КНДР, опасаясь возможности своего поглощения ставшей экономически более сильной Республикой Корея, инициативно предложила свою Программу великой консолидации. Та предполагала реализацию переосмысленной китайской формулы «одна страна – две системы», в формулировке Ким Ир Сена она звучала как «одна нация – одна страна – две системы – два правительства».[197] Однако Республика Корея не стала рассматривать ее по существу, исходя из когнитивных представлений, наработанных в годы «холодной войны»: интерпретация ее окончания как односторонней победы Запада предполагала возможность реализовать в свою пользу новые региональные и геополитические реалии. Тем более что СССР фактически отозвал свои гарантии безопасности в отношении КНДР, ее экономическое положение оказалось кризисным, а экономика Республики Корея находилась на подъеме. В силу собственного экономического превосходства руководство Республики Корея рассматривало объединение на условиях Сеула как единственно возможную, рациональную и вполне очевидную перспективу. В рамках этих когнитивных установок объединение двух Корей мыслилось администрацией президента Но Тхэ У как распространение культуры и жизненных стандартов Республики Корея на КНДР, то есть фактически как ее поглощение по примеру ФРГ и ГДР, и предложенная Ким Ир Сеном альтернатива, по сути, не прорабатывалась. Это, как

[197] Захарова Л.В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. – М.: ИДВ РАН. 2014. С. 14.

выяснилось позднее, было стратегической ошибкой, и впоследствии поставило под вопрос всю Северную политику Республики Корея.

Руководство КНДР, обнаружив слабость своей переговорной позиции, логичным образом стало искать способы ее сбалансировать. По сути, переход КНДР к обретению «ядерной идентичности» на тот момент был уже по сути решенным вопросом: исчезновение поддержки СССР и явной невозможность достижения экономического паритета с Южной Кореей не оставляли иных реалистичных опций, а оставленный СССР в наследство промышленный потенциал делал движение в сторону обретения ядерной компоненты не безнадежным. Воронцов цитирует участника переговоров 1990 года дипломата А. Н. Панова, сопровождавшего министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе во время его визита в Пхеньян, когда Шеварднадзе сообщил Ким Ён Наму, министру иностранных дел КНДР, о намерении СССР нарушить данное двумя годами ранее обещание не признавать Южную Корею. Ким Ён Нам заявил об этом шаге Горбачева как о предательстве, и сообщил, что у КНДР не остается иного выхода, кроме как выйти из договора ДНЯО, и приступить к созданию собственного ядерного оружия.

В отсутствие гарантий со стороны СССР «ракетно-ядерная программа КНДР уже тогда стала мыслится как становой хребет северокорейской идентичности» и «единственная гарантия безопасности и самостоятельности страны».[198] Ядерный вариант рассматривался КНДР как радикальный и «сравнительно дешевый» способ установления баланса сил в условиях, когда вооруженные силы КНДР оказались в состоянии упадка вследствие тяжелого экономического положения страны и прекращения поставок советской техники.[199] Иными словами, в то время как Республика Корея полагала, что КНДР находится в безвыходном положении, и просто обречена делать уступки, КНДР выигрывала время с тем, чтобы как

[198] Воронцов А.В. Что будет на Корейском полуострове в ближайшее десятилетие? // Международная жизнь. 2021. № 1. С. 124-126.
[199] Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории — М.: ОЛМА Медиа Групп. С. 186.

минимум восстановить баланс сил, а как максимум – и обрести стратегическое преимущество.

Как известно из теории переговоров, разница стратегических целей не исключает возможности достижения договоренностей по второстепенным пунктам повестки, которые – до определенного момента – каждая из сторон вполне обоснованно может интерпретировать как шаг в сторону достижения собственной цели. В этом контексте администрация Но Тхэ У полагала, что она в полной мере воспользовалась изменившейся в 1990-х годах международной ситуацией и сумела прочно закрепить за собой инициативу на северном направлении, и последовавшая затем «ядерная» эволюция КНДР оказалась для Республики Корея совершенной неожиданностью.[200]

«Политика глобализации» администрации Ким Ён Сама (1993-1998 гг.)

Президент Ким Ён Сам, вступивший в должность в 1993 году, объявил внешнеполитической стратегией «политику глобализации», которая предполагала укрепление позиций Республики Корея в международных организациях и прогресс в межкорейских отношениях. В ситуации, когда «корейский вопрос» перестал быть двусторонней проблемой и стал рассматриваться как проблема международная, Республика Корея логичным образом взяла курс на повышение своего влияния в вовлеченных в его решение международных организаций.

Соответствующая необходимость возникла вследствие первого ядерного кризиса на корейском полуострове, в результате которого Сеул оказался на вторых ролях, а роль медиатора привычно взяли на себя США. Кризис начался в 1993 году с отказа Пхеньяна допустить инспекторов МАГАТЭ к проверке двух ядерных объектов на территории КНДР, после чего КНДР заявила о выходе из этой организации. Инцидент был урегулирован США: на встрече президента США Дж. Картера с Ким Ир Сеном летом 1994 года были определены базовые параметры Рамочного соглашения, которое вскоре было подписано в Женеве. По нему КНДР отказывалась от ядерной программы, возвращалась в Договор о нераспространении

[200] Ким, Д. Дипломатия слабой державы. — Сеул: Поисковая группа. 1992. С. 5. (на корейском)

ядерного оружия (ДНЯО) и восстанавливала сотрудничество с МАГАТЭ, а США брали на себя обязательства построить в КНДР две легководных АЭС и компенсировать энергетические потери ежегодной поставкой 500 тыс. тонн мазута.[201]

Ким Ён Сам, обнаружив угрозу утраты инициативы, энергично включился в этот трек: после Женевы между двумя странами начались переговоры и обсуждалась идея саммита. Ким Ён Сам предложил свой вариант трехэтапной концепции объединения Кореи. Первая фаза называлась «Примирение и сотрудничество», достичь которых предполагалось посредством взаимного признания и осуществления конкретных мер доверия через обмены в различных отраслях. Вторая фаза, «Корейское содружество», должна была возникнуть на основе опыта и достижений первой, и предполагала институционализацию механизма мира и сотрудничества на полуострове. На этом этапе власти Севера и Юга должны были согласовать структуру и функции Корейского содружества; среди основных органов предлагались Совет президентов и Совет министров. Расширение экономического сотрудничества и взаимных поездок граждан должно было привести к формированию единого экономического пространства и рассматривалось как основа дальнейшей политической интеграции. На завершающем этапе, «Одна нация – одно государство», планировалось создание унитарного корейского государства, формирование единого парламента и единого правительства, а руководящие принципы предусматривали приоритет демократического национального консенсуса над другими способами принятия решений, сопроцветание и обеспечение сопоставимых жизненных стандартов.[202] Собственно, анализ предложений Ким Ён Сама показывает, что речь шла о реализации те же самых когнитивных установок Но Тхе У, то есть представлял собой новую редакцию попытки экономической ассимиляции КНДР, когда

[201] Денисов В.И. Корейская ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются // Аналитические записки НКСМИ МГИМО — 26 сентября 2006. [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/216762/az-20.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
[202] Захарова Л.В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. – М.: ИДВ РАН. 2014. С. 17.

главным актором оказались бы корпорации Республики Корея – что было заведомо неприемлемо для КНДР.

Но подготавливавшийся саммит не состоялся из-за внезапной смерти лидера КНДР Ким Ир Сена. После этого политический курс Республики Корея резко изменился: Ким Ён Сам сделал ставку на то, что после смерти Ким Ир Сена в Северной Корее начнутся социальные волнения, которые создадут условия для ее поглощения Югом. Прежняя риторика была отброшена, что немедленно подорвало накопленный к тому моменту запас взаимного доверия, Ким Ён Сам занял резко конфронтационную позицию и даже не выразил Пхеньяну соболезнования. Однако, «политика силы» привела к отрицательному результату: несмотря на серию природных катастроф, главным образом наводнений, вызывавших критическую нехватку продовольствия в КНДР, северокорейский режим сумел устоять. Возможности Ким Ён Сама проводить эффективную «Северную политику» понятным образом оказались исчерпаны, а вместе с этим «схлопнулось» и пространство суверенной внешней политики.

«Политика солнечного тепла» администрации Ким Дэ Чжуна (1998-2003 гг.)

Президенту Ким Дэ Чжуну, вступившему в должность в 1998 году, пришлось начинать «Северную политику» фактически с нуля. Она была кардинально переосмыслена. Причиной этого стал глубокий когнитивный кризис южнокорейских элит: окончательный провал мог поставить крест на возможности обретения Республикой Корея полноценного внешнеполитического суверенитета, цели, достижение которой ранее мыслилось как неизбежное и как вопрос ближайшего времени. Это повлекло глубокое переосмысление всего концепта «Северной политики»: тот перестал предполагать в качестве единственно возможной игру с «нулевой суммой», допуская вполне равноправные и взаимовыгодные отношения.

В результате Ким Дэ Чжун провозгласил кардинально отличный от своего предшественника курс, назвав политику взаимодействия с КНДР «Политикой солнечного тепла». Это во многом сработало: его политика во многом

способствовала укреплению позиций РК как главного переговорщика с КНДР. Так, Ким Дэ Чжун смягчил Закон о национальной безопасности, простое проявление симпатий к КНДР перестало быть наказуемым, предоставил властям КНДР помощь в размере 500 млн. долларов и провел встречу с лидером КНДР Ким Чен Иром в Пхеньяне. [203] Результатом этой исторической встречи стала «Совместная декларация Юга и Севера Корей» 15 июня 2000 года о примирении и сотрудничестве.

Что существенно, на этом этапе «Северная политика» была вполне воспринята в качестве значимой и реальной на уровне массового сознания населения Южной Кореи: ее общество на самом деле поверило, что «Политика солнечного тепла» не риторика, а реалистичная дипломатия, направленная на сближение Юга и Севера. [204] Представлялось, что корейская проблема действительно может быть решена корейскими народами, чему залогом была и позиция администрации Клинтона, заявившей о готовности США способствовать достижению договоренностей по финансированию и сооружению легководного реактора в КНДР. Корейская организация по развитию энергетики (КЕДО) определила, что стоимость проекта составит 4,6 млрд долл. США, из них 70% расходов взяла на себя Южная Корея, 22% – Япония, 8% – Евросоюз. США обязались обеспечить ежегодные поставки мазута Пхеньяну в объеме в 500 тыс. тонн. [205] Администрация Ким Дэ Чжуна стремилась также содействовать дипломатическому, политическому и экономическому сотрудничеству с Россией и КНР, имеющим тесные отношения с КНДР.

Однако тут произошла резкая смена политики США, причиной ее стала смена американской администрации. С приходом году к власти в 2001 администрации Дж. Буша-младшего позиция США в отношении КНДР резко изменилась: давление

---

[203] Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории — М.: ОЛМА Медиа Групп. С. 355-356.

[204] Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории — М.: ОЛМА Медиа Групп. С. 353.

[205] Денисов В.И. Корейская ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются // Аналитические записки НКСМИ МГИМО — 26 сентября 2006. [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/216762/az-20.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

вновь стало базовым политическим инструментом. Вашингтон причислил КНДР к «оси зла», усилил военно-политическое давление на Пхеньян, отказался от своих обязательств по Рамочному соглашению, прекратил поставки мазута в КНДР, и потребовал от Северной Кореи полного прекращения всех ядерных программ, включая мирную. В результате процесс мирного урегулирования северокорейской ядерной проблемы был прерван, а в конце 2002 года Вашингтон обвинил КНДР в том, что та, получая поддержку от Сеула, «осуществляет секретную ядерную программу».[206] Начавшийся было процесс суверенизации внешней политики Сеула вновь оказался подвешенным.

Трансформации «Северной политики» Республики Корея (2003-2024 гг.)

С приходом к власти в США администрации Джорджа Буша-младшего политика США в отношении КНДР кардинально изменилась: договоренности, ранее достигнутые Пхеньяном с администрацией Клинтона, были отменены, КНДР была объявлена «осью зла», и столкнулась с жестким американским давлением. Для администрации Ким Дэ Чжуна, вполне успешно проводившей в отношении КНДР «политику солнечного тепла», и уже сумевшей после провалов предыдущей администрации инициировать процесс восстановления межкорейского доверия, это стало весьма неблагоприятным развитием ситуации. Открывшееся в начале 90-х «редкое окно возможностей» грозило полностью захлопнуться: казавшаяся столь близкой возможность обретения внешнеполитического суверенитета на глазах становилась призрачной и недостижимой. Надо отдать должное тогдашним элитам Южной Кореи и ее дипломатии: они сделали все возможное, чтобы это «окно» как минимум сохранить приоткрытым. В этом контексте представляет особый интерес начавшаяся тогда реконцептуализация «Северной политики»: в условиях отложенной на неопределенный срок возможности достижения главной цели та стала эволюционировать «вширь», по сути превращаясь в главный когнитивный

[206] См. так же [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/216762/az-20.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

интегратор всех направлений и смыслов, которые, тем либо иным образом, можно было отнести к зоне суверенной политики Сеула.[207]

Это во многом объясняет тот момент, что произошедшее в XXI веке драматичное развитие ситуации на Корейском полуострове, которое окончательно перевело «проблему КНДР» на уровень сверхдержав – так, КНДР стала ядерной страной, Ким Чен Ын добился прямой коммуникации с президентом США Дональдом Трампом, а в 2024 году заключил с Россией договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, при этом не вычеркнуло Республику Корея из числа игроков, способных серьезно влияющих на ситуацию. Для этого Республика Корея при любой возможности целенаправленно выстраивала многостороннюю коммуникацию со всеми акторами, так или иначе вовлеченными в дела региона, где не последними были евразийские государств.

При этом прогресс собственно на северокорейском направлении, который по сути и был наиболее существенным продвижением к внешнеполитическому суверенитету, неизменно происходил только тогда, когда «Северная политика» была для Сеула реальной доктриной, то есть стабильно принимаемыми правилами игры, обеспечивающим полноценный и равноправный диалог. В ситуациях же, когда руководство Сеула отодвигало эти правила игры в сторону, то есть переходило к инструментальному использованию «Северной политики» как уже отработанного средства, неизменным результатом оказывался новый провал, не только разрушавший ранее наработанные достижения, но и переводивший конфронтацию на следующий, качественно новый уровень. Одновременно с этим росла и степень зависимости политики Республики Корея от США, что понятным образом в очередной раз «схлопывало» пространство ее суверенитета.

«Политика мира и процветания СВА» администрации Но Му Хёна (2003-2008 гг.)

В условиях американского давления на КНДР Сеул пытался, насколько это

[207] Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е. Трансформации «Северной политики» Республики Корея в реалиях XXI века // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 3. С. 161.

было возможно, сохранить ранее наработанный запас взаимного доверия с Пхеньяном. Бороться за свой внешнеполитический суверенитет Республики Корея пришлось уже в рамках многостороннего формата. Американская политика давления на КНДР вполне предсказуемо привела к обратным результатам: в январе 2003 года КНДР объявила о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и возобновлении ядерных исследований. При этом Пхеньян продолжал настаивать на продолжении переговоров с США и выдвинул три пункта, которые он готов был обсуждать с Вашингтоном: признание суверенитета КНДР, заключение пакта о ненападении и устранение препятствий, тормозящих экономическое развитие КНДР. С американской стороны последовало заявление о неприемлемости переговоров с Пхеньяном, так как диалог с ним «поощряет его плохое поведение».[208]

В этих условиях в должность президента Республики Корея вступил Но Му Хён, провозгласивший «Политику мира и процветания Северо-Восточной Азии». Она отображала новые реалии – к поиску дипломатического урегулирования корейской проблемы теперь подключились США, КНР, Россия и Япония. В 2003 году начались шестисторонние переговоры, которые неоднократно прерывались, откладывались и периодически находились на грани полного срыва, главным образом из-за конфронтационной позиции Японии. Пхеньян категорически возражал против американского требования прекратить все виды ядерной деятельности, включая мирную программу, и уже в феврале 2005 года КНДР объявила о том, что обладает ядерным оружием.[209] Тем не менее, участники переговоров не отказались от поиска политического решения, и 19 сентября 2005 года было подписано Совместное заявление, в соответствии с которым 1) процесс денуклеаризации Корейского полуострова должен был проходить мирно и транспарентно, 2) КНДР обязалась отказаться от ядерного оружия и прекратить все

[208] Денисов В.И. Корейская ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются // Аналитические записки НКСМИ МГИМО — 26 сентября 2006. [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/216762/az-20.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
[209] См. так же [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/216762/az-20.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

ядерные программы, а также вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия и восстановить свои отношения с МАГАТЭ, 3) США подтвердили отсутствие американского ядерного оружия на Корейском полуострове и заявили о том, что не намерены нападать на КНДР с использованием ядерного или обычных вооружений.[210] Однако после подписания заявления КНДР напомнила о своем праве на мирный атом и потребовала предоставления легководных реакторов (ЛВР), дав понять, что ее возвращение в ДНЯО и инспекции МАГАТЭ возможны только после получения ЛВР. Вашингтон отклонил это требование и ввел санкции против ряда северокорейских компаний, после чего Пхеньян прервал участие в переговорах.

Президент Но Му Хён во многом стал заложником обстоятельств: проблема «двух Корей» окончательно потеряла шансы остаться двусторонней и быть урегулированной корейскими народами. С другой стороны, в такой ситуации были и приобретения для Республики Корея: та стала полноправной участницей стратегического многостороннего диалога, что предполагало выход ее дипломатии на принципиально новый уровень. Администрация Но Му Хёна, конечно, оказалась заложником ухудшения отношений КНДР-США и усиления конкуренции КНР-США, что существенно ограничило ее возможности, но и в этих условиях сумела продемонстрировать весомость Сеула в качестве активного участника многостороннего диалога.[211] Так, Но Му Хён смог политически капитализировать новый международный статус Республики Корея: «Северная политика» стала включать и Россию, а президент Республики Корея сумел установить близкое взаимодействие с Москвой в рамках «группы двадцати», чему способствовала близость позиций по вопросам, обсуждавшихся в рамках данного формата.[212] Таким образом, «Северная политика» - правда, уже под другим, более отвечающим

[210] См. так же [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/216762/az-20.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
[211] Асмолов К.В., Соловьев А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная аналитика. 2021. Vol. 12, No. 2. С. 60-61.
[212] Толорая Г.Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. – М.: Дашков и К. 2019. С. 222.

новой политической конъюнктуре названием, которое вполне можно было «брендировать» как часть реализуемой США политики – сохранилась и расширилась, сохранив в себе изначальные императивы.

«Ресурсная дипломатия» администрации Ли Мён Бака (2008-2013 гг.)

Президент Ли Мён Бак, вступивший в должность в 2008 году, столкнулся с самым напряженным моментом в межкорейских отношениях. С одной стороны, функционирование «шестерки» укрепило убежденность руководства КНДР в том, что ядерное оружие является надежной гарантией ее безопасности, и отказ от ядерного статуса недопустим. Многочисленные затягивания переговоров и откладывание выполнения взятых на себя обязательств со стороны США подталкивали Пхеньян к убеждению, что истинной целью Вашингтона является смена режима в КНДР, а наличие ядерного оружия предполагает, что США не решатся на военную интервенцию. Г. Д. Толорая отмечает, что единственным шансом для улучшения ситуации могло бы быть официальное признание США суверенитета КНДР, и предоставление гарантий безопасности, подтвержденных мировым сообществом.[213]

Однако этого не произошло, и в начале президентства Б. Обамы Пхеньян решил пойти на обострение. В марте 2010 года на западной морской границе затонул южнокорейский корвет «Чхонан». Сеул обвинил в инциденте подводную лодку КНДР, что стало для Ли Мён Бака поводом серьезно ужесточить политический курс в отношении КНДР. Но главной причиной смены курса стал приход к власти в КНДР Ким Чен Ына, вновь породивший у Запада и Сеула ожидания, что режим Северной Кореи не сможет избежать дестабилизации. В результате президент Ли Мён Бак, «опиравшийся на крупный бизнес и проамерикански настроенных консерваторов РК», повторил ошибку Ким Ён Сама и вернулся «к принципу увязывания политики и экономики», заявив, что полноценное межкорейское сотрудничество начнется только после отказа КНДР от

[213] Толорая Г.Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. – М.: Дашков и К. 2019. С. 47-48.

ядерной программы.[214] Это предсказуемо привело к очередному тупику на северокорейском направлении, де-факто ослабившему позиции Республики Корея: Воронцов в этой связи отмечает, что на Ли Мён Баке фактически завершилась стадия примирения, и «маятник решительно двинулся в сторону конфронтации, приведя к разрушению всего обширного потенциала сотрудничества, созданного усилиями администраций президентов Ким Дэ Чжуна - Но Му Хёна.[215]

Невозможность прогресса в межкорейских отношениях вновь породила тренд к максимизации международного влияния РК, которое в этот раз было ориентировано на Россию и постсоветские страны. При том что занятый Ли Мён Баком курс в отношении Пхеньяна в целом не способствовал и диалогу с Россией, декларировавшей цель «вывода КНДР из изоляции, взаимодействию с ней в интересах снижения напряженности в Северо-Восточной Азии и налаживания взаимовыгодного многостороннего сотрудничества, особенно в логистике и энергетике», Республика Корея смогла продвинуться в решении ряда практических вопросов.[216] Так, возникло сотрудничество Республики Корея с Россией в рамках трех «новых Шелковых путей» в части строительства железной дороги, транспортировке газа и в области сельского хозяйства.

Тупик в вопросе урегулирования ядерной проблемы также не стал препятствием для продвижения на остальных направлениях: «Северная политика» администрации Ли Мён Бака расширилась на страны СВА, а затем приняла форму «новой азиатской дипломатии», которая охватывала все азиатские страны, включая Центральную Азию, где в рассматриваемом периоде развивались связи с Россией и региональные интеграционные объединения.[217] Иными словами, провал Ли Мён

---

[214] Захарова Л.В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. – М.: ИДВ РАН. 2014. С. 22-23.

[215] Воронцов А.В. Что будет на Корейском полуострове в ближайшее десятилетие? // Международная жизнь. 2021. № 1. С. 126-127.

[216] Толорая Г.Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. – М.: Дашков и К. 2019. С. 222.

[217] Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3 (48). С. 120-122; Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Евразийская интеграция - 2017: ресурсы и перспективы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. № 17(9). С. 74.

Бака на магистральном направлении стал для него основанием продолжать реализовывать заложенный Но Му Хёном курс развития «Северной политики» вширь.

«Евразийская инициатива» администрации Пак Кын Хе (2013-2017 гг.)

«Северная политика» в очередной раз трансформировалась и получила новое название при президенте Пак Кын Хе, вступившей в должность в 2013 году. Спустя 20 лет после президентства Но Тхэ У континентальная политика вновь была возвращена в центр внешнеполитической доктрины Республики Корея. Пак Кын Хе предложила «Евразийскую инициативу», опирающуюся на три концепта – «единый континент», «творческий континент» и «мирный континент».

Пак Кын Хе изначально увидела перспективу для конструктивного развития «Северной политики» путем ее интеграции с китайским проектом «Пояс и путь» и российским евразийским проектом, немедленно достигнув на этом направлении значимых успехов. Представляя «Экспресс шелкового пути», начинавшегося в Пусане на юго-восточной части Республики Корея и соединяющий КНДР, КНР, Россию, Центральную Азию и Европу комплексной логистической системой, включающей ж/д сообщение, автомобильные дороги, порты и аэропорты, президент Пак Кын Хе позиционировала «Евразийскую инициативу» как новое видение внешней политики РК по континентальному направлению.[218] В Москве серьезно отнеслись к инициативе Пак Кын Хе, и в ноябре 2013 года состоялся официальный визит Путина в РК, по результатам которого Сеул добился одобрения Россией своего участия в освоении Арктики, а также было согласовано продолжение взаимодействия в космических исследованиях. Кроме того, были отменены визы для краткосрочных поездок граждан двух стран и создан российский центр науки и культуры в Сеуле.[219]

Однако такое развитие не устраивало США, воспринимавших оба проекта, и

[218] Ким, С.Б. Дипломатия средней державы Кореи: история, теория и практика. — Сеул: Мёнгин Мунхваса. С. 125-130. (на корейском)
[219] Ким, С.Б. Дипломатия средней державы Кореи: история, теория и практика. — Сеул: Мёнгин Мунхваса. С. 130-135. (на корейском)

«Пояс и Путь», и «Евразийский экономический союз» в качестве потенциально опасных США интеграционных объединений. В итоге после 2015 года под давлением администрации Обамы Пак Кын Хе резко изменила курс и вернулась к жесткому курсу Ли Мён Бака в отношении КНДР, суть которой сводилась к сочетанию давления и санкций с подрывной работой и изоляцией режима не только вовне, но и внутри страны. Враждебность к Пхеньяну достигла беспрецедентного уровня, обсуждались сценарии высадки десанта в КНДР с захватом Пхеньяна, и произошла отработка ударов по северокорейской столице в ходе совместных с США учений весной 2016 г.[220] Г. Д. Толорая отмечает, что эта политика во многом развязала руки Пхеньяну для наращивания без каких-либо ограничений своего военного потенциала, в первую очередь ракетно-ядерного.[221]

«Новая северная политика» администрации Мун Чжэ Ина (2017-2022 гг.)

Приход к власти в Республике Корея Мун Чжэ Ина, по идее, открыл возможность для полноценной ревизии «Северной политики». Шин Бом Сик по этому поводу пишет, что с точки зрения основных целей, «Северная политика» изначально мыслилась как «часть стратегии по созданию автономного пространства в условиях структурных геополитических ограничений», в рамках которых находится Южная Корея: «Корейский полуостров находится на геополитической линии разлома между континентальными и морскими державами, и эта структурная характеристика является онтологическим ограничением дипломатии Южной Кореи и Северной Кореи». И если «в период холодной войны межкорейские отношения были соревнованием и конфронтацией», что обуславливало простоту и очевидность задач, то после ее окончания «масштаб этой геополитической линии разлома был нарушен и расширен», в результате превратившись в новый вызов для корейской дипломатии, теперь «вынужденной

[220] Ким, С.Б. Теория будущей стратегии безопасности: помимо нетрадиционной теории безопасности. — Сеул: Академия социальной критики. 2016. С. 205-210. (на корейском)
[221] Толорая Г.Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. – М.: Дашков и К. 2019. С. 95.

балансировать между борьбой за автономию и угрозой выживания».[222] Ответом на этот вызов Шин Бон Сик видит в расширении многосторонних контактов Республики Корея со всеми игроками «Севера», которые и должны помочь удержать баланс.

Собственно, попыткой найти такой баланс и была политика Мун Чжэ Ина. Вскоре после его прихода к власти на президентских выборах США победил Трамп, что вновь существенно изменило расклады вокруг КНДР — США взяли на себя ответственность за коммуникацию с КНДР, что обеспечило Мун Чжэ Ину относительную свободу рук на иных направлениях. Он не преминул ею воспользоваться, выдвинув инициативу «Северо-Восточная Азия и сообщество ответственности» (СВА и СО) за обеспечение мира и процветания через сотрудничество между странами региона. Инициатива представляла собой очередное когнитивное расширения изначальной метафоры «севера» и предполагала существенное расширение пространства корейской дипломатии на т.н. «Большой Юг», включающий Индию, Австралию и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), и «Большой Север», включающий Россию, Монголию и Центральную Азию. В рамках реализации данной инициативы администрация Мун Чжэ Ина продвигала «Платформу мира и сотрудничества в СВА» в качестве «оси мира», а «Новую южную политику» и «Новую северную политику» в качестве «оси процветания».

В этот период произошло и изменение политики США в отношении КНДР, которые, по оценке Воронцова, «напоминали фразеологизм «из крайности в крайность»: в 2017 году президент Трамп с трибуны ООН грозился ответить «огнем и яростью» и стереть с лица земли КНДР, применив ядерное оружие, на что получал из Пхеньяна аналогичные ответы и даже пытался доказать, что «ядерная кнопка больше», но уже в 2018 году состоялся небывалый дипломатический

[222] Шин, Б.С. Северная политика. Исторический обзор и будущие перспективы. Последствия для новой северной политики правительства Мун Чжэ Ина // Журнал «Дипломатия». 2018. № 125. С. 93-96. (на корейском)

феномен – три личных встречи Ким Чен Ына и Трампа.[223] В ходе них стороны сумели договориться о ряде важных, но далеко не всех необходимых для установления мира вопросах.

Установление Трампом диалога с Пхеньяном открыло перед Мун Чжэ Ином возможность прямого взаимодействия с КНДР.[224] После межкорейского саммита в демилитаризованной зоне стороны подписали совместное заявление о демилитаризации Корейского полуострова, прекращении крупномасштабных артиллерийских учений и военных полетов вблизи от демилитаризованной зоны, создании в приграничных районах Желтого и Японского морей 80-километровую зону, где не будут проводиться военные учения, и начале воссоединения транскорейской железной дороги. Однако прогресс в части решения северокорейской проблемы прекратился со сменой администрации в США.[225]

Северная политика Юн Сок Ёля (2022 – 2024 гг.)

Северная политика президента Юн Сок Ёля, правление которого оказалось краткосрочным и прекратилось в декабре 2024 года с предпринятой им попыткой введения военного положения, после ее провала ему был объявлен импичмент, как минимум была возвращением к конфронтационному курсу Ли Мён Бака и поздней Пак Кын Хе, а как максимум могла привести к дестабилизации Корейского полуострова. Судя по поступающей информации, за введением военного положения Юн Сое Ёлем стояли планы, предполагавшие попытку перевести решение «корейского вопроса» в военную плоскость. Ранее сделанные Юн Сок Ёлем заявления побуждают отнестись к этой информации серьезно: так, еще во время предвыборной кампании он допустил возможность нанесения превентивного

[223] Воронцов А.В. Что будет на Корейском полуострове в ближайшее десятилетие? // Международная жизнь. 2021. № 1. С. 127-128.
[224] Воронцов А.В. Метаморфозы на Корейском полуострове в 2018 г. // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11 (736). С.10-12.
[225] Дьячков И.В. Перспективы американо-северокорейского диалога в новом политическом цикле // Современные проблемы Корейского полуострова: Материалы XXV конференции кореведов России и стран СНГ, Москва, 25–26 марта 2021 года, С. 40.

удара по КНДР, а первой своей речи в качестве избранного президента заявил, что Республика Корея должна быть ключевым актором, а не медиатором, в решении вопроса денуклеаризации Северной Кореи.[226] В другой речи, произнесенной 15 августа 2024 года, в день Освобождения Кореи от японской колонизации, он заявил, что «освобождение полуострова остается незавершенной задачей», а «свобода Южной Кореи «должна быть распространена и на замерзшее королевство Севера, где люди лишены свободы и страдают от нищеты и голода», и провозгласил в качестве цели создание «единой и свободной демократической нации».[227] Иными словами, речь шла о той же политике поглощения КНДР Республикой Корея на своих условиях, с той разницей, что, наряду с экономическим инструментарием, рассматривалась и возможность применения военного.

Ключевой в предотвращении драматичного развития события стала реакция южнокорейских элит и общества, продемонстрировавшая, что этот путь для Республики Корея стал неприемлемым, а метафора «Северной политики» стало реальным и весомым фактором общественного сознания, задающим свои императивы политическим элитам.

С недавним приходом к власти в США Трампа можно полагать, что новое руководство Республики Корея вновь получит больше возможностей для реализации конструктивной «политики Севера», и заложенный Мун Чжэ Ином фундамент окажется востребованным.

§ 3.2. Инициатива «Пояс и путь» Китая и развитие внешней политики Пекина по евразийскому направлению

[226] What to Expect From Yoon Suk-yeol’s Policy on North Korea // The Diplomat — 13 апреля 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://thediplomat.com/2022/04/what-to-expect-from-yoon-suk-yeols-policy-on-north-korea/ (дата обращения: 15.01.2024).

[227] В Южной Корее показали план объединения с «замерзшим королевством Севера» // РБК — 15 августа 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/politics/15/08/2024/66bd9ac29a7947b4d38b5ff0?ysclid=m6kyxm8dt1155095684 (дата обращения: 07.07.2025).

Параграф посвящен анализу евразийского направления внешней политики Китая в период трёх председательств Си Цзиньпина, одного из самых влиятельных политиков в современной истории Китая, который направлял большую стратегию Пекина как на глобальном, так и на региональном уровнях. Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), постоянно инициируемая его руководством, напрямую связана с евразийскими международными отношениями с геополитическими коннотациями в более широком смысле. Она реализуется в контексте «стратегического соперничества» Китая с Соединёнными Штатами и «стратегического сотрудничества» с Россией, которое представляет собой «стратегический треугольник» в политике великих держав в XXI веке. Столкнувшись с неизбежностью сдерживания и давления со стороны Вашингтона, независимо от того, республиканское или демократическое правительство находится у власти, Пекин извлекает более широкие и глубокие выгоды из видения Москвой мирового порядка и региональной интеграции, что подтверждается более тесными контактами между Си Цзиньпином и Путиным.

Происхождение ИПП – китайское видение мирового порядка

С 2013 года, ИПП Китая, также известная как «ОПОП», рассматривается многими наблюдателями по Китаю как новая геополитическая стратегия Пекина, направленная на расширение сферы влияния и разработку новых норм международного экономического сотрудничества и продвижение нового мирового порядка.[228] В то время как китайское правительство и академические круги последовательно поддерживают данную инициативу, США, ЕС и некоторые ближайшие соседи Китая также обдумывают свои собственные планы по расширению участия в региональной безопасности и экономике, что еще больше усиливает впечатление все более интенсивного геополитического соперничества, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе.

[228] Zhang Z. The Belt and Road Initiative: China’s New Geopolitical Strategy? // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. Vol. 4, No. 3. P. 336-341.

Под ИПП подразумеваются ЭПШП и Морской Шелковый путь XXI века (МШП), предложенные президентом Китая Си Цзиньпином в сентябре и октябре 2013 года соответственно. Согласно китайской дипломатической «Белой книге», опубликованной в марте 2015 года, ИПП очень важна, поскольку «совместное строительство ОПОП призвано объединить и связать Азию, Европу, Африку и омывающие их океаны, а также создать и укрепить партнерские отношения между странами, находящимися вдоль ОПОП. Должна быть построена всесторонняя, многослойная, комплексная сеть взаимодействия и реализовано многостороннее, самостоятельное, равноправное устойчивое развитие государств вдоль ОПОП».[229] В китайской дипломатической «Белой книге», ключевая роль отводится развитию пяти приоритетных областей, таких как координация политики, связанность объектов, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и связь между людьми, а также подчеркивается, что «это грандиозное экономическое видение, направленное на открытое сотрудничество между государствами вдоль ИПП».[230]

Каким бы грандиозным это ни казалось, в первую очередь ИПП представлял собой расплывчатую концепцию, демонстрирующую политическую готовность укреплять сотрудничество с соседними странами. Следует иметь в ввиду, что в ней отсутствуют тщательно продуманные цели и подходы к их реализации. Именно поэтому ЭПШП и МШП были впервые предложены отдельно в Казахстане и Индонезии. Что касается представления полного пакета на более широких платформах, таких как саммит ШОС или Восточной Азии, то это не было осуществлено.

В соответствии с традицией Коммунистической партии Китая (КПК) каждое новое руководство выдвигает обновленную международную стратегию или, по

---

[229] Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства "Экономического пояса Шелкового пути" и" Морского Шелкового пути 21-го века" // Жэньминь жибао — 28 марта 2015. (на китайском) [Электронный ресурс]. – URL: http://finance.people.com.cn/n/2015/0328/c1004-26764666.html (дата обращения: 01.04.2024).

[230] См. Так же [Электронный ресурс]. – URL: http://finance.people.com.cn/n/2015/0328/c1004-26764666.html (дата обращения: 01.04.2024).

крайней мере, новые концепции или лозунги, основанные на всесторонней оценке новых внутренних и международных условий, с которыми сталкивается Китай. После того как президент Си Цзиньпин был избран генеральным секретарем на 18-м съезде КПК в ноябре 2012 года, стратегический курс Китая претерпел изменения; руководством был сделан вывод о том, что перед Китаем стоят три основные проблемы: во - первых, избыточные производственные мощности и ослабление темпов быстрого экономического роста на внутренней арене диктуют необходимость расширения международного сотрудничества с более крупными зарубежными рынками. Во-вторых, ослабление мировой экономики и потенциальный регресс глобализации, потребовал нового раунда регионального или субрегионального сотрудничества, такого как Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП). В-третьих, продвижение стратегии «перебалансировки Азии» администрации США Барака Обамы (2009–2017 гг.) привело к стратегическому отчуждению между Китаем и многими его соседями, включая Японию, Филиппины и Вьетнам.

В таком контексте президент Си Цзиньпин предложил ЭПШП и МШП искать новые пути международного экономического сотрудничества и тем самым ослабить напряженность в соседних странах. Предложение президента Си соответствовало китайской стратегии «мирного развития», принятой в предыдущее десятилетие. ИПП была упомянута как совместная инициатива на Центральном заседании по дипломатии соседства, состоявшемся в октябре 2013 года, а затем включена в документ 3-го пленарного заседания 18-го Национального конгресса КПК.[231]

Соответственно, с этого времени ИПП стала основной стратегией международного сотрудничества Китая, способствующей его экономическому развитию. На сегодняшний день Китай подписал соглашения о сотрудничестве

[231] Мышление Си Цзиньпина о дипломатии соседства: построение сообщества общей судьбы с дружелюбием, искренностью, стремлением к взаимной выгоде и инклюзивностью // Жэньминь жибао — 10 октября 2014. (на китайском) [Электронный ресурс] – URL: http://politics.people.com.cn/n/2014/1010/c1001-25805455.html (дата обращения: 01.04.2024).

более чем со 100 странами и международными организациями. Важно отметить, что ИПП стала свидетелем конкретных и устойчивых достижений в строительстве инфраструктуры, продвижении торговли и инвестиций, совместном строительстве промышленных парков и создании ЗСТ, финансовом сотрудничестве и культурном обмене, что положительно способствовало социально-экономическому прогрессу как Китая, так и сотрудничающих стран.

В качестве первой инициативы по развитию страны для глобального экономического сотрудничества ИПП отметила твёрдую приверженность китайского руководства начать новый раунд реформ и открытости для более активного участия в мировой экономике и повышения роли Китая на глобальной политико-экономической арене. Китай подчеркнул, что ИПП не была предназначена для расширения «сферы влияния» Китая или геополитической стратегии, чтобы конкурировать с США или любой другой страной за региональное доминирование.

Во-первых, конечной целью ИПП было содействие общему развитию на принципах взаимодействия, основанного на свободной воле и консультациях на равноправной основе, а не стремлении к власти или контролю посредством государственно-ориентированного подхода.

Во-вторых, ИПП сосредоточилась на конкретных деловых или социальных проектах для укрепления экономических и социальных связей, а не на геостратегических элементах, таких как сотрудничество в сфере политики и безопасности.

В-третьих, ИПП основывалась на открытом и инклюзивном механизме, основанном на принципах «широких консультаций, общего вклада и общих выгод». В рамках ИПП, Китай приветствовал участие всех стран, включая США, и в целом принял общие международные правила и положения, одновременно привлекая средства, технологии и таланты со всего мира.

Таким образом, ИПП стала стратегией международного сотрудничества Китая с потенциальными геополитическими последствиями, поскольку она не стремилась к укреплению эксклюзивного экономического блока и не предусматривала принудительных институциональных изменений в странах-участницах.

Несмотря на то, что международная стратегия Китая по-прежнему была направлена на поддержание благоприятных условий для мирного развития страны, она смогла продемонстрировать некоторые новые черты и тенденции. К 2015 году международная стратегия Китая под руководством президента Си Цзиньпина полностью сформировалась и показала серьезные изменения, произошедшие за последние десятилетия, включая активное содействие миру и стабильности в регионе. Этому способствовало активное инвестирование ресурсов, стремление построить новый тип отношений «большой державы» на более прагматических условиях, подчеркивая при этом соседнюю дипломатию как центральный элемент своей глобальной стратегии и усиливая важность международного вклада и ответственности в обеспечении глобальных общественных благ, а также защищая свои основные интересы с большей решимостью и более жесткими усилиями.[232]

В целом, новая международная стратегия Китая провозгласила большую уверенность и решимость в защите предполагаемых основных интересов Пекина и предприняла более решительные шаги к достижению вековой амбиции «великого возрождения китайской нации», где Пекин должен играть более активную и ответственную роль в поддержании глобального мира и стабильности, а также в укреплении региональной экономической интеграции.[233]

С геополитической точки зрения, перед лицом растущих вызовов миру и нестабильности в АТР, Китай принял активные меры по наращиванию мер

[232] Zhang Z. China's International Strategy and Its Implications for Southeast Asia // Southeast Asian Affairs. 2016. P. 55-56.
[233] Zhang Z. China's International Strategy and Its Implications for Southeast Asia // Southeast Asian Affairs. 2016. P. 60-61.

безопасности и созданию прочного и стабильного регионального порядка безопасности, основанного на «Новой концепции азиатской безопасности». предложенной президентом Си Цзиньпином на саммите по ядерной безопасности в Гааге в марте 2014 года.[234]

Несмотря на то, что китайское правительство не разработало официального плана, оно все же подтвердило свое видение продвижения всеобъемлющей и инклюзивной платформы для повышения коллективной безопасности, основанной на «подходе консультативного сотрудничества», включая усилия по укреплению взаимного доверия и социально-экономической интеграции.[235] Соответственно, китайские эксперты утверждают, что ИПП может помочь улучшить стабильность благодаря разным подходам:

- Смягчение источников насилия в нестабильных государствах: экономический рост благодаря ИПП мог бы искоренить «бедность» – «коренную причину» терроризма и экстремизма. ИПП могла бы предотвратить «так называемые столкновения цивилизаций», которые на самом деле никогда не должны произойти, путем снижения негативных социальных настроений в исламских регионах.[236]

- Регулирование территориальных споров: ИПП могла бы способствовать разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море, отведя лидеров от мышления с нулевой суммой. Доказательством является тот факт, что участие Вьетнама в проектах ИПП способствовало снижению

[234] Си Цзиньпин принял участие в Третьем саммите по ядерной безопасности и выступил с важной речью // Синьхуанет — 25 марта 2014. (на китайском) [Электронный ресурс] – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-03/25/c_119921679.htm (дата обращения: 01.04.2024).

[235] Zhang Z. China's Pursuit of a New Asia-Pacific Security Architecture: Underlying Rationale, Ongoing Actions, and Future Prospects // China Quarterly of International Strategic Studies. 2015. Vol. 1, No. 4. P. 581–582.

[236] Ван И., Чжэн Д. Нетрадиционные вызовы безопасности, стоящие перед инициативой «Один пояс, один путь» // Журнал «Открытый вестник». 2015. № 4 (181). С. 23. (на китайском)

напряженности между Пекином и Ханоем в Южно-Китайском море и привело к укреплению китайско-вьетнамских отношений в целом.[237]

• Повышение взаимного доверия: ИПП могла бы продемонстрировать достоинства Китая, такие как «открытость, надежность и цивилизованность», чтобы убедить другие государства в его мирных намерениях. Кроме того, доверие благодаря «гражданскому и местному участию» в создании экономического коридора Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма могло бы помочь Пекину и Дели преодолеть исторические подозрения.[238]

• Построение эффективного партнерства в области безопасности: Китай мог бы расширить образовательные и технические обмены в рамках ИПП, приводя в качестве примера более тесное сотрудничество с Пакистаном. Возможно, что это способствовало бы расширению сотрудничества в борьбе с наркотиками в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и в Южной Азии.[239]

Конечная цель Китая – стать сильнейшей державой и быть в центре мировой арены, осуществив так называемую «Китайскую мечту», которая не является гегемонистской, она конфуцианская и направлена на построение мирного, и гармоничного порядка, основанного на взаимных консультациях. В этом смысле всем странам мира предлагается работать вместе над созданием «Сообщества с общей судьбой человечества» (СОСЧ). ИПП и другие усилия Китая по укреплению международного сотрудничества приносят пользу не только экономике Китая, но и его глобальному статусу. Таким образом, стратегические круги Пекина обычно

[237] Ван Ц. Инициатива «Один пояс, один путь» и стратегия соседства Китая в новую эпоху // Шаньдунские социальные науки. 2015. № 8. С. 54. (на китайском)
[238] Ван И. «Один пояс, один путь»: возможности и вызовы. — Пекин: Издательство университета Жэньминь. 2015. С. 69. (на китайском)
[239] Ван И., Ю С. Логика инициативы «Один пояс, один путь» // Монитор восприятия отношений США и Китая — 02 ноября 2016. (на китайском) [Электронный ресурс]. – URL: https://zmyx.info/12659/ (дата обращения: 01.04.2024).

рассматривают ИПП как ключ к открытию «окна стратегических возможностей» для мирного развития Китая.[240]

Совершенно очевидно, что ИПП является важной частью международной стратегии Китая по обеспечению благоприятных условий для устойчивого развития, имеющей решающее значение для достижения его великой стратегической цели продолжения мирного развития и превращения в действительно великую державу с международным признанием. ИПП соответствует руководящему принципу международного участия страны на протяжении последних десятилетий, воплощенному в его все более активной пропаганде построения СОСЧ с другими странами на основе открытого и инклюзивного взаимодействия и связей для реализация общего развития.

Важно, чтобы Китай продолжал стремиться согласовывать свои слова с действиями на мировой арене. Все больше людей признают конструктивную роль Китая в глобальном климатическом и экономическом управлении, поскольку он продемонстрировал значительные успехи. Аналогичным образом, международное сообщество будет испытывать еще большее доверие и энтузиазм в отношении ИПП, если Китай продолжит прилагать усилия для достижения мирного развития и обеспечения глобальных общественных благ.

На рабочем заседании Центрального управления иностранных дел КПК, состоявшемся 22 и 23 июня 2018 года, председатель Си Цзиньпин резюмировал и анонсировал «социалистические дипломатические идеи новой эпохи с китайской спецификой» в десяти статьях следующим образом:

Таблица 9.

«Десять точек зрения» и политические последствия дипломатической мысли Си Цзиньпина

Десять точек зрения	Значение

[240] Kim Min Koel // The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World. 2022. Vol. 34. № 4. С. 115.

1. Приверженность защите центральной роли партии как ориентира единого руководства во внешних делах	Фундаментальная гарантия добросовестной дипломатии
2. Приверженность продвижению «дипломатии великих держав с китайской спецификой» с миссией осуществления великого возрождения китайской нации	Историческая миссия новой эры в дипломатических делах
3. Приверженность продвижению «сообщества общего будущего для человечества» с целью защиты мира во всем мире и реализации общего развития	Общая цель дипломатических усилий в новую эпоху
4. Приверженность социализму с китайской спецификой как основе повышения стратегической уверенности	Основные требования, которым должна соответствовать дипломатическая работа в новую эпоху
5. Соблюдение принципа «общих консультаций», «общего строительства» и «общего пользования» в рамках проекта «Один пояс, один путь»	Платформа долгосрочной открытости и сотрудничества Китая
6. Приверженность пути мирного развития на основе взаимного уважения и совместного процветания	Основные принципы китайской дипломатии на долгосрочную перспективу
7. Приверженность развитию глобального партнерства на основе укрепления дипломатических основ Китая	Важное содержание китайской дипломатии в новую эпоху
8. Приверженность системе глобального управления с идеологией честности и справедливости	Важное направление китайской дипломатии в новую эпоху
9. Приверженность защите основных интересов Китая, включая национальный суверенитет, международную безопасность и интересы развития	Отправная точка и цель китайской дипломатии

10. Приверженность созданию уникальной парадигмы китайской дипломатии в направлении соединения высших традиций дипломатии с особенностями времени	Духовный символ китайской дипломатии

Источник: составлено автором на основе: Си Цзиньпин: Стремиться создать новую ситуацию в дипломатии крупных держав с китайской спецификой // Синьхуа — 23 июня 2018. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-06/23/c_1123025806.htm (дата обращения: 11.04.2022).

Развитие ИПП — конкуренция с США и сотрудничество с Россией

Таким образом, глобальная стратегия и дипломатическая идеология Китая стали пользоваться большим сравнительным преимуществом в международном сообществе в период прихода к власти президента США Дональда Трампа (2017-2021 гг.). Поскольку президент Трамп отстаивал политику «Америка прежде всего» и игнорировал нормы «либерального международного порядка», глобальное лидерство США начало терять доверие. Президент Си Цзиньпин в своей программной речи на церемонии открытия Давосского форума 17 январе 2017 года выразил обеспокоенность по поводу проводимой политики «Америка прежде всего» и выступил с критикой «протекционизма», «односторонности» и «гегемонизма» США.

Различные заявления и предпринимаемые меры президента Дональда Трампа скомпрометировали глобальное лидерство США и побудили Китай заявить о своей роли защитника многосторонности и свободного международного торгового порядка. Президент Си Цзиньпин открыто заявил, что Китай будет поддерживать имидж своей страны как ответственной державы в создании СОСЧ на международной арене. Усилия Китая, направленные на расширение открытости и проведение внутренних экономических реформ, а также увеличение инвестиций и других национальных ресурсов в рамках ИПП, демонстрируют искренность и решимость Китая продвигать этот амбициозный проект с целью создания нового

механизма сотрудничества, действительно приносящего пользу всему миру в долгосрочной перспективе.

Необходимо подчеркнуть, что Китай считает Россию важным партнером в стратегическом сотрудничестве, направленном на евразийскую интеграцию. Выступая перед пленарным заседанием ПМЭФ 17 июня 2016 года, Путин сказал:

> «Мы совсем недавно в Астане обсуждали это и предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнёрства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран. И конечно, имею в виду наших партнёров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений».[241]

В дальнейшем российское видение БЕП стало постепенно развиваться. Образование ЕАЭС положило начало процессу евразийской интеграции. Оно четко обозначило основные контуры стратегического и решительного российского поворота на Восток.[242]

Российский поворот на Восток нацелен не только на Китай, но и на всю Азию с особым упором на сотрудничество со странами АСЕАН и ШОС.[243] Ориентируясь на АТР, Россия стремится не только к собственному развитию, но и к совместному развитию с ЕАЭС через сотрудничество со странами региона в целом.[244] Продвижение России в АТР отвечает интересам Китая, поскольку Китай

---

[241] Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России — 17 июня 2016. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 03.10.2023).

[242] Пылин А.Г. ЕАЭС как экономический центр формирования Большого Евразийского партнерства //Портал РСМД – 05 сентября 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-kak-ekonomicheskiy-tsentr-formirovaniya-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/?sphrase_id=162274120 (дата обращения: 07.10.2024).

[243] Ельникова Ю.В. Российский поворот на восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3. С.10-11.

[244] Лукин А. Поворот России к Азии: миф или реальность? // Журнал «Международная жизнь» – 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1468 (дата обращения: 01.04.2024).

рассматривает ЕАЭС и ШОС как многостороннюю платформу для поддержания региональной безопасности и содействия экономическому развитию.[245]

Китай первым откликнулся на идею БЕП. После саммита ШОС в Ташкенте Путин 25 июня 2016 года совершил официальный визит в Китай. Подобные ежегодные встречи лидеров двух стран стали очень важными событиями. На встрече высокопоставленных лиц России и Китая было подписано совместное заявление двух стран, в котором говорилось, что Россия и Китай выступают за создание евразийского всеобъемлющего партнёрства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран – членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН.[246] В этой связи главы государств поручили правительствам двух стран проработать шаги по линии компетентных ведомств и предложить меры по реализации этой инициативы в целях содействия углублению интеграционных процессов в регионе.[247]

Данная совместная российско-китайская декларация заложила в свою основу несколько очень важных принципов. Первым принципом была открытость, прозрачность и учет интересов друг друга как основа БЕП. Вторым - сотрудничество России, Китая, ЕАЭС, ШОС и стран АСЕАН как основных игроков БЕП. Третьим стало углубление региональной интеграции как основная цель БЕП.

8 мая 2015 года КНР и РФ подписали «Совместную декларацию о сотрудничестве в строительстве ЕАЭС и ЭПШП». Подписание этой совместной декларации существенно активизировало практическое сотрудничество между

---

[245] Чжао Х. Поворот России на Восток и российско-китайские отношения. // Портал РСМД – 17 июля 2025. [Электронный ресурс] – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/povorot-rossii-na-vostok-i-rossiysko-kitayskie-otnosheniya/?sphrase_id=223241766 (дата обращения: 04.08.2025).

[246] Петровский В.Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С.38.

[247] Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации // Синьхуанет — 26 июня 2016. (на китайском) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-06/26/c_1119111908.htm (дата обращения: 01.04.2024).

Китаем и странами ЕАЭС. Необходимо отметить, что у КНР есть крупные совместные проекты со странами ЕАЭС — Россией, Беларусью, Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном.[248]

В 2016 году, руководствуясь рекомендациями глав КНР и РФ, эксперты двух стран детально изучили вопрос о всестороннем евразийском партнерстве. В ноябре того же года по итогам встречи премьер-министров России и Китая, было опубликовано совместное заявление, дающее положительную оценку идее всеобъемлющего евразийского партнёрства и поручающее экспертам двух стран подготовить доклад о реализуемости совместного проекта.[249]

4 июля 2017 года министр экономического развития РФ Максим Орешкин и министр торговли КНР Чжун Шань в присутствии лидеров двух стран подписали «Совместную декларацию Минэкономразвития России и Китайской торгово-промышленной палаты о технико-экономическом обосновании Соглашения о евразийском экономическом партнерстве». Обе стороны намерены искать пути дальнейшего расширения двусторонних торговых обменов путем создания более справедливой, прозрачной и благоприятной торговой и инвестиционной среды, а также путем совместного содействия региональному экономическому развитию.[250]

Говоря о механизмах сотрудничества на международном форуме ОПОП в мае 2017 года в Пекине, президент Си Цзиньпин заявил:

---

[248] Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о сотрудничестве в развитии Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики — 09 мая 2015. (на китайском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/20150 5/t20150509_9337149.shtml (дата обращения: 01.04.2024).

[249] Совместное коммюнике 21-й очередной встречи премьер-министров Китая и России // Правительство Китайской Народной Республики — 08 ноября 2016. (на китайском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/08/content_5129968.htm (дата обращения: 01.04.2024).

[250] Китай и Россия подписали совместное заявление о технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве // Портал «Один пояс, один путь» (на китайском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/19014.html (дата обращения: 01.04.2024).

«Это четыре года непрерывного усиления политической координации. Я неоднократно говорил, что строительство «Пояса и пути» предполагает не начало с чистого листа, а работу на основе сопряжения уже существующих стратегий и использования взаимодополняющих преимуществ. Мы осуществили согласование стратегий с такими странами, как Россия (сопряжение с ЕАЭС), члены АСЕАН (Генеральный план по взаимосвязи и взаимному доступу), Казахстан (сопряжение с казахстанской программой «Светлый путь»), Турция (сопряжение с проектом «Центральный коридор»), Монголия (сопряжение с программой «Путь развития»), Вьетнам (сопряжение с проектом «Два коридора, один круг»)»...[251]

Говоря о региональном евразийском партнерстве, необходимо отметить, что уже существуют механизмы сотрудничества, такие как ЕАЭС, ШОС, географически расширенный формат АСЕАН, включающий 10 стран АСЕАН, а также Корею, Китай, Японию и механизм сотрудничества Россия-АСЕАН. Совершенно очевидно, что использование существующих механизмов улучшает процесс установления связи между БЕП и ИПП.

Следует иметь в виду, что КНР и РФ имеют определенные дополнительные возможности для успешного продвижения евразийской интеграции. Во-первых, их экономики существенно дополняют друг друга, в том числе в сферах ресурсов, рынка, технологий, товарной структуры и других. Такая степень взаимодополняемости открывает огромный потенциал для развития взаимовыгодного сотрудничества. Во-вторых, Китаем и Россией выработан эффективный механизм встреч и консультаций. На каждом уровне имеется свой отдельный механизм консультаций, начиная от встреч глав государств и министров и заканчивая членами правительств. В обеих странах также созданы прекрасные

[251] Речь Си Цзиньпина на церемонии открытия Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» — 14 мая 2017. (на китайском) [Электронный ресурс]. – URL: http://2017.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html (дата обращения: 01.04.2024).

условия для мониторинга возникающих проблем и их решения. В-третьих, стратегии развития Китая и России имеют ряд общих точек соприкосновения. Например, стратегия Москвы по развитию российского Дальнего Востока дополняет стратегию Пекина по возрождению северо-востока Китая.

У Китая и России есть необходимые условия для того, чтобы интеграция ИПП и ЕАЭС состоялась в рамках БЕП. Китай остается крупнейшим импортером российской сырой нефти благодаря общности стратегий развития энергетики обеих стран. Россия стремится выйти на энергетический рынок АТР, а Китай добивается значительного прогресса в диверсификации импорта энергоносителей. Международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2» демонстрируют значимость транзитного потенциала Дальнего Востока России в АТР, усиливая влияние России на экономическое развитие региона и создавая необходимые предпосылки для новых идей развития Дальнего Востока России.

Даже после начала украинского кризиса китайский общественно-политический дискурс сохраняет весьма прагматичный тон в отношении взаимодействия с Россией в контексте евразийской интеграции. По сути, Пекин рассматривает продолжение контактов с Москвой как «стратегический актив» для сдерживания всестороннего давления Вашингтона, а не как «стратегическую ответственность» за ущерб своему имиджу и прибылям в глобальной политической и экономической сфере.

§ 3.3. Подход «Осторожное сближение» Японии и развитие внешней политики Токио по евразийскому направлению

Параграф посвящен анализу евразийского направления внешней политики Японии в период двух премьерств Синдзо Абэ, политика весьма яркого и неординарного, проявившего впечатляющую активность на многих направлениях, включая и евразийское. Евразии непосредственно касались две инициативы Абэ –

проект «Дуга свободы и процветания: расширение японских дипломатических горизонтов», изначально озвученный министром иностранных дел его кабинета Таро Асо, и «Мечта об Азии: связь Тихого океана и Евразии», провозглашенная им во время своего второго срока правления. Обе они реализовывались в условиях фактора союзнических отношений Японии с США, и в этом контексте по умолчанию предполагали оформление собственно японских интересов в духе императивов, провозглашаемых США. Так, первая инициатива возникла в период, когда США при президенте Джордже Буше-младшем вторглись в Ирак и Афганистан, заявив о намерении экспорта в эти страны демократии западного типа, и касалась стран Центральной Азии, где на тот момент еще присутствовали американские военные базы. Вторая – в период, когда США заняли однозначно негативную позицию по отношению к евразийским инициативам России, рассматривая последние как прямой вызов США.[252]

Центральным для настоящего исследования является вопрос, была ли задаваемая США идеологическая рамка органичной для Японии, вполне коррелирующей с ее собственными интересами, или все же она выступала как внешний ограничительный фактор, который рассматривался как неизбежное формальное обременение, которое по возможности можно и нужно обходить? Во втором случае задача Абэ, кроме прочего, с очевидностью должна была бы состоять еще и в том, чтобы находить подходящие политические метафоры, позволяющие совместить императивы собственно японской политики с американским внешнеполитическим курсом. Но ставилась ли такая задача вообще? По идее ответ должен быть положительным: обе инициативы Абэ, с которыми он вошел в историю, по масштабам соответствуют амбициям США, но никак не

[252] Cohen A. Russia’s Eurasian Union Could Endanger the Neighborhood and U.S. Interests // The Heritage Foundation. — 14 июня 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.heritage.org/europe/report/russias-eurasian-union-could-endanger-the-neighborhood-and-us-interests (дата обращения: 01.07.2024); McFaul M. Faulty Powers: Who Started the Ukraine Crisis? Moscow’s Choice // Foreign Affairs. Vol. 93, Issue 6. — 17 октября 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/06/Moscows-Choice.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

Японии, которая изначально не имела достаточного ресурса для их практического воплощения, и в силу этого в них по определению должны были быть встроены японские интересы. И если в первый весьма краткий срок Абэ это было относительно легко, «Дуга свободы и процветания» предполагала продвижение привычной для Запада и Японии демократической рамки в условиях безусловной гегемонии США, то во второй срок явно возникли проблемы и расхождения, которые нужно было как-то нивелировать. В пользу последнего предположения говорит изменение публичной риторики Абэ второго срока: относительно четкая и недвусмысленная риторика первого срока сменилась изобилием «абстрактной ценностной фразеологией, дающей простор для самых широких интерпретаций», апеллировавшей одновременно и к «универсальным», и к «азиатским» ценностям.[253]

Этот подход представляется вполне релевантным применительно к незаурядной личности Синдзо Абэ, оставившего весьма существенное внешнеполитическое наследство по всем направлениям японской внешней политики.[254] Он был ярким оратором, который в своей публичной политической риторике самым активным образом апеллировал к ценностям, а в дипломатии неизменно предпочитал личностный стиль. [255] Последнее является явным аргументом в пользу того, что между публично декларируемым дискурсом и продвигаемой в ходе переговоров прагматикой наметилось явное расхождение, и личный контакт и неформальные договоренности служили как минимум средством совмещения этих двух векторов в практической политике.

Первое премьерство Синдзо Абэ и регион Центральной Азии

[253] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 38.
[254] Панов А.Н. Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Ежегодник Япония. 2016. № 45. С. 21-40.
[255] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 39-42; Тимофеев В.В., Шевчук О.М. Личностная дипломатия Абэ Синдзо во внешней политике Японии на примере Северо-Восточной Азии (2012—2020 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 21–24.

Собственно диалог «Япония + Центральная Азия» был запущен в 2004 году еще в премьерство Дзюнъитиро Коидзуми, предшественника Абэ на этом посту, прервав долгий «период небытия» евразийской политики Японии. [256] Он предполагал акцент на двусторонние отношения и продвижение регионального многостороннего сотрудничества.[257] Декларировавшиеся цели были нейтральны: это принципы уважения разнообразия, конкуренции и открытого сотрудничества, содействие политическому диалогу, продвижению бизнеса, культурным и межличностным обменам. Собственно, единственной темой, коррелировавшей с американской повесткой, была роль Центральной Азии для стабильности и развития Афганистана, конференции по стабилизации афганской ситуации и поддержка Японией укрепления потенциала пограничного контроля в Центральной Азии.[258]

Однако, уже в 2005 году ситуация в регионе начала меняться: в ответ на реакцию США на события в Андижане руководство Узбекистана потребовало закрытия у себя американской базы, вскоре аналогичные требования стали поступать и от других государств Центральной Азии, и позиции США в регионе стали слабеть. Вероятно, именно с целью укрепить позиции патрона Абэ решительно облекает активность Японии в новую ценностную упаковку, подчеркивающую единство политического курса Японии и США в части продвижения демократии. Таро Асо, министр иностранных дел в его кабинете, в 2006 году выступает с инициативой «Дуги свободы и процветания», которая касалась стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Основой

---

[256] Того К. Евразийская дипломатия Японии (1997-2001 гг.) // Ниппон — 13 марта 2014. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nippon.com/ja/features/c00205/ (дата обращения: 01.07.2024).

[257] Kuniko A. When Identity Matters: State Identity, Regional Institution-Building, and Japanese Foreign Policy // International Studies Review. 2008. Vol. 10, No. 3. P. 572; Len C. Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2005. Vol. 3, No. 3, P. 138.

[258] 20-летие диалога «Центральная Азия + Япония»: «Центральная Азия» теперь в центре мирового внимания // Министерство иностранных дел Японии — 08 июля 2024. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/p_pd/dpr/pagew_000001_00747.html (дата обращения: 07.10.2024).

объединения провозглашались «принципы свободы и демократии», вполне созвучные провозглашенным администрацией Буша-младшего целям США в Афганистане и Ираке. В рамках нового концепта, охарактеризованного в Японии как «один из величайших примеров стратегической мысли Японии по усилению своего политического влияния», Япония оказывается едва ли не большим вестернизатором, нежели Соединенные Штаты, позиционируя себя в качестве основного проводника западных ценностей. [259] Такой идеологический максимализм, очевидно, базировался на презумпции, что политика США в части продвижения императива демократизации и вестернизации будет последовательной, безальтернативной и результативной, поскольку декларируемый Японией внешнеполитический курс отличался амбициозностью и масштабом. Так, заявление Таро Асо, что «Центральная Азия больше не должна зависеть от положения дел в других странах, или принуждаться к повиновению в результате «Новой большой игры», вполне недвусмысленно читается как ориентированное на сдерживание российского и китайского влияния в Центральной Азии.[260] При этом в качестве гаранта Центральной Азии от внешнего влияния де-факто предполагалась Япония: в том же выступлении Асо подчеркнул, что объем официальной помощи Японии странам региона в целях развития в 2004 году в таких областях, как образование, здравоохранение, поддержание инфраструктуры и развитие людских ресурсов, достиг 280 миллиардов иен (порядка 2,5 миллиарда долларов), а всего на долю Японии пришлось порядка 30% внешней помощи странам Центральной Азии со стороны стран, входящих в Комитет содействия развитию при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Продвигавшаяся Японией прагматика демократизации вполне понятна: главнейшей демократической ценностью и для США периода Буша-младшего, и,

---

[259] Hosoya Y. The Rise and Fall of Japan's Grand Strategy: The “Arc of Freedom and Prosperity” and the Future Asian Order // Asia Pacific Review. 2012. Vol. 18, No. 1. P. 14.

[260] Уяма Т. Японская дипломатия в Центральной Азии: региональная стратегия для проверки. — Саппоро: Книжное издательство Университета Хоккайдо. 2009. С. 47-48. (на японском)

разумеется, для Японии являлась электоральная смена власти. Зависимость власти от электорального процесса, в свою очередь, открывала прямой путь для присутствующих в регионе корпораций для выстраивания своего прямого и непосредственного влияния на власть. Проект «Дуги» был сочтен столь обнадеживающим, что в 2007 году уже лично Абэ попытался ее расширить, предложив присоединиться к ней Индии как «близкой по духу морской демократией», что, отметим, более созвучно целям политики США в отношении Индии, нежели самой Японии.[261] Он провозгласил курс на создание в Азии сетевых стратегических партнерств, которые бы связали воедино Индийский и Тихий океан, создав возможность в «более широкой Азии» для свободного перемещения людей, капиталов, товаров и знаний.[262] По сути, тут речь уже шла об амбиции фактически воспроизвести в условиях Азии модель Евросоюза, что, разумеется, не могло всерьез заинтересовать Индию.

При этом географическое представление «Дуги» заставляет предположить наличие как минимум еще одного, недекларированного функционала: по сути, речь шла о выстраивании идеологически оформленного и по сути контролируемого Западом «санитарного кордона» вокруг России и Китая. Предполагалось, что вокруг последних будет сформировано гомогенное пространство западных «универсальных ценностей», в качестве которых декларировались демократия, свобода, права человека, верховенство закона и рыночная экономика, которое должно было охватить различные регионы евразийского континента, включая ЮВА, Южную Азию, Ближний Восток, Центральную Азию и Восточную Европу.[263]

---

[261] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 42.

[262] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 42.

[263] Выступление министра иностранных дел Асо Таро на семинаре Японского института международных отношений – "Создание «дуги свободы и процветания»: расширение горизонтов японской дипломатии" // Министерство иностранных дел Японии — 30 ноября 2006. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/18/easo_1130.html (дата обращения: 01.07.2024).

Смысловая деконструкция опорных политических метафор, озвученных Асо Таро и Синдзо Абэ в публичных выступлениях, только укрепляет предположения о наличии геополитического замысла «Дуги», где Япония должна была обрести роль идеологического оператора «кордона». Так, в отношении собственно Японии используются такие определения, как обладание универсальными ценностями, последовательный пацифизм и готовность быть надежным и неопасным партнером. В отношении стран АСЕАН миссия Японии декларировалась как содействие пути к миру и счастью через экономическое процветание и демократию, Индии, «самой большой демократии в мире», предлагалось всеобъемлющее стратегическое партнерство, в отношении Афганистана и Ирака провозглашалась готовность содействовать стабильности и восстановлению, в отношении Центральной Азии – содействие самостоятельному развитию через продвижение регионального сотрудничества и диалога «Япония – Центральная Азия», в отношении Южного Кавказа, Восточной Европы и Балкан – поддержка демократизации, экономической либерализации и социальной стабильности, в том числе поддержка ГУАМ, а в отношении ЕС – поддержка универсальных ценностей через всеобъемлющее стратегическое партнерство между Японией и ЕС. Иными словами, везде речь шла, с некоторыми вариациями, о внедрении либо поддержке демократической рамки в качестве главного интегратора пространства «Дуги», что в случае успешной реализации стало бы, наверное, самой крупной политической экспансией Запада в Азии, где Япония отводила себе роль его главного форпоста.

Впрочем, довольно быстро обнаружилось, что политика США в части продвижения демократии и западных ценностей носила вполне операциональный и локальный характер, призванный легитимировать присутствие американских войск в Афганистане и Ираке главным образом в глазах западного сообщества. После того как эта задача была достигнута, США стали постепенно отходить от ценностной риторики. Японии, переоценившей амбиции США в части продвижения универсальных ценностей в Азии, в какой-то момент пришлось в одиночестве продвигать провозглашенные идеологические императивы, на что ее

ресурсов и степени влияния явно не хватало. В результате весьма стройная и впечатлявшая умозрительная картина, которую в японской прессе называли «великой стратегией Японии», на деле превратилось в обременение, сильно затруднявшего практическую политику. Так, журналист Дмитрий Филиппов в этой связи пишет, что Абэ на своем первом сроке столкнулся с противодействием собственного МИДа, поскольку стратегия слишком явно исключала Китай, затрудняя реализацию экономических интересов Японии на этом направлении, а Пекин по определению должен оставаться в поле зрения японской дипломатии.[264] Можно предположить, что против излишней идеологизации международных отношений Японии выступал не только МИД, но и ряд японских корпораций, видя в этом избыточные ограничения. В итоге первое премьерство Абэ оказалось скоротечным и продлилось ровно год, в 2007 году он ушел в отставку, формально по причинам, связанным со здоровьем. Последовавшая за этим череда затяжных правительственных кризисов стала для японских элит подходящим поводом отодвинуть на задний план оказавшуюся непосильной инициативу.

Второй премьерский срок Абэ: личностная дипломатия

Синдзо Абэ вновь стал премьер-министром в 2012 году. На втором своем сроке (с 2012 по 2020) он проводил более умеренный «реалистичный курс, избегая идеологически насыщенной повестки», при этом пытаясь наверстать упущенное.[265] Геополитическая обстановка за минувший период изменилась, существенно укрепил свои позиции Китай, и императивом японской политики становится адаптация Японии к новым реалиям. Задача сдерживания Китая и противостояния ему осталась прежней, и в новой реальности Абэ для ее реализации рассматривает уже в качестве возможных не только идеологические, но и военные средства. Абэ по этому поводу заявлял, что «осуществляет дипломатию с видом на земной шар»:

---

[264] Filippov D. Shinzo Abe: Ideologue or Pragmatist? Japan’s Prime Minister Isn’t Nationalistic So Much As Realistic // The Diplomat. —13 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://thediplomat.com/2017/06/shinzo-abe-ideologue-or-pragmatist/ (дата обращения: 01.07.2024).

[265] См. так же [Электронный ресурс]. – URL: https://thediplomat.com/2017/06/shinzo-abe-ideologue-or-pragmatist/ (дата обращения: 01.07.2024).

закончилась послевоенная эпоха, ушло послевоенное поколение, а значит, наступило время строительства Японии в качестве нормального национального государства, имеющего право вести войну против других стран.[266]

Ранее провозглашенные идеологические императивы, впрочем, никуда не делись. Правда, риторика японского премьера периодически выглядит противоречивой: с одной стороны, он говорит об универсализме «ценности свободы, демократии и верховенства закона» для народов Азии и Африки, о «подходе, ориентированном на будущее», «близких по духу демократиях» и «порядке, основанном на правилах», а с другой – об «азиатских ценностях».[267] Впрочем, это раздвоение риторики носит вполне преднамеренный характер: там, где экономические интересы входили в конфликт с идеологическими установками, вопрос решался в пользу прагматики смягчением, если не отказом от дискурса, заменяясь на заменяясь на созвучный эвфемизм «азиатских ценностей».[268]

Это вполне подтверждается анализом его заявлений: концепт «западных ценностей» функционально нагружен, когда речь идет о стратегии региональной безопасности и стратегических отношениях с государствами Восточной Азии, куда входила и задача сдерживания Китая, а концепт «азиатских ценностей» используется тогда, когда речь идет об экономической прагматике и о строительстве региональных институтов сотрудничества, которые были оформлены концепцией «открытого регионализма» японского МИДа. [269] Последний должен был основываться на принципе «функциональной значимости», то есть на экономической целесообразности. Это расхождение, судя по всему, является не последней причиной активной личностной дипломатии Абэ:

---

[266] Хироси Х. Всё более активная «дипломатия, охватывающая панорамную перспективу карты мира» // Японский форум по международным отношениям. — 15 февраля 2014. (на японском) [Электронный ресурс]. URL: https://www.jfir.or.jp/2014/02/15/7107/ (дата обращения: 01.07.2024).
[267] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 38.
[268] Axelrod R. Conflict of Interest: a Theory of Divergent Goals with Applications to Politics. Markahm: Markham Publishing Company. 1970. pp. 35-40.
[269] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 43.

доверительная непубличная коммуникация становилась как минимум инструментом прояснения, какая из двух точек опоры, прозападный идеологический дискурс или экономическая прагматика, является для него в данный момент главной, и лежит в основе предлагаемых им договоренностей.[270] Надо отметить, что это позволило ему весьма успешно сочетать ценностную дипломатию с дипломатией высоких продаж.

Соединения прагматики и идеологии в публичной риторике не произошло, напротив, роль фактора «личностной дипломатии» только нарастала на протяжении всего второго срока Абэ, что говорит о том, что необходимость в предоставляемой последней «свободе рук» только увеличивалась. Последняя была необходима в силу наметившегося снижения роли США в регионе на фоне конфронтации Японии с Китаем, которая стала нарастать с самого начала его пребывания на посту премьера. Начавшись с ряда территориальных споров и интерпретации исторических вопросов, она резко обострилась с момента объявления председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году инициативы «Пояс и путь». Это породило у японских элит ощущение резко наступившего кризиса, актуализировав все ценностно-идеологические паттерны: по сути, с этого момента внешнеполитическая деятельность Японии стала оцениваться внутри страны в первую очередь по критерию способствования сдерживанию Китая. Разумеется, преимущественно в этой логике стали рассматриваться и евразийское пространство, и отношения Абэ с Путиным, где все демонстрируемые Абэ активные устремления носили в первую очередь инструментальный характер, преследуя цель противодействия Китаю в Евразии.[271]

---

[270] Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 41; Тимофеев В.В., Шевчук О.М. Личностная дипломатия Абэ Синдзо во внешней политике Японии на примере Северо-Восточной Азии (2012—2020 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 32-35.

[271] Insebayeva S. Japan’s Central Asia Policy Revisited: National Identity, Interests, and Foreign Policy Discourses // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47, No. 5. P. 860; Paramonov O., Puzanova O. Tokyo's Diplomacy in Eurasia: Successes and Failures (1997–2017) // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9, No. 2. P. 138.

По сути, Абэ вновь вернулся к концепту «Дуги», только теперь он реализовывался сегментарно. Так, он был намерен «окружить» КНР японской сетью влияния, для чего Япония должна была углубить двусторонние и многосторонние отношения с Центральной Азией, ЮВА и Монголией, затруднив, а в идеале – и заблокировав инициативу «Пояса и Пути». В России, которая находилась по другую сторону «Дуги», Абэ пробовал реализовать «нишевую» стратегию, направленную на использование российско-китайской конкуренции в различных субрегионах Евразии. В рамках этой политики Япония также была намерена участвовать в процессе становления многополярности наряду с США и Индией, с тем чтобы баланс на евразийском континенте не зависел критическим образом от России и КНР. Той же цели сдерживания КНР в России должно было служить и налаживание личного канала связи премьер-министра Абэ с президентом Путиным.[272] В отношении Азии были мобилизованы ключевые наработки предыдущего срока: «дипломатия ценностей» должна была продвигать универсальные ценности, озвученные еще Асо в 2006 году, такие как либерализм, демократия, права человека, верховенство закона и рыночная экономика, превращая «Азию в Запад» путем увязки вопроса помощи развитию незападных развивающихся стран с распространением либерально-демократических ценностей.[273] К примеру, план японской ОПР, опубликованный в 2013-ом году, призывал развивающиеся страны уделять достаточное внимание содействию демократизации, усилиям по внедрению рыночной экономики и гарантированию основных прав и свобод человека как одному из важнейших критериев получения помощи.[274] Тогда же японский МИД объявил и о «Партнерстве для демократического развития», где четко обозначил направление поддержки

[272] Suzuki S. The Rise of the Chinese ‘Other’ In Japan’s Construction of Identity: Is China a Focal Point of Japanese Nationalism? // Pacific Review. 2015. Vol. 28, No. 1. P. 105.
[273] Dadaev T. Japan’s ODA Assistance Scheme and Central Asian Engagement: Determinants, Trends, Expectations // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7, No. 1. P. P. 34.
[274] Белая книга государственной помощи в целях развития (ОПР) 2013 г. — Центральная Азия и Кавказский регион //Министерство иностранных дел Японии — 28 августа 2013. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/region/caucasus/index.html (дата обращения: 01.07.2024).

продвижения демократического развития и защиты прав человека в развивающихся странах путем поддержки создания соответствующих институтов труда.[275] Иными словами, на втором сроке Абэ Япония вновь сделала ставку на становление международного порядка с США во главе.[276]

В этом контексте экономическая прагматика могла реализовываться главным образом «под сенью» идеологических императивов. Так. визит Абэ в центральноазиатский регион в октябре 2015 года, по идее, преследовал преимущественно прагматические цели: он приехал во главе большой делегации, в которую входило более ста представителей крупного японского бизнеса, и посетил пять стран Центральной Азии и Монголию. Визит оказался удачным и привлек огромное внимание как внутри Японии, так и за рубежом, в его результате был создан новый бизнес стоимостью более 3 триллионов иен[9] (порядка 25 миллиардов долларов). В целом поездка была расценена японскими СМИ как долгожданный шаг, запустивший практическую материализацию стратегии Японии в Евразии. Тут весьма показательна «сила дискурса» внутри Японии: существенно, что основанием для такой оценки ключевыми стали не экономические аргументы, а скорее их отсутствие: в центре внимания оказался тот факт, что Абэ включил в список посещаемых стран Кыргызстан и Таджикистан, государства, которые не являются поставщиками сырья. В этом плане не вызывает удивления, что поездка Абэ была воспринята экспертным сообществом в Центральной Азии как политически нагруженная, они увидели в ней не столько экономику, сколько японскую политику по стратегическому сдерживанию – и уравновешиванию – влияния Китая в Евразии.[277]

Для понимания специфики японского политического дискурса и его

---

[275] См. так же [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/region/caucasus/index.html (дата обращения: 01.07.2024).

[276] Dadaev T. Japan's Search for Its Central Asian Policy: Between Idealism and Pragmatism // Asian Survey. 2013. Vol. 53, No. 3, P. 513.

[277] Rakhimov M. Central Asia and Japan: Bilateral and Multilateral Relations // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5, No. 1. P. 80.

императивов вполне характерна статья обозревателя японского издания Newsweek профессора университета Сидзуока из Внутренней Монголии Ян Хайин, которая была опубликована под заглавием «Япония должна стремиться «покинуть Азию» в евразийской дипломатии!».[278] В этой статье автор вполне категорично заявил, что «Азия» является метафорой КНР, а народы Центральной Азии и монголы являются кочевым народом Евразии, и никогда себя «Азией» не признавали. Предназначенная Абэ вполне операциональная рекомендация – ему было предложено использовать визит в Монголию как возможность встроиться в проходившую там в тот момент дискуссию о ширине железнодорожной колеи, сооружавшейся для перевозки угля от шахты Таван Толгой на юге до границы с КНР – превратилась в статье во вполне геополитическую декларацию. Дело в том, что Пекин лоббировал принятие китайского стандарта, в то время как в самой Монголии были опасения, что тогда в случае гипотетического военного конфликта Китай сможет ее использовать для переброски своих войск. Йо требовал от Абэ стать лоббистом евразийских, в данном случае – советских стандартов. И в случае, если монгольские политики предпочтут «китайским деньгам японские», японское руководство тем самым подтвердит для Монголии ценность «бегства из Азии», то есть от КНР. Что существенно, Япония в этом тексте по умолчанию позиционируется как безусловная «не Азия», что по сути является современной интерпретацией тех же концептов японского вестернизатора конца XIX века Фукидзавы Юкити, видевшем Японию как страну Запада в Азии.

В целостном же виде политический курс Абэ был сформулирован им в 2017 году на 23-й Международной конференции «Будущее Азии» в Токио под названием «Мечта об Азии: связь Тихого океана и Евразии».[279] Непосредственным

[278] Ян Х. Сейчас самое время для Японии нацелиться на «Дацу-А» посредством евразийской дипломатии // Ньюсуик — 11 ноября 2015. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.newsweekjapan.jp/stories/world/2015/11/post-4098.php (дата обращения: 01.07.2024).

[279] Выступление премьер-министра Абэ Синзо на 23-й Международной конференции «Будущее Азии» — "Мечта Азии: связь Тихого океана и Евразии" // База данных «Мир и Япония» — 05 июня 2017. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://worldjpn.net/documents/texts/exdpm/20170605.S1J.html (дата обращения: 01.07.2024).

адресатом выступления были страны ВА и ЮВА. Предсказуемо, это было очередная попытка оформить ту же «Дугу»: концепция заключалась в том, чтобы напрямую соединить южную окраину Евразии на материке с Тихим океаном, включая ЮВА, Южную Азию и Океанию, где расположены стратегические партнеры Японии.[280] Абэ сформулировал эту идею как «Соединение Тихого океана и Евразии», при этом упомянув регион ИПП КНР в качестве оси Евразийского континента. Япония, сочетая политический и экономический инструментарий, должна была стать весомым центром интеграции и демократической модернизации новых частей Евразии, в качестве драйвера последней предполагались социально ориентированные проекты, такие как «общество 5.0», которые должны были ознаменовать «переход Азии на новый этап социального развития и процветания». Государства Евразии, главным образом страны Центральной Азии, в этой концепции рассматривались как источник энергоресурсов и как партнеры в части продвижения японской политической повестки.

Попытке сдержать Китай, предварительно создав под политической коммуникацией прагматический фундамент, по сути, были посвящены и многочисленные визиты Абэ в Россию – так, во главе больших делегаций бизнесменов он неоднократно посещал Восточный Экономический Форум во Владивостоке (2016, 2017) и Петербургский экономический форум (2018). Он единственный из «большой семерки» присутствовал на открытии олимпиады в Сочи, не говоря про многочисленные двусторонние встречи с Путиным. Правда, это стратегия, подкрепленная весьма интенсивной «личностной дипломатией», не сработала: Москва охотно соглашалась на взаимовыгодные экономические форматы, но неизменно требовала прояснения ситуации, когда речь заходила о политических вопросах, в списке которых сдерживание Китая было не единственным пунктом японской повестки. Так, весьма интенсивные публичные дискуссии традиционно шли по заключению мирного договора, где для японской

[280] Tamaki T. The Persistence of Reified Asia as Reality in Japanese Foreign Policy Narratives // Pacific Review. 2015. Vol. 28, No. 1. P. 36.

стороны препятствием является принадлежность оспариваемых Японией Курильских островов. Россия проявила добрую волю, заявив о готовности искать взаимоприемлемый компромисс, но указала на препятствие в виде наличия у Японии договора с США о безопасности, предполагавшим возможность для США военного использования любых японских территорий. Иными словами, российским условием де-факто стало требование обретения Японией полноценного суверенитета, то есть пересмотра или выхода последней из договора с США, что для Токио было заведомо невыполнимо. Не более успешными оказались и многочисленные попытки Абэ играть на предполагаемых российско-китайских противоречиях: препятствием тут стал один из базовых принципов российской дипломатии, предполагающий невозможность обсуждения Россией своих двусторонних отношений с третьими странами.

Абэ и японский научно-политический дискурс

Таким образом, на первом сроке Абэ речь еще шла о продвижении Японией стратегии, производящей впечатление целостности. При этом, впрочем, в ее основе были посылки, либо явно непосильные для Токио, как, например, явно нереализуемая уже в силу исторических причин амбиция стать идеологическим лидером для Азии, либо находящиеся за пределами его контроля, но почему-то полагавшиеся константами. Так, Япония явно исходила из того, что однополярный мир будет единственно возможной реальностью, в принципе не рассматривая иные альтернативы в качестве мыслимых. Также она исходила из того, что США будут решительно продвигать демократическую трансформацию Азии, где Япония смогла бы сыграть критическую роль как главный партнер США, и что США с безусловностью возьмут на себя ресурсное и идеологическое обеспечение этого процесса, поскольку о наличии для этого у Японии собственного ресурса говорить не приходилось изначально. Стратегия, таким образом, при ближайшем рассмотрении оказывается тактикой, полностью зависящей от декларативной компоненты американской политики, и по большому счету являющейся ее следствием. Разумеется, она вполне предсказуемо посыпалась в момент, когда

США начали пересматривать приоритеты. Но на втором сроке, когда, казалось бы, должны были быть сделаны выводы, как ни странно, речь зашла ровно о том же – и в условиях уже свершившегося китайского рывка японские элиты не нашли ничего лучше, как попытаться адаптировать под новым брендом ту же стратегию с теми же зависящими от США исходными посылками. Резонно возникает вопрос, почему Япония при этом вообще не пыталась сформировать автономную стратегию, основанную на собственных ресурсах, которая была бы более реалистичной и в силу этого реализуемой, и японская дипломатия упорно ставила перед собой только те задачи, которые вытекали из американского дискурса?

Тут не обойтись без обращения собственно к японскому научно-политическому дискурсу и, что более существенно, к основаниям японского рационализма – то есть к тому, что в рамках японской картины мира полагается имеющим смысл, и что полагается изначально бессмысленным. На самом ли деле можно говорить, что концепт уже упоминавшегося Фукидзавы Юкити о миссии Японии как «Запада в Азии» является единственно мыслимым? Ответы на эти вопросы находятся в исследовании Сергея Чугрова о «синдроме Чио-Чио-Сан» в современной Японии, то есть синдрома заложничества в общественном сознании Японии, где судьба Японии мыслится как продолжение судьбы США.[281] В качестве причины Чугров указывает на традиционный для Японии паттерн вассалитета, который на уровне международной политики в истории Японии реализовывался многократно, и в силу этого должен полагаться привычной когнитивной схемой японского внешнеполитического мышления. Так, вначале он реализовался в отношении «владычицы морей» Испании и Португалии, принесших в Японию идеи христианства, затем в отношении Голландии, внедрившей «западные знания», затем – Великобритании, во время второй мировой – Германии, и ныне – в отношении США, которые заняли место нынешнего «главы семьи». [282]

[281] Чугров С.В. Синдром Чио-Чио-сан: “небезопасность” в АТР с точки зрения общественного мнения Японии // Полис. 2025. № 2. С. 42.
[282] Чугров С.В. Синдром Чио-Чио-сан: “небезопасность” в АТР с точки зрения общественного мнения Японии // Полис. 2025. № 2. С. 48.

Жизнеспособность этого паттерна, разумеется, подкрепляется и прагматикой – США рассматриваются Японией как гарант ее морских коммуникаций и как единственная сила, способная защитить Японию от Китая и КНДР. При этом показательно, что тот факт, что более половины опрошенных (в исследовании Чугрова сочетались количественные и качественные методы) видят угрозу в самих США, побуждает не попытки реконцептуализации стратегии, а напротив, лишь более упорное, вполне в духе этики самурая, следование прежней линии.[283] С учетом этой когнитивной установки политика Абэ обоих сроков оказывается совершенно логичной – понимание японскими элитами изначальной шаткости конструкций и «Дуги» и «Мечты» просто было вторично более существенным базовым этическим установкам японской культуры и, соответственно, японских элит, иное на самом деле не было мыслимым: «путь самурая», которым прошел Абэ, при всей очевидной шаткости избранных точек опоры, был изначально предопределен.[284]

В этом контексте японские концепты, так или иначе рассматривающие евразийское пространство, изначально были обречены быть операциональными: Евразия могла рассматриваться исключительно как средство для достижения иных целей. Логично, что в силу этого и само евразийское пространство в японском дискурсе оказывается географически расплывчатым, меняющим свои границы в соответствии с политической конъюнктурой, иногда оно могло включать в себя Россию и Монголию, но при этом неизменно ориентируясь в первую очередь на Центральную Азию.[285]

В японском политико-экспертном дискурсе мы обнаруживаем те же самые когнитивные установки, которые демонстрировал Абэ. Это либо довольно

---

[283] Чугров С.В. Синдром Чио-Чио-сан: “небезопасность” в АТР с точки зрения общественного мнения Японии // Полис. 2025. № 2. С. 54.

[284] Olson D. The Mind on Paper: Reading, Consciousness and Rationality. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. P. 60.

[285] Dadaev T. “Silk Road” as Foreign Policy Discourse: The Construction of Chinese, Japanese and Korean Engagement Strategies in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9, No. 1. C. 33; Ивкина Н.В., Галоян Н.Г. Подходы Японии к проблеме евразийства // Журнал политических исследований. 2020. № 4 (4). С. 54.

стройные и масштабные идеологические построения, их можно отнести к геополитике, практическая реализация которых, впрочем, проблематична, поскольку они изначально не учитывали ресурсную способность Японии их обеспечить, а значит, предполагали активную роль США, в чью политику Япония предполагала возможным встроиться. Либо это прагматическая тактика, формально очищенная от идеологии, то есть примерно то, что реализовывал на уровне личностной дипломатии Абэ.

В обоих случаях, впрочем, цель была одна – это сдерживание Китая. Геополитический дискурс основан на реализме и исходит из метафоры «Большой игры», только место Британии XIX века в соперничестве с Россией заняли США, а противостояние приняло форму участия энергетических компаний США и Европы в освоении ресурсов региона. На стороне США сегодня активно действуют Германия и Республика Корея, там же нужно присутствовать и Японии.[286] Представители этого направления указывают также, что экономическое значение Центральной Азии невелико, ресурсная база Каспия переоценена, а вот геополитическое присутствие позволяет Японии влиять одновременно и на Россию, и на Китай, и на Иран, при этом будучи важным игроком для США.[287] Кроме того, Япония может играть в регионе роль хаба для трансфера индустриальных технологий, взамен получая лояльность местных правительств амбициям Японии в таких международных структурах, как ООН.[288] При этом собственно регион Центральной Азии мыслится последним автором как «политическая и экономическая пустота», которую Япония могла бы заполнить, что могло быть релевантным разве что в момент непосредственно после распада СССР: строить собственную субъектность государства региона начали

[286] Мацуи К. Казахстан глазами первого посла. — Токио: Издательство Мерукумару. 2007. С. 4. (на японском)
[287] Вазима М. Битва за энергетические ресурсы Каспийского моря. — Токио: Книжный магазин Тойо. 2008. С. 38. (на японском языке)
[288] Танака Т. Почему Япония стремится к Центральной Азии? // Дипломатический форум — 08 ноября 2004. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/12118660 (дата обращения: 01.07.2024).

практически немедленно.[289]

Прагматический дискурс представлен главным образом дипломатами, имеющим опыт работы в центральноазиатском регионе, и чиновниками – так, это бывший посол Японии в Узбекистане Магосаки Укеру, бывший посол в России Кодзи Ватанабэ, и бывший глава института финансов Юитиро Нагатоми. Понятным образом они исходят из экономического прагматизма, которые не должен быть идеологически отягощен, опираться на личные контакты и репутацию – в качестве примера приводится кейс, реализованный Ватанабэ и Нагатоми, где Япония предоставила кредит Узбекистану после того, как у того отозвал кредит МВФ, крупно при этом выиграв.[290] Результатом стали весьма доверительные отношения с президентом Исламом Керимовым, чем Токио, впрочем, в полной мере так и не воспользовался. В этом контексте японский прагматический подход вполне близок к китайскому: Китай вполне осознанно избегает политического оформления своего сотрудничества со странами Центральной Азии, не в последнюю очередь за счет этого подхода получая впечатляющие результаты.[291]

В частности, заслуживает внимания прагматичный подход некоторых японских политиков и экспертов, основанный на геоэкономическом дискурсе в отношении России с начала украинского конфликта. Очевидно, что официальная позиция Токио заключается в участии в антимосковских санкциях на основе геополитических расчетов в соответствии с «коллективным Западом». Однако меньшинство японских политических и академических деятелей играет роль «тайного посредника» для поддержания диалога с российскими коллегами и защиты деловых интересов японских компаний на российском рынке. Наиболее

---

[289] Safranchuk I., Zhornist V., Nesmashnyi A., Chernov D. The Dilemma of Middlepowermanship in Central Asia: Prospects for Hegemony // Russia in Global Affairs. — 10 августа 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/dilemma-of-middlepowermanship/ (дата обращения: 01.07.2024).

[290] Магосаки Т. Укрепление дипломатической мощи начинается с построения отношений сотрудничества с заинтересованными сторонами в Японии — построения отношений с инженерной точки зрения. — 05 августа 1995. (на японском) [Электронный ресурс]. – URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/12118660 (дата обращения: 01.07.2024).

[291] Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Евразийское пространство в китайских официальных и академических дискуссиях // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17 (3). С. 90–93.

ярким примером является Мунэо Судзуки, бывший парламентский заместитель министра иностранных дел и нынешний член Палаты советников Японии, который дважды посетил Россию с начала украинского конфликта. Будучи бывшим советником Абэ и его преемника Ёсихидэ Суги по вопросам отношений с Россией, Мунэо встретился с представителями парламента, МИД и Росрыболовства для обсуждения экономических и гуманитарных аспектов японо-российских отношений.[292] Более того, недавний визит вдовы Абэ в Кремль можно расценивать как «сигнал» о готовности Японии к диалогу с Россией, принимая во внимание изменения в отношениях между Москвой и Вашингтоном после прихода второй администрации Дональда Трампа.[293] Российские нефть и газ являются важными источниками экономической безопасности Японии, а японский капитал и технологии — полезными инвестициями в развитие Дальнего Востока и Арктики России, поэтому у обеих сторон есть достаточно причин продолжать диалог и сохранять отношения. [294] Намерение Токио продолжить участие японских компаний Mitsui и Mitsubishi в проекте освоения газового месторождения «Сахалин-2» на Дальнем Востоке России даже после украинского кризиса свидетельствует о прагматизме евразийской стратегии Японии в целях обеспечения национальной энергетической безопасности.[295]

Таким образом, и в японском публично-политическом дискурсе мы не находим альтернатив тому политическому курсу, который проводил Абэ: по сути это тот же самый «путь самурая», сегодня не предполагающий когнитивных альтернатив, которые могли бы поставить под сомнение базовый паттерн

---

[292] Японский депутат отправился в РФ для встречи с представителями МИД и Росрыболовства, 29.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21472751 (дата обращения: 01.06.2025).

[293] Эксперт объяснил значение визита вдовы экс-премьера Японии в Россию // РИА Новости — 29 мая 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20250529/yaponiya-2019873475.html (дата обращения: 07.07.2025).

[294] Tabata S. Research on Energy Resource Development in the Russian Arctic: New Challenges In: Erich Kasten, Igor Krupnik, Gail Fondahl, eds., A Fractured North: Journeys on Hold. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien. 2024. P. 163-168.

[295] Takata Y. Japan’s Choice for “Eurasian Diplomacy” // The Japan Forum on International Relations. — 15 августа 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jfir.or.jp/en/commentary/4056/ (дата обращения: 01.07.2024).

вассалитета, который на самом деле мыслится в качестве единственно возможного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Конструктивистский поворот» в политической науке и растущее число сложных тематических исследований, особенно азиатского и африканского регионализма, вызвали интерес к процессу институционализации регионального взаимодействия. Регион в контексте политической науки и международных отношений – объект социально сконструированный. Акцент делается на том, как политические акторы воспринимают и интерпретируют идею региона и концепцию «региональности».

Будучи одним из недавних случаев институционализированного регионализма, евразийская интеграция, оказавшаяся в центре внимания после создания ЕАЭС, нуждается в тщательном исследовании, особенно в рамках межрегионального взаимодействия. ЕАЭС является ключевым ответом на этот вызов обеспечения целостности и сплоченности в постсоветских странах. Государства-члены ЕАЭС вошли в 2015 год с разным уровнем экономического развития и приоритетами национального развития. Сегодня широко распространено мнение, что интеграция ЕАЭС дает каждому государству-участнику дополнительные возможности, которые были бы недостижимы без интеграции. Все государства-члены ЕАЭС составили список приоритетов и интересов, которые они стремятся реализовать с помощью интеграционных институтов. При этом ЕАЭС использует три основных институциональных формата построения отношений с зарубежными партнерами — соглашения о ЗСТ, не-преференциальные торговые соглашения, и меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями.

Учитывая трансформацию глобальной политики, которая становится все более очевидной с начала 2000-х годов, проект ЕАЭС нельзя полностью отделить от геополитической динамики вокруг России. Внешнеполитические идеи России, такие как «Большая Европа» и «Большая Евразия», создают разные роли государства в международном порядке и продвигают разные внешнеполитические ориентации. Каждый пространственный проект обещает решить озабоченность

России по поводу ее постсоветских границ и ее стремления к статусу великой державы, либо путем поиска компромисса с Западом – «Большая Европа», либо путем определения российско-центричных пространств – «Большая Евразия».

Таким образом, важно проследить возникновение геополитического воображаемого термина «Большая Евразия», требующего всестороннего стратегического партнерства со странами АТР в основе внешней политической и экономической политики. Многогранные геополитические и экономические особенности ЕАЭС в эпоху глобальной регионализации создали возможности для стран СВА (Корея, Китай, Япония) для развития внешнеполитического дискурса и институтов построения стратегий взаимодействия, характерных для евразийского направления. Корея, Китай и Япония испытали на себе аналогичную неопределенность в своих отношениях с постсоветскими государствами после распада СССР.

В качестве иллюстрации уместно начать с констатации того факта, что «Евразия», являющаяся прямым эквивалентом в корейском, китайском и японском языках в части обозначения географического пространства в международных отношениях, вызывает весьма разные внешнеполитические реакции в каждой из стран СВА. Очевидно, что концепция «Евразии» трех стран СВА не совсем эквивалентна ее фактической географии, и как минимум обусловлена предшествующим и актуальным политическим дискурсом в публично-политическом пространстве каждой страны. Тут важно отметить, что процесс дискурсивного взаимодействия обычно не влечет за собой изобретения нового слова или прямого заимствования и локализации иностранного слова, на деле речь идет о поиске подходящих метафор, которые становятся «точкой интеграции смысла», но всегда при этом имеют свои собственные политические коннотации. Это по определению дает свободу действий отдельным переводчикам, государственным деятелям и интеллектуалам, способным интерпретировать определенную концептуальную структуру и переформулировать ее в местных терминах. Это также предоставляет определенную концептуальную свободу

действий дипломатам и политикам при участии в межгосударственных контактах и общении со своей внутренней аудиторией.

Таблица 10.

Сравнение политических метафор трех стран СВА об «Евразии»

	Евразия как географическое понятие	**Евразия как геополитическое понятие**	**Евразия как геоэкономическое понятие**
Корея	Юг — Север	Локальное соперничество (на Корейском полуострове)	Экспорт высоких технологий — Импорт энергоресурсов
Китай	Восток — Запад	Мировое соперничество (в Азиатско-Тихоокеанском регионе)	Экспорт массовой продукции — Импорт энергоресурсов
Япония	Океан — Континент	Региональное соперничество (в Восточной Азии)	Экспорт высоких технологий — Импорт энергоресурсов

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

Как видно, понятие «Евразия» одновременно и совпадает с тем, что оно означает, и отличается от него в части актуальных дискурсов в трех странах СВА, при том что «Евразия» как объект внешнеполитических доктрин всех стран имеет одно и то же название, и номинально является фиксацией определенного географического пространства. При этом «Евразия» как предмет внешнеполитических доктрин каждой страны различна, каждый концепт имеет свою историю становления, и семантически не совпадает с дискурсом «взаимодействие с Россией». Тем не менее, «Евразия» остается тесно связанной с «российским» дискурсом и зависима от него, ведь Россия является единственной державой, чьи граждане, территория и суверенитет распространяются на данный регион.

Российский евразийский дискурс

Это дает российским политикам и дипломатам определенную свободу действий, «право свободной руки» в части концептуального определения евразийского пространства (например, «Евразия» как интегрированное постсоветское пространство, как платформа прагматического сотрудничества и как

поле геополитической битвы), что воспринимается зарубежными коллегами как наглядная демонстрация того, что значит быть евразийской державой. Тем не менее, это не замещает собственные концептуальные представления Кореи, Китая и Японии о Евразии и его месте в международном и институциональном контекстах, и в лучшем случае интегрируется в них в качестве еще одного элемента. Так, примером такой концептуальной интеграции является интерес стран СВА к международным институтам ЕАЭС: те воспринимаются как платформа для потенциально возможного переговорного процесса между Россией и всеми тремя странами СВА. Таким образом, несмотря на сложную мировую политико-экономическую ситуацию и ее влияние на отношения Россия-СВА (китайско-российское сближение, корейско-российское и японско-российское расхождение), дискурсивное взаимодействие заинтересованных сторон может апеллировать к стратегическому решения в пользу обеспечения региональных интересов в долгосрочной перспективе.

Собственно же российские основания евразийского дискурса представлены в следующей схеме:

Таблица 11.

Три понятия «Евразии» во внешнеполитическом дискурсе России

	Евразия как постсоветское пространство	**Евразийство как идеология**	**Прагматичное (или экономическое) евразийство**
Причины формирования Евразии	Общее прошлое	Культурная, историческая, и геополитическая общность	Возникающие экономические и социально-культурные связи
Восприятие Европы	Не включается (возможно, за исключением посткоммунистических стран)	Не включается (и трактуется как регион, отличный от Евразии или враждебный Евразии)	Включается
Восприятие Азии	Не включается (возможно, за исключением Монголии)	Частично включается (в зависимости от подхода: Китай, Япония, «Великая степь»)	Включается
Восприятие вестернизации и	Ограниченная вероятность того, что СНГ станет	Неприятие модернизации через	Вестернизация (с учетом национальной специфики) как

модернизации Евразии	неотъемлемой частью западного мира (поэтому необходимо специальное название на длительную перспективу)	вестернизацию; поиск «другого пути»	действенная стратегия модернизации; ограниченное внимание к идеологии, фокус на экономические аспекты
Природа понятия	Географическое понятие, определение предмета исследования, определение политического курса, бизнес-целей	Наука или идеология	Комплекс внешнеполитических и экономических концептов без идеологических претензий

Источник: составлено автором на основе: Винокуров Е.Ю., Либман А.М., Евразийская континентальная интеграция // ЕАБР — 18 ноября 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/c3a/eki_preview.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

Подводя промежуточный итог, «Евразия» является продуктом развития внутриполитического дискурса России и ее международных отношений с соседями в СВА, на него повлияла интеграция российского концепта и концептом трех стран СВА, являющихся основными игроками, кому адресован «поворот России на Восток». В своей работе автор отдает приоритет корейскому, китайскому и японскому политическому дискурсам как главному ориентиру для восточноазиатской стратегии России, поскольку они действительно стали новыми важными контрагентами России после окончания холодной войны, и останутся таковыми в ближайшие десятилетия. Основным объектом диссертационного исследования является анализ ключевых евразийских политических метафор политического дискурса «Евразии» в России и в трёх странах СВА за последние три десятилетия. Автор утверждает, что эти дискурсы развивались по коллинеарным направлениям и подверглись последовательной и длительной концептуальной интеграции, позволившей голосу России быть услышанным в политической среде Восточной Азии, а также сформировала альтернативы для политики Кореи, Китая и Японии в части ответа на расширение присутствия России в регионе.

Таблица 12.

Дискурсивное взаимодействие России и трех стран СВА

	«Интеграция стран СНГ»	**«Архитектура многополярного мира»**	**«Поворот России на Восток»**
Корея	Небольшое влияние на процесс	Не заинтересована в инициативе	За прагматичное сотрудничество
Китай	Большое влияние на процесс	Заинтересован в инициативе	За прагматичное сотрудничество
Япония	Небольшое влияние на процесс	Не заинтересована в инициативе	За прагматичное сотрудничество

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

Дискурс «Севера» Республики Корея

Рассмотрение процесса становления понятия «севера» в качестве ключевой внешнеполитической метафоры Республики Корея позволило увидеть механизмы развития драмы двух Корей: возможность равноправного и взаимоприемлемого ее урегулирования на двусторонней основе была упущена. Причиной стало то, что Сеул в построении своей внешнеполитической стратегии исходил из привычных когнитивных схем, сформированных годами холодной войны: распад СССР интерпретировался как односторонняя победа Запада, вследствие чего последующий распад КНДР представлялся неизбежным его следствием, и полагался лишь вопросом времени. В этой парадигме возможна была только игра с нулевой суммой, и «Северная политика» должна была не более чем концептуально оформить последующее поглощение КНДР Республикой Корея. Это оказалось заблуждением, и имело следствием критическую недооценку руководства КНДР и располагаемого им потенциала. Сила экономики не оказалась решающим аргументом, что и привело к первому кризису, вылившемуся в переходе «корейского вопроса» на международный уровень.

Однако, дипломатические поражения 90-х на северокорейском направлении привели к реконцептуализации «Северной политики»: из прикладного инструмента, который должен был легитимировать неизбежное, казалось, поглощение, при администрации Ким Дэ Чжуна та стала эволюционировать в

полноценную доктрину, предопределяющую политику и формирующую ее императивы, и предполагающую возможность полноценного и дружественного диалога. Причиной стало осознание элитами Республики Корея «цены вопроса»: выход проблемы КНДР из зоны ответственности Сеула на международный уровень ставил под вопрос саму возможность перспективного обретения Республикой Корея полноценного внешнеполитического суверенитета, и цементировал ее системную зависимость во всех критических вопросах от Вашингтона.

К сожалению, на этот период пришлось и изменение политики США в регионе: в новой парадигме Джорджа Буша-младшего те начали воспринимать региональные интеграционные процессы как потенциальную угрозу для своего доминирования, и стали проводить более жесткую политику, нацеленную на сохранение межкорейской конфронтации. Однако, это не отменило «Северную политику», которая успела стать для Республики Корея безусловной ценностью, но создало принципиально иные, куда менее благоприятные условия для ее реализации – в рамках которых она в дальнейшем и развивалась.

Драматичное развитие политической метафоры «Северной политики» в XXI веке, представлявшее собой попытки постоянного смыслового расширения пространства суверенной внешней политики Республики Корея, обретавшей, в соответствии с политической конъюнктурой, разные названия, но устойчиво сохранявшей изначальное когнитивное наполнение и задаваемые им императивы, вполне позволяет составить представление о картине мира политических элит Южной Кореи. Так, запрос на реальный суверенитет и право самостоятельно определить судьбу двух Корей на самом деле достаточно высок, и реализация его – в рамках возможного – была частью политики практически всех администраций Республики Корея в этом веке. В этом плане «случайное окно возможностей, возникнувшее в начале 90-х с распадом биполярной системы, усилиями южнокорейских политиков полностью не захлопнулось, а невозможность достижения главной цели, в виде решения «корейского вопроса», обусловило развитие вширь, в ходе которого Республика Корея сумела приобрести на тех

направлениях, на которых чувствовала себя самостоятельным игроком, незаменимый опыт позитивного международного взаимодействия, многосторонней дипломатии и сотрудничества с такими государствами, как Китай, Япония, Россия, Монголия и страны Центральной Азии. При этом и на северокорейском направлении Республика Корея неизменно демонстрировала успехи каждый раз, когда она начинала играть в этой коммуникации самостоятельную роль – в первую очередь речь идет о «Политике солнечного тепла» администрации Ким Дэ Чжуна и «Новой северной политике» администрации Мун Чжэ Ина. Анализируя политику последнего, Хон Ван Сок пишет, что его «новая северная политика» – это «поиск оптимальных национальных координат для мудрого преодоления ряда внешних вызовов, ограничивающих национальные интересы Кореи и диапазон дипломатического маневрирования, путем сосредоточения внимания на структурных изменениях в евразийском порядке». По его мнению, текущая проблема Южной Кореи – в «дилемме корейской дипломатии, зажатой между ее союзом с США и антиамериканской, антигегемонистской стратегической солидарностью Китая и России», и «дипломатическая мудрость для преодоления этого разрыва станет ключом к успеху или провалу новой Северной политики».[296]

Все это лишний раз свидетельствует о том, что три измерения «Северной политики» — политика объединения, политика безопасности и национальная стратегия — существуют как взаимосвязанные части целого, в отношении которого Республика Корея может внести свой конструктивный вклад. Существенно и то, что запрос на конструктивную «Северную политику» стал важным фактором общественного сознания Южной Кореи, чему свидетельство – недавняя отставка сменившего Мун Чжэ Ина президента Юн Сок Ёля, предпринявшего провальную для себя попытку военного переворота, целью которого, как становится известно, была вооруженная провокация против КНДР с угрожающей перспективой новой

[296] Хон, В.С. Многочисленные последствия новой северной политики. Анализ и обзор // Славянские исследования. 2020. № 36 (3), С. 25-26. (на корейском)

корейской войны. Именно общество Южной Кореи стало тем стабилизирующим фактором, который предотвратил столь опасное развитие.

В этом контексте надо признать, что многолетнее продвижение Республики Корея к собственному внешнеполитическому суверенитету в условиях существенных структурных ограничений принесла вполне весомые результаты, удержав на данном этапе ситуацию в СВА от угрозы крайне опасной дестабилизации. Очевидно, что в будущем «Северная политика» Республики Корея и далее будет развиваться как компонент большой национальной стратегии, сосредоточенной на Корейском полуострове как узле, соединяющем мировые континентальные и морские силы.

Таблица 13.

Решения базовых проблем стратегии в отношении ЕАЭС от экспертного кооператива Республики Корея

№	Решения, принесшие результат	№	Решения, не приведшие к результату
1	Урегулирование напряженности на Корейском полуострове путем диалога и переговоров	**1**	Продолжение сотрудничества по разоружению и денуклеаризации КНДР с началом заморозки ядерной программы Пхеньяна (заморожено после СВО)
2	Расширение двустороннего товарооборота между Республикой Корея и Россией (до СВО)	**2**	Сохранение тенденции двустороннего экономического сотрудничества между Республикой Корея и Россией (заморожено после СВО)
3	Привлечение и рост инвестиций Республики Корея в проекты социально-экономического развития российского Дальнего Востока (до СВО) и стран Центральной Азии	**3**	Реализация проектов трехстороннего экономического сотрудничества РК-КНДР-РФ (заморожено после СВО)
4	Поддержание регулярных каналов диалога на высоком уровне между странами в рамках "Диалога Россия - Республика Корея" (до СВО) и "Форума сотрудничества Центральная Азия - Республика Корея"		
5	Расширение гуманитарных обменов за счет безвизового режима между Республикой Корея и странами СНГ (кроме Азербайджана и		

	Туркменистана)		

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

Таблица 14.

Семантические интеграторы в аргументации экспертов кооператива Республики Корея в отношении ЕАЭС

Интеграторы-причины	***Интеграторы - проблемы***	***Интеграторы - решения***	***Контекстные интеграторы***
Республика Корея как геополитическая держава посередине	Разоружение и денуклеаризация КНДР с началом заморозки ядерной программы Пхеньяна	Урегулирование напряженности на Корейском полуострове путем диалога и переговоров	Комплексный подход Республики Корея в международных отношениях
Один народ и два государства на Корейском полуострове	Сохранение тенденции двустороннего экономического сотрудничества между Республикой Корея и Россией	Расширение двустороннего товарооборота между Республикой Корея и Россией	Многогранный характер КНДР как объект соревнования, сотрудничества и сосуществования
Взаимоотношения России с обеими двумя Кореями	Реализация проектов трехстороннего экономического сотрудничества РК-КНДР-РФ	Укрепление инвестиций Республики Корея в проекты социально-экономического развития российского Дальнего Востока и стран Центральной Азии Поддержание регулярных каналов диалога на высоком уровне между Республикой Корея и странами СНГ Расширение гуманитарных обменов за счет безвизового режима между Республикой	Незаменимая роль России в делах Корейского полуострова

		Корея и странами СНГ	

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

«Куст стратегий» Республики Корея в отношении ЕАЭС — от "Активного действия" к "Молчаливому пониманию"

(1) Республика Корея продолжит урегулировывать отношения с Россией, не переходя «красную черту» в отношении украинского кризиса — поставка летального оружия киевскому режиму.
(2) Республика Корея будет отстаивать свои интересы, призывая Россию не смещаться в сторону КНДР в вопросах Корейского полуострова.
(3) Стоит учитывать, что жесткая позиция США в отношении России будет вынуждать Республику Корея максимально усиливать антироссийское давление до разрешения украинского кризиса, но Сеул попытается сохранить контакт с Москвой, используя «Пхеньянский фактор».

Китайский евразийский дискурс

Будучи основным двигателем евразийской политики Си Цзиньпина, имеющей более широкое значение на глобальном уровне, китайская ИПП с момента своего запуска в конце 2013 года добилась многих ощутимых результатов, которые могут оказать долгосрочное влияние на социально-экономическое развитие принимающих стран и геополитическую динамику мира. Ее появление в международном политическом дискурсе меняет основные взгляды и логику традиционной геополитической конкуренции. В то время как западные страны склонны интерпретировать ИПП как часть скрытой геополитической стратегии Китая, направленной на то, чтобы в конечном итоге править миром, Китай и большинство развивающихся стран рассматривают эту инициативу как китайскую стратегию международного сотрудничества, направленную на расширение глобальных связей, коммуникаций и сотрудничества для продвижения более сбалансированной и справедливой мировой системы.

Чтобы поддерживать благоприятную международную среду для дальнейшего развития ИПП, Китаю необходимо лучше объяснять детали этой инициативы, а также ее роль в большой стратегии мирного развития страны. Между тем, Китай должен продолжать стремиться согласовывать свои слова с действиями на мировой арене, чтобы завоевать большее доверие и поддержку международного сообщества в совместной реализации этой инициативы.

Содействие взаимодействию транспортных, энергетических и информационных сетей между Азией и Европой может быть достигнуто путем сопряжения ИПП и ЕАЭС. ИПП фокусируется на пяти связующих элементах – политической координации, инфраструктурном сотрудничестве, бесперебойной торговле, движении свободного капитала и гуманитарном обмене.

Что касается китайско-российского партнерства на двусторонней и многосторонней платформах, следует отметить, что в качестве основных направлений сотрудничества были определены экономическая взаимодополняемость государств-членов, расширение торговли и инвестиций, улучшение торгово-инвестиционного климата, развитие сотрудничества в сфере торговли услугами, эффективное использование существующей инфраструктуры в сфере транспорта и коммуникаций, дальнейшее развитие транзитного потенциала, создание соответствующих условий для постепенной реализации свободного перемещения товаров, капиталов, услуг и технологий.

Таблица 15.

Решения базовых проблем стратегии в отношении ЕАЭС от экспертного кооператива Китайской Народной Республики

№	Решения, принесшие результат	№	Решения, не приведшие к результату
1	Углубление стратегического партнерства с Россией и ЕАЭС под лозунгами многополярности мирового порядка	**1**	Спекуляции о подчинении России и стран СНГ растущему влиянию Китая на постсоветском пространстве
2	Усиление сопряжения крупных евразийских интеграционных проектов, инициированных Китаем и Россией – ИПП и ЕАЭС		

3	Увеличение частоты и глубины двустороннего военно-оперативного/технического сотрудничества между Китаем и Россией		
4	Расширение двустороннего товарооборота между Китаем и Россией (до и после СВО)		
5	Активизация участия китайских компаний в социально-экономических проектах по территории России (до и после СВО) и стран Центральной Азии		

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

Таблица 16.

Семантические интеграторы экспертного сообщества Китайской Народной Республики в отношении ЕАЭС

Интеграторы-причины	***Интеграторы - проблемы***	***Интеграторы - решения***	***Контекстные интеграторы***
Китай как великая держава на глобальном уровне	Спекуляции о подчинении России и стран СНГ растущему влиянию Китая на постсоветском пространстве	Углубление стратегического партнерства с целью демократизации и многополярности мирового порядка	Китайская теория и практика международных отношений нового типа
Сфера основных интересов Китая в АТР и Евразии		Укрепление сопряжения крупных евразийских интеграционных проектов по инициативе Китая и России	Комплексное восприятие Китая в качестве союза, соперника и соседа
Китайско-российская граница — самая длинная в мире		Увеличение частоты и глубины двустороннего военно-оперативного/технического сотрудничества между Китаем и Россией	Возможности и ограничения китайско-российского стратегического партнерства
		Расширение	

		двустороннего товарооборота между Китаем и Россией	
		Активизация участия китайских компаний в социально-экономических проектах на территории стран СНГ	

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

«Куст стратегий» Китайской Народной Республики в отношении ЕАЭС — от "Стратегического сопряжения" к "Безлимитному партнерству"

(1) Китай продолжит развивать отношения с Россией, не называя себя «черным рыцарем» в связи с украинским кризисом — оказание военно-технической помощи стороне Москвы.
(2) Китай будет отстаивать свои интересы, расширяя доступ Пекина на постсоветское пространство, а также согласовывая свою позицию с интересами Москвы в регионе.
(3) Стоит учитывать, что антироссийская политика коллективного Запада даст Китаю мощные рычаги влияния в отношениях с Россией в различных сферах, а Пекин попытается использовать Москву как «стратегический актив» в соперничестве с Вашингтоном.

Японский евразийский дискурс

Евразийское направление политики Абэ обоих сроков его правления было и оставалось инструментальным: Россия, Монголия и страны Центральной Азии рассматривались практически исключительно как средство сдерживания Китая. И если концепция «Дуги свободы и процветания» в этом контексте отличалась амбициозностью, Япония на самом деле видела себя в качестве ключевого регионального оператора проамериканского «демократического пояса», который должен был идеологически изолировать Китай и Россию, то «Мечта об Азии» преследует уже более скромные цели, и нацелена на сдерживание уже исключительно Китая, в том числе за счет личностной дипломатии Абэ на российском направлении.

В этом плане остается только предполагать, какие экономические возможности были по факту упущены Японией, если бы приоритеты японской политики вдруг поменялись, и экономическая прагматика предшествовала бы идеологическим построениям, а не предварялась ими, как это, скажем, вполне успешно реализовал Китай. Однако, такая возможность, как мы видим, была гипотетической, всерьез она японскими элитами попросту не рассматривалась, и не могла быть рассмотрена.

В этом контексте оба срока правления Абэ можно рассматривать как различные фазы развития кризиса картины мира японских элит, когда стратегия вестернизации явно перестает быть результативной, но выработка альтернативы ей представляется невозможной во многом в силу этических паттернов японской культуры. Так или иначе, весь этот период пространство возможностей для Японии неуклонно сужалось, как в силу пересмотра своих приоритетов Соединенными Штатами, так и в силу роста Китая и России в качестве центров регионального притяжения и интеграции. Впрочем, такой результат – неизбежный риск любой стратегии, построенной на зависимости от внешних факторов, по определению находящихся за пределами контроля. А таковых в японском случае оказалось два: во-первых, это США, при президенте Трампе снявшие с себя миссию «экспортера демократии», и Китай, который с момента объявления инициативы «Пояс и путь» по сути вынудил действовал Японию исключительно в парадигме реагирования.

Таблица 17.

Решения базовых проблем стратегии в отношении ЕАЭС от экспертного кооператива Японии

№	Решения, принесшие результат	№	Решения, не приведшие к результату
1	Расширение двустороннего товарооборота между Японией и Россией (до СВО)	**1**	Цель в виде заключения мирного договора между Японией и Россией путем урегулирования территориальных вопросов вокруг Курильских островов (нереальна после СВО)
2	Укрепление инвестиций Японии в проекты социально-экономического развития российского Дальнего	**2**	Сохранение тенденции двустороннего экономического сотрудничества между Японией и Россией (маловероятна после

	Востока (до СВО)		СВО)
3	Сохранение высокого вклада в сфере ОПР странам Центральной Азии	**3**	Сдерживание Китая за счет стратегического сближения с Россией (нереальна после СВО)
4	Поддержание регулярных каналов диалога на высоком уровне между странами в рамках "Восточного экономического форума" (до СВО) и "Форума сотрудничества Центральная Азия - Япония"		
5	Обеспечение национальной энергетической безопасности за счет проектов освоения энергоресурсов на Сахалине		

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

Таблица 18.

Интеграторы аргументации экспертного кооператива Японии в отношении ЕАЭС

Интеграторы-причины	***Интеграторы - проблемы***	***Интеграторы - решения***	***Контекстные интеграторы***
Япония как страна Востока в погоне за Западом	Заключение мирного договора между Японией и Россией путем урегулирования территориальных споров вокруг Курильских островов	Расширение двустороннего товарооборота между Японией и Россией	Наследие модернизаторской реставрации в теории и практике современных международных отношений Японии
Морские сети Японии в Индо-Тихом океане	Сохранение тенденций двустороннего экономического сотрудничества между Японией и Россией	Укрепление инвестиций Японии в проекты социально-экономического развития российского Дальнего Востока	Внешний образ Японии как поборника мира и процветания в международном обществе
Значение России в качестве ресурса развития Японии	Сдерживание Китая за счет стратегического сближения с Россией	Сохранение высокого вклада в сфере ОПР странам СНГ	Намерение Японии иметь безопасные торгово-экономические отношения с Россией
		Поддержание регулярных каналов диалога на высоком	

		уровне между Японией и странами СНГ	
		Обеспечение национальной энергетической безопасности за счет проектов освоения энергоресурсов на Сахалине	

Источник: составлено автором на основе своей диссертационной работы.

«Куст стратегий» Японии в отношении ЕАЭС — от "Острожного сближения" к "Стремительному расхождению"

(1) Япония и дальше будет сокращать отношения с Россией, не нарушая основы «конституции мира» в случае украинского кризиса — поставка летального оружия в третью страну.

(2) Япония будет отстаивать свои интересы, призывая Россию не отказываться от энергетического сотрудничества на Дальнем Востоке.

(3) Стоит учитывать, что подавляющее беспокойство Японии в отношении к Китаю приведет Токио к интеграции с коллективным Западом, к потере контактов с Москвой, также Токио попытается придерживаться стратегии «все включено» в союзе с Вашингтоном и против Пекина.

Выводы

Евразийские политики возникла в качестве реакции на распад СССР, и изначально – для стран Евразии – целью была минимизация негативных последствий, и формирование новых перспективных направлений. Для стран СВА целью было использование вновь открывшихся перспектив для решения собственных задач. По мере институализации интеграционных структур в Евразии в странах СВА стали формироваться соответствующие инициативы и даже доктрины. Процесс вовлечения России и ЕАЭС в региональные реалии СВА принес разные результаты, напрямую зависимые от того, в каких терминах этот процесс осмысливался, и какие задачи в связи с этим ставились. Но важно понимать, что речь идет о живом и постоянно развивающемся процессе, который еще далек от

своего завершения, и может претерпеть весьма существенные трансформации. Настоящий труд фиксирует ту его стадию, которая наблюдается сегодня.

При этом автор решил все поставленные во введении задачи. Так, в частности,

- выявлены базовые когнитивные установки политических элит стран СВА в отношении евразийского региона и проекта ЕАЭС, прослежена логик их влияния на формирование практических политических решений;
- выявлены и проанализированы внешнеполитические концепции и стратегии Республики Корея, Китая и Японии в отношении евразийского региона, прослежена логика их развития и трансформации;
- выявлены ключевые факторы евразийской проблематики в картине мира анализируемых стран СВА, оценено их влияние на процесс принятия практических политических решений;
- выявлена роль ЕАЭС как ядра евразийской экономической интеграции, определены когнитивные установки элит стран ЕАЭС в отношении этого объединения, оценена способность ЕАЭС оказывать геополитическое воздействие;
- сформулированы практические рекомендации по прогнозам дальнейшего развития отношений главных стран ЕАЭС и СВА в контексте процессов евразийской континентальной интеграции.

Автор полагает, что его труд будет способствовать лучшему пониманию процессов, происходящих в странах СВА на евразийском направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Документы государственных органов власти
стран Евразийского экономического союза
(России, Беларуси, Казахстана, Армении, Кыргызстана)

на русском языке:

1. Декларация о евразийской экономической интеграции // Консорциум КОДЕКС — 18 ноября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902321306 (дата обращения: 11.04.2022).
2. Закон Республики Армения от 12 декабря 2014 года №ЗР-184 — О промышленной политике // Сайт парламента Республики Армения — 12 декабря 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5095&lang=rus (дата обращения: 03.07.2023).
3. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года // Сайт Правительства Кыргызской Республики — 5 марта 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.kg/files/news/froala/dd08061311362a4faa610d681b49a92ae4f73a55.pdf (дата обращения: 03.07.2023).
4. Об утверждении Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020 – 2025 годы // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан — 31 декабря 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001050 (дата обращения: 03.07.2023).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. №

328 — Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" // Сайт Правительства Российской Федерации — 15 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://government.ru/docs/all/91634/ (дата обращения: 03.07.2023).

6. Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2021 г. N 1933 "О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ — 12 ноября 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/403071720/ (дата обращения: 03.07.2023).
7. Постановление Совета министров Республики Беларусь 5 июля 2012 г. № 622 — Об утверждении Программы развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года // Сайт Правительства Республики Беларусь — 12 июня 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21200622 (дата обращения: 03.07.2023).
8. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов — 26 сентября 2025. // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 06.10.2025).
9. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы // Сайта Министерства экономики Республики Беларусь — 29 июля 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/Programma-2025-nov-red.pdf (дата обращения: 03.07.2023).
10. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 6 — О начале

переговоров с Республикой Индонезией о заключении соглашения о свободной торговле — 27 мая 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/895/Indoneziya.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

11. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 14 — О начале переговоров с Республикой Индией заключении соглашения о зоне свободной торговли — 26 декабря 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/c2c/owmldg4jajschbirbemkwhsx7c2u9s34/scd_11042017_14_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

Документы государственных органов власти
стран Северо-Восточной Азии (Кореи, Китая, Японии)

на корейском языке:

12. Декларация о развитии межкорейских отношений и мирного процветания (남북 관계 발전과 평화를 위한 선언) // Национальный архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 04 октября 2007. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=010543&pageFlag=&sitePage= (дата обращения: 12.02.2024).
13. Пханмунджомская декларация о мире, процветании и объединении Корейского полуострова (한반도의 평화와 번영, 통일을 위한 판문점 선언) // Национальный архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 27 апреля 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.korea.kr/special/policyCurationView.do?newsId=148866084#L2 (дата обращения: 04.03.2024).
14. Пхеньянская совместная декларация (평양 공동선언) // Национальный архив

Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 19 сентября 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.korea.kr/special/policyCurationView.do?newsId=148866084#L2 (дата обращения: 04.03.2024).

15. Совместная декларация о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной (한반도의 비핵화에 관한 공동선언) // Национальный архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 14 января 1992. [Электронный ресурс]. – URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?bsid=200300832469&dsid=000000000018&gubun=search (дата обращения: 22.01.2024).
16. Совместное заявление Юга и Севера (남북 공동선언) // Национальный архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 05 июля 2000. [Электронный ресурс]. – URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?archiveId=0004664678&archiveEventId=0051146660&isEbook=Y (дата обращения: 05.02.2024).
17. Соглашение о примирении, ненападении, обмене и сотрудничестве между Южной и Северной Кореей (남북 사이의 화해와 불가침 및 교류·협력에 관한 합의서) // Национальный архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 16 декабря 1991. [Электронный ресурс]. – URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0052223859 (дата обращения: 22.01.2024).

на китайском языке:

18. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства "Экономического пояса Шелкового пути" и" Морского Шелкового пути 21-го века"

(推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动) // Жэньминь жибао (人民网) — 28 марта 2015. [Электронный ресурс]. – URL: http://finance.people.com.cn/n/2015/0328/c1004-26764666.html (дата обращения: 01.04.2024).

Документы международных организаций

на русском языке:

19. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // Официальный сайт ОДКБ – 26 апреля 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 18.04.2022).
20. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года (с изменениями от 25 января 2006 г. и 6 октября 2007 г.) // Официальный сайт ЕврАзЭС [Электронный ресурс]. – URL: https://www.evrazes.com/docs/view/3 (дата обращения: 18.04.2022).
21. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 17 — О начале переговоров с Арабской Республикой Египет о заключении соглашения о зоне свободной торговли // Правовой портал ЕАЭС — 26 декабря 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/bc8/j8frg2jn5cimfebrqesn3cptz19znt4w/scd_11042017_17_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
22. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 18 — Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2017 год // Правовой портал ЕАЭС — 26 декабря

2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/021/82hmx81kccs1kwzxhjevvx1jekwf522f/scd_11042017_18_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

23. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 29 — О начале переговоров с Государством Израиль о заключении соглашения о зоне свободной торговли — 16 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/91d/opbbynmujeg83xi2ydtx1t1dui07qhgd/scd_19102015_29_doc.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
24. Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 года // Архив старшего официального сайта ЕЭК [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Dogovor_20011995.aspx (дата обращения: 18.04.2022).
25. Соглашение о формировании Единого экономического пространства // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/supplement/1715 (дата обращения: 18.04.2022).
26. Устав Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (с изменениями, утвержденными
27. Решением СМИД ГУАМ от 26 сентября 2019 г. // Официальный сайт ОДЭР-ГУАМ [Электронный ресурс]. – URL: https://guam-organization.org/ustav-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam/ (дата обращения: 18.04.2022).

на английском языке:

28. Agreement between Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and China on Confidence Building in the Military Field in the Border Area // UN Peacemaker – 26 April 1996 [Электронный ресурс]. – URL: https://peacemaker.un.org/en/node/9399 (дата обращения: 18.04.2022).
29. Agreement on Economic and Trade Cooperation between the Eurasian Economic

Union and Its Member States, of the One Part, and the People's Republic of China, of the Other Part // EEC – 17 мая 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/5b9/Tekst-angiyskiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

30. Economic Partnership Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the United Arab Emirates, of the Other Part // EEC – 27 июня 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/55b/ql3zzje0crbhq1dftfp6kls8w5rv7pnp/EAEU_UAE-EPA-for-website.pdf (дата обращения: 07.07.2025).
31. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Islamic Republic of Iran, of the Other Part // EEC – 25 декабря 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/77b/FTA-EAEU_Iran.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
32. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Serbia, of the Other Part // EEC – 25 октября 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/56c/Agreement.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
33. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Singapore, of the Other Part // EEC – 01 октября 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/766/EAEU_Singapore-Framework-Agreement.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
34. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Socialist Republic of Vietnam, of the Other Part // EEC – 29 мая 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/272/EAEU_VN_FTA.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

35. Interim Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, And Mongolia, of the Other Part // EEC – 27 июня 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/e24/kx6qsabt5s31z84i58jet4ywfnrgcesz/Interim-Trade-Agreement-EAEU_Mongolia.pdf (дата обращения: 07.07.2025).

Выступления, официальные заявления, комментарии и интервью официальных лиц

на русском языке:

36. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе «Правительственного часа» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 25 января 2017 года // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации — 25 января 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1541060/ (дата обращения: 10.07.2023).
37. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф.Могерини, Москва, 24 апреля 2017 года // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации — 24 апреля 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1545972/ (дата обращения: 03.10.2023).
38. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, 2 апреля 2004 года //

Nomad.su — 05 апреля 2004. [Электронный ресурс]. – URL: https://nomad.su/?a=3-200404050029 (дата обращения: 18.04.2022).

39. Оригинальный текст выступления Н.А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете // E-history.kz — 28 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://e-history.kz/ru/news/show/28540 (дата обращения: 11.04.2022).

на корейском языке:

40. Президент Ким Дэ Чжун: «Декларация о межкорейском примирении и сотрудничестве во имя мира и объединения Корейского полуострова». (김대중 대통령: "한반도 평화와 통일을 위한 남북 화해 협력 선언") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 09 марта 2000. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=007167&pageFlag=&sitePage= (дата обращения: 05.02.2024).
41. Президент Ким Дэ Чжун: «Инитиацива «Железный шелковый путь»». (김대중 대통령: "'철의 실크로드' 구상") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 23 сентября 2002. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activePresident=%EA%B9%80%EB%8C%80%EC%A4%91 (дата обращения: 05.02.2024).
42. Президент Ким Ён Сам: «Предложение о четырехсторонних переговорах о мире на Корейском полуострове». (김영삼 대통령: "한반도 평화를 위한 4자회담 제의") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 16 апреля 1996. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activeP

resident=%EA%B9%80%EC%98%81%EC%82%BC (дата обращения: 29.01.2024).

43. Президент Ким Ён Сам: «Трехэтапный план объединения для построения корейского сообщества». (김영삼 대통령: "한민족공동체 건설을 위한 3 단계 통일방안") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 15 август 1994. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=003342&sitePage=1-2-1 (дата обращения: 29.01.2024).
44. Президент Ли Мён Бак: «Выступление в СПБГУ». (이명박 대통령: "상트페테르부르크 대학 연설") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 30 ноября 2008. [Электронный ресурс]. – URL: https://pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activePresident=%EC%9D%B4%EB%AA%85%EB%B0%95 (дата обращения: 19.02.2024).
45. Президент Ли Мён Бак: «Выступление за обедом в рамках бизнес-диалога генеральных директоров во время визита в Индонезию». (이명박 대통령: "인도네시아 방문 계기 CEO 비즈니스 오찬 연설") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 07 марта 2009. [Электронный ресурс]. – URL: https://pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activePresident=%EC%9D%B4%EB%AA%85%EB%B0%95 (дата обращения: 19.02.2024).
46. Президент Мун Чжэ Ин: «Выступление по приглашению Фонда Кёрбера во время визита в Германию». (문재인 대통령: "'독일 방문 계기 쾨르버 재단 연설') // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 06 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activePresident=%EB%AC%B8%EC%9E%AC%EC%9D%B8 (дата обращения:

04.03.2024).

47. Президент Но Му Хён: «Инаугурационная речь 16-го президента, на пути к эре мира, процветания и скачка». (노무현 대통령: 취임사 - "'평화와 번영과 도약의 시대로") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 25 февраля 2003. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activePresident=%EB%85%B8%EB%AC%B4%ED%98%84 (дата обращения: 12.02.2024).
48. Президент Но Тэ У: «Специальная декларация для национального сообщества, в котором две Кореи процветают вместе, национальное самоуважение, объединение и процветание» (노태우 대통령: "민족 자존과 통일 번영을 위한 대통령 특별선언") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 07 июня 1988. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=002874&sitePage= (дата обращения: 22.01.2024).
49. Президент Пак Кын Хе: «Вступительная речь на церемонии открытия конференции «Международное сотрудничество в эпоху Евразии»». (박근혜 대통령: "'유라시아 시대의 국제협력 컨퍼런스' 개회식 기조연설") // News 1 — 18 октября 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.news1.kr/politics/president/1366707 (дата обращения: 26.02.2024).
50. Президент Пак Кын Хе: «Выступление на совместном заседании Сената и Палаты представителей США». (박근혜 대통령: "미국 상하원 합동회의 연설") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 07 мая 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activePresident=%EB%B0%95%EA%B7%BC%ED%98%9C (дата обращения:

26.02.2024).

51. Президент Пак Кын Хе: «Инаугурационная речь 18-го президента. Мы откроем новую эру надежды». (박근혜 대통령: 취임사- "희망의 새 시대를 열겠습니다") // Президентский архив Министерства государственного управления и безопасности Республики Корея — 24 февраля 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pa.go.kr/online_contents/archive/president_speechIndex.jsp?activePresident=%EB%B0%95%EA%B7%BC%ED%98%9C (дата обращения: 26.02.2024).

на китайском языке:

52. Речь Си Цзиньпина на церемонии открытия Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» (习近平在"一带一路"国际合作高峰论坛开幕式上的演讲 // "一带一路"国际合作高峰论坛官方网站) — 14 мая 2017. [Электронный ресурс]. – URL: http://2017.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html (дата обращения: 01.04.2024).

на японском языке:

53. Выступление министра иностранных дел Асо Таро на семинаре Японского института международных отношений – "Создание «дуги свободы и процветания»: расширение горизонтов японской дипломатии" // Министерство иностранных дел Японии (外務大臣 麻生太郎 日本国際問題研究所セミナー講演 –「自由と繁栄の弧」をつくる: 拡がる日本外交の地平 // 日本外務省) — 30 ноября 2006. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/18/easo_1130.html (дата

обращения: 01.07.2024).

54. Выступление премьер-министра Абэ Синзо на 23-й Международной конференции «Будущее Азии» — "Мечта Азии: связь Тихого океана и Евразии" // База данных «Мир и Япония» (第２３回国際交流会議「アジアの未来」晩餐会　安倍内閣総理大臣スピーチ — "アジアの夢：太平洋とユーラシアをつなぐ" // データベース『世界と日本』) — 05 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://worldjpn.net/documents/texts/exdpm/20170605.S1J.html (дата обращения: 01.07.2024).

Справочно-статистические источники

на русском языке:

55. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России — 19 сентября 2013. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19243 (дата обращения: 03.10.2023).
56. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Официальный сайт Президента России – 08 июня 2018. [Электронный ресурс]. – http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699 (дата обращения: 17.07.2023).
57. Международный форум «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Президента России — 14 мая 2017. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54491 (дата обращения: 03.10.2023).
58. Меморандумы о сотрудничестве или взаимодействии (третьи страны, региональные интеграционные объединения и международные организации) // Официальный сайт ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodno

e-sotrudnichestvo/memorandumy.php (дата обращения: 10.07.2023).

59. Направления сотрудничества // Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – URL: https://e-cis.info/cooperation/ (дата обращения: 18.04.2022).
60. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России — 17 июня 2016. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 03.10.2023).

на китайском языке:

61. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации // Синьхуанет (中华人民共和国和俄罗斯联邦联合声明 // 新华网) — 26 июня 2016. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-06/26/c_1119111908.htm (дата обращения: 01.04.2024).
62. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о сотрудничестве в развитии Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики (中华人民共和国与俄罗斯联邦关于丝绸之路经济带建设和欧亚经济联盟建设对接合作的联合声明 // 中华人民共和国外交部) — 09 мая 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/201505/t20150509_9337149.shtml (дата обращения: 01.04.2024).
63. Совместное коммюнике 21-й очередной встречи премьер-министров Китая и России // Правительство Китайской Народной Республики (中俄总理第二十一次定期会晤联合公报 // 中华人民共和国政府) — 08 ноября 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/08/content_5129968.htm (дата обращения: 01.04.2024).

на японском языке:

64. 20-летие диалога «Центральная Азия + Япония»: «Центральная Азия» теперь в центре мирового внимания // Министерство иностранных дел Японии (「中央アジア＋日本」対話20周年 — 今世界が注目する“中央アジア” // 日本外務省) — 08 июля 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/p_pd/dpr/pagew_000001_00747.html (дата обращения: 07.10.2024).
65. Белая книга государственной помощи в целях развития (ОПР) 2013 г. — Центральная Азия и Кавказский регион //Министерство иностранных дел Японии (2013年版政府開発援助（ODA）白書 — 中央アジア・コーカサス地域 // 日本外務省) — 28 августа 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/region/caucasus/index.html (дата обращения: 01.07.2024).

Литература

Книги, монографии, главы из них

на русском языке:

66. Арутюнова Н.Д., Журинская М.А. Теория метафоры: Сборник: Перевод с английского, французского, немецкого, испанского, польского языков. – М.: Прогресс. 1990. – 512 с. Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского; — Москва: Магистр. 2025. — 416 с.
67. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. — М.: ЯСК. 2018. 480 с.

68. Воскресенский А.Д. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского — М.: Магистр. 2014. — 560 с.
69. Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН. 2018. — 612 с.
70. Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН. 2018. — 694 с.
71. Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 1 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН. 2019. — 636 с.
72. Герасимов В.И. Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / Под ред. В.И. Герасимова; — Москва: ИНИОН РАН. 2019. — 1040 с.
73. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: учеб. пособие для вузов / Под ред. А.А. Дегтярева – М.: Кн. дом "Университет". 2004. – 414 с.
74. Захарова Л.В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. – М.: ИДВ РАН. 2014. – 249 с.
75. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания основных политических понятий. – М.: РОССПЭН. 1997. – 432 с.
76. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. – М.: МГИМО. 2008. – 382 с.
77. Карпов В. А. Язык как система. – Минск: Вышэйшая школа. 1992. 304 с.
78. Кефели И.Ф., Кузнецов, Д.И. Евразийский вектор глобальной геополитики. — М.: Юрайт. 2018. — 274 с.
79. Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии. – М.: МГИМО. 2021. – 320 с.
80. Коктыш К.Е. Теория метафоры и политические институты. – М.: МГИМО.

2019. – 225 с.

81. Малинова О.Ю. Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сб. науч. тр. РАН ИНИОН. Ред. и сост. Выпуска / Под ред. О.Ю. Малиновой – М., 2003. – 199 с.
82. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. – 147 с.
83. Сергеев, В.М., Алексеенкова, Е.С. Теория и практика политической коммуникации – М.: Проспект. 2010. – 125 с.
84. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Коктыш К.Е. Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках: монография. – М.: Проспект. 2010. – 192 с.
85. Сергеев В.М., Коктыш К.Е. Конфликты элит в трехсотлетней истории российской модернизации. // Полис. 2023. № 1. С. 173–182.
86. Скребцова Т.Г., Когнитивная лингвистика: Курс лекций. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2011. — 256 с.
87. Стрежнева М.В. Транснациональные политические пространства: явление и практика / Под ред. М.В. Стрежневой — М.: Весь Мир. 2011. — 376 с.
88. Толорая Г.Д. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. – М.: Дашков и К. 2019. – 425 с.
89. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории — М.: ОЛМА Медиа Групп. — 544 с.
90. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс. 2018. — 224 с.
91. Чанышев А.А. История политических учений – М.: ПРОСПЕКТ. 2007. – 592 с.

на английском языке:

92. Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity Press. 2014.

P. 157.

93. Axelrod R. Conflict of Interest: a Theory of Divergent Goals with Applications to Politics. Markahm: Markham Publishing Company. 1970. P. 216.
94. Axelrod R. Passion for Cooperation: Adventures of a Wide-Ranging Scientist, Michigan: University of Michigan Press. 2023. P. 154.
95. Axelrod R. Structure of Decision: The Cognitive Map of Political Elites, Princeton: Princeton: Princeton University Press. 1976. P. 404.
96. Axelrod R. The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration, Princeton: Princeton University Press. 1997. P. 248.
97. Axelrod R., Cohen M. Harnessing Complexity. New York: Basic Books. 2001. P. 207.
98. Beerkens H. Global Opportunities and Institutional Embeddedness: Higher Education Consortia in Europe and Southeast Asia. Enschede: University of Twente. 2014. P. 354.
99. Bonham G., Sergeev V., Parshin P. The Limited Test–Ban Agreement: Emergence of New Knowledge Structures in International Negotiation // International Studies Quarterly. 1997. Vol. 4, No. 2. P. 215 – 240.
100. Bonham G., Shapiro M. Explanation of the Unexpected: Computer Simulation of a Foreign Policy Advisor. In: Robert Axelrod (eds). The Structure of Decision. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1976. P. 113-141.
101. Bonham G., Shapiro M. Thought and Action in Foreign Policy. Princeton, Basel: Birkhäuser. 1977. P. 364.
102. Christiansen T. European and Regional Integration. In: John Baylis and Steve Smith (eds). The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations. Oxford: Oxford University Press. 2001. P. 494-518.
103. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 220.
104. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books. 2002. P. 464.

105. Fawcett L. Regionalism from a Historical Perspective. In: Mary Farrell, Björn Hettne, Luk van Langenhove (eds). Global Politics of Regionalism. Theory and Practice. London: Pluto Press. 2005. P. 21-37

106. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press. 1992. P. 418.

107. Granovetter M. The Sociological and Economic Approach to Labor Markets: A Social Structural View. In: George Farkas, Paula England. Industries, Firms and Job: Sociological and Economic Approaches. New York: Plenum Press. 1988. P. 187-216.

108. Hirschman A. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press. 1970. P. 162.

109. Kobrinskaya I. The Post-Soviet Space: From the USSR to the Commonwealth of Independent States and Beyond. In: Malfliet K., Verpoest L., Vinokurov E. (eds) The CIS, the EU and Russia. Studies in Central and Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan. 2007. P. 13–21.

110. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: The University of Chicago Press. 1987. P. 632.

111. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press. 2003. P. 256.

112. Langenhove L. Building Regions: The Regionalization of the World Order. London: Routledge. 2011. P. 198.

113. Olson D. Cognitive Development: The Child's Acquisition of Diagonality. New York: Academic Press. 1970. P. 220.

114. Olson D. Making Sense: What It Means to Understand. Cambridge: Cambridge University Press. 2022. P. 196.

115. Olson D. Psychological Theory and Educational Reform: How Schools Remake Mind and Society. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. P. 343.

116. Olson D. The Mind on Paper: Reading, Consciousness and Rationality. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. P. 270.

117. Olson D. The World on Paper: The Conceptual and Cognitive Implications of Writing and Reading. Cambridge: Cambridge University Press. 1994. P. 318.

118. Söderbaum F. Rethinking Regionalism. London: Palgrave Macmillan. 2016. P. 252.

119. Tabata S. Research on Energy Resource Development in the Russian Arctic: New Challenges In: Erich Kasten, Igor Krupnik, Gail Fondahl, eds., A Fractured North: Journeys on Hold. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien. 2024. P. 163-168.

120. Vinokurov E., Libman A. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2012. P. 288.

121. Vinokurov E., Libman A. Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2012. P. 273.

на корейском языке:

122. Ким, Д. Дипломатия слабой державы. — Сеул: Поисковая группа. (김덕. 약소국 외교론. — 서울: 탐구당), 1992. 293 с.

123. Ким, С.Б. Дипломатия средней державы Кореи: история, теория и практика. — Сеул: Мёнгин Мунхваса. (김상배. 한국의 중견국 외교: 역사, 이론, 실제 — 서울: 명인 문화사), 2016. 475 с.

124. Ким, С.Б. Дипломатия средней державы на этапе становления: перспектива комплексной геополитики. — Сеул: Академия социальной критики. (김상배. 신흥무대의 중견국 외교: 복합지정학의 시각. — 서울: 사회평론아카데미), 2020. 312 с.

125. Ким, С.Б. Теория будущей стратегии безопасности: помимо нетрадиционной теории безопасности. — Сеул: Академия социальной критики. (김상배. 신흥안보의 미래전략: 비전통 안보론을 넘어서. — 서울: 사회평론아카데미), 2016. 473 с.

126. Ли, К.Г. Инициатива «Один пояс и один путь», новая северная

политика и новая южная политика. — Паджу: Книжная звезда. (이강극. 일대일로와 신북방 신남방 정책. — 파주: 출판사 북스타), 2018. 374 с.

127. О, Г.П. Корейская дипломатия: новый международный порядок и логика неопределенности. — Сеул: издательство Орым. (오기평. 한국외교론: 신국제질서와 불확실성의 논리. — 서울: 출판사 오름), 1994. 480 с.

128. Ха, Е.Ч. Северная политика: истоки, развитие и влияние. — Сеул: Издательство Сеульского национального университета. (하용출. 북방정책: 기원, 전개, 영향. — 서울: 서울대학교출판부), 2003. 235 с.

на китайском языке:

129. Ван И. «Один пояс, один путь»: возможности и вызовы. — Пекин: Издательство университета Жэньминь (王义桅 , “一带一路’ : 机遇与挑战 — 中国人民大学出版社), 2015. 114 с.

на японском языке:

130. Вазима М. Битва за энергетические ресурсы Каспийского моря. — Токио: Книжный магазин Тойо (輪島 実樹, カスピ海エネルギー資源を巡る攻防 — 東京: 東洋書店), 2008. 63 с.

131. Мацуи К. Казахстан глазами первого посла. — Токио: Издательство Мерукумару (松井啓, 初代大使が見たカザフスタン), 2007. 246 с.

132. Уяма Т. Японская дипломатия в Центральной Азии: региональная стратегия для проверки. — Саппоро: Книжное издательство Университета Хоккайдо (宇山智彦, 日本の中央アジア外交: 試される地域戦略 — 北海道大学出版会), 2009. 200 с.

Научные статьи

на русском языке:

133. Абрамов В.А., Абрамова О.Д. Экономические интересы России и ЕАЭС в интеграционном взаимодействии с ключевыми странами АТР при формировании Большого евразийского партнёрства // PolitBook. 2018. № 3. С. 131–142.

134. Абрамов Ю.А., Куйбарь В.И. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 242–250.

135. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 4–22.

136. Асмолов К.В., Соловьев А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная аналитика. 2021. Vol. 12, No. 2. С. 49-73.

137. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. 2018. № 3. С. 33–51.

138. Боришполец К.П., Чернявский С.И. Содружество независимых государств и задачи евразийской интеграции // Ежегодник Института международных исследований МГИМО. 2015. № 13. С. 14–33.

139. Вардомский Л.Б., Глинкина С.П., Головнин М.Ю., Зевин Л.З., Косикова Л.С., Кузьмина Е.М., Ушкалова Д.И., Шурубович А.В. Проблема формирования евразийского полюса экономической силы и его позиционирование в мире // Мир перемен. 2012. № 2. С. 162–177.

140. Вартанова М.Л. Основные направления экономического развития и перспективы экономической интеграции стран ЕАЭС // Экономические отношения. 2018. № 3. С. 315–322.

141. Васильева Н.А. ЕАЭС: российские геополитические интересы // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 98–104.

142. Винокуров Е.Ю., Либман А.В. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47–72.

143. Воронцов А.В. Метаморфозы на Корейском полуострове в 2018 г. // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11 (736). С.10-17.

144. Воронцов А.В. Что будет на Корейском полуострове в ближайшее десятилетие? // Международная жизнь. 2021. № 1. С. 122-132.

145. Григорьев Л.М. ЕАЭС: социально-экономическое развитие регионов. // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. 2018. № 37. С. 1–20.

146. Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Евразийское пространство в китайских официальных и академических дискуссиях // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17 (3). С. 73–99.

147. Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3 (48). С. 112-122.

148. Дьячков И.В. Перспективы американо-северокорейского диалога в новом политическом цикле // Современные проблемы Корейского полуострова: Материалы XXV конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 25–26 марта 2021 года, С. 34-32.

149. Ельникова Ю.В. Российский поворот на восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3. С.9-20.

150. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. 25 лет СНГ и евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и переспективы // Экономическая наука современной России. 2017. № 2. С. 123–136.

151. Иванова Е.М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 6. С. 112–119.

152. Ивкина Н.В., Галоян Н.Г. Подходы Японии к проблеме евразийства // Журнал политических исследований. 2020. № 4 (4). С. 49-62.

153. Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Журнал

«Международная жизнь» 2017. № 5. С. 6–18.

154. Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е. Становление «Северной политики» Республики Корея (1998–2003) // Дискурс-Пи. 2025. № 2 (22). С. 93-107.

155. Ким Мин Кёль, Коктыш К. Е. Трансформации «Северной политики» Республики Корея в реалиях XXI века // Дискурс-Пи. 2025. № 3 (22). С. 157-170.

156. Коктыш К.Е. Онтология рационального (I) // Полития. 2016. № 2 (81). С. 33–54.

157. Коктыш К.Е. Онтология рационального (II) // Полития. 2016. № 3 (82). С. 6–30.

158. Коктыш К.Е. Онтология рационального (III) // Полития. 2016. № 4 (83). С. 6–24.

159. Коктыш К.Е. Онтология рационального (IV) // Полития. 2017. № 1 (84). С. 46–71.

160. Коктыш К.Е. Событие свободы: опыт деконструкции. // Полис. 2020. № 2. С. 21–36.

161. Коктыш К.Е. Становление когнитивного кода современности // Полис. 2022. № 6. С. 94–113.

162. Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В. Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 155–168.

163. Коктыш К.Е., Сергеев В.М. Рождение глубинного государства // Полис. 2024. № 1. С. 134-148.

164. Косов Ю.А, Фролов В.Е. О переспективах расширения Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 59–65.

165. Костин А. И., Изотов В. С. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестник

Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 2. С. 7–32.

166. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 7. С. 14–25.

167. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. № 1. С. 59–66.

168. Либман, А.М. Постсоветская интеграция и политические системы постсоветских государств // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 4. С. 5–20.

169. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра. 1992. 479 с.

170. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: первые итоги интеграционных процессов // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 49–62.

171. Панов А.Н. Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Ежегодник Япония. 2016. № 45. С. 7-42.

172. Петровский В.Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С.37-51.

173. Рыжакова Ю.А., Русакова Ю.И. Взаимовыгодность образования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для его стран-участниц // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 2. С. 50–57.

174. Сеергеев В.М., Коктыш К.Е. Научно-технический прогресс и онтологический провинциализм // Международные процессы. 2024. № 1 (76). С. 6–21.

175. Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9 (63). С. 38-49.

176. Тимофеев В.В., Шевчук О.М. Личностная дипломатия Абэ Синдзо во внешней политике Японии на примере Северо-Восточной Азии (2012—2020 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 19–35.

177. Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // Полис. 2016. № 4. С. 131-146.

178. Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Северокорейский фактор и укрепление позиций России в Азии // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 69-85.

179. Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Евразийская интеграция - 2017: ресурсы и перспективы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. № 17(9). С. 74-77.

180. Чугров С.В. Синдром Чио-Чио-сан: “небезопасность” в АТР с точки зрения общественного мнения Японии // Полис. 2025. № 2. С. 42-60.

181. Шестопал А.В. Русская философия: современность и классика. // Вопросы философии. 2014. № 3. С.14-29.

на английском языке:

182. Abelson R. Beliefs Are Like Possesions // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1986. Vol. 16, No. 3. P. 223-250.

183. Akerlof G. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 84, No. 3. 1970. P. 488–500.

184. Axelord R. The Dissemination of Culture: A Model with Local Convergence and Global Polarization // The Journal of Conflict Resolution. 1997. Vol. 41, No. 2. P. 203–226.

185. Dadaev T. Japan’s ODA Assistance Scheme and Central Asian Engagement: Determinants, Trends, Expectations // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7, No. 1. P. 24–38.

186. Dadaev T. Japan’s Search for Its Central Asian Policy: Between Idealism and Pragmatism // Asian Survey. 2013. Vol. 53, No. 3, P. 506-532.

187. Dadaev T. “Silk Road” as Foreign Policy Discourse: The Construction of Chinese, Japanese and Korean Engagement Strategies in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9, No. 1. P. 30-41.

188. Emerson M. Toward a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? // Global Journal of Emerging Market Economies. 2014. No.1. P. 35–68.

189. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22, No. 2. P. 133-187.

190. Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // International Affairs. 2004. No. 80. P. 429–446.

191. Granovetter M. The Threshold Models if Collective Behavior // The American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83, No 6. P. 1420-1443.

192. Hettne B. Beyond the ‘New’ Regionalism // New Political Economy. 2006. Vol. 10, No. 4. P. 543-571.

193. Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // Politeia. 1998. Vol 17, No. 3. P. 6–21.

194. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. Vol. 5, No. 3. P. 457–472.

195. Hosoya Y. The Rise and Fall of Japan's Grand Strategy: The “Arc of Freedom and Prosperity” and the Future Asian Order // Asia Pacific Review. 2012. Vol. 18, No. 1. P. 13-24.

196. Insebayeva S. Japan’s Central Asia Policy Revisited: National Identity, Interests, and Foreign Policy Discourses // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47, No. 5. P. 853-867.

197. Kim Min Koel. China’s World Strategy Thoughts in “Three Historical Resolutions”: Ideological Metaphors and Foreign Policies // The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World. 2022. Vol. 34, No. 4. C. 106-119.

198. Kuniko A. When Identity Matters: State Identity, Regional Institution-Building, and Japanese Foreign Policy // International Studies Review. 2008. Vol.

10, No. 3. P. 571–598.

199. Len C. Japan’s Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2005. Vol. 3, No. 3, P. 127-149.

200. Lombaerde P., Söderbaum F., Langenhove L., Baert F. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism // Review of International Studies. 2010. Vol. 36, No. 3. P. 731-753.

201. Lukin A., Yakunin V. Eurasian Integration and the Development of Asiatic Russia // Journal of Eurasian Studies. 2018. No.9. P. 100–113.

202. Maccormac E. A Cognitive Theory of Metaphor // Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1985. Vol. 45, No. 4. P. 418-420.

203. Mostafa G., Mahmood M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. No. 9. P. 163–172.

204. Paramonov O., Puzanova O. Tokyo's Diplomacy in Eurasia: Successes and Failures (1997–2017) // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9, No. 2. P. 134-142.

205. Perović J. From Disengagement to Active Economic Competition: Russia’s Return to the South Caucasus and Central Asia // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2005. Vol. 13, No. 1, P. 61–85.

206. Rakhimov M. Central Asia and Japan: Bilateral and Multilateral Relations // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5, No. 1. P. 77-87.

207. Ricoeur P. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // Critical Inquiry. 1978. Vol. 5, No. 1. P. 143-159.

208. Shin, S.O. South Korea's Elusive Middlepowermanship: Regional or Global Player? // The Pacific Review. 2015. Vol. 29, No. 2. P. 187-209.

209. Suzuki S. The Rise of the Chinese ‘Other’ In Japan’s Construction of Identity: Is China a Focal Point of Japanese Nationalism? // Pacific Review. 2015. Vol. 28, No. 1. P. 95–116.

210. Tamaki T. The Persistence of Reified Asia as Reality in Japanese Foreign Policy Narratives // Pacific Review. 2015. Vol. 28, No. 1. P. 23–45.

211. Tsygankov A. If Not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. No. 7. P. 1079–1099.

212. Tsygankov A., Tsygankov P. Russian IR Theory: The Crisis of a Globally-Pluralist Discipline // European Review of International Studies. 2014. Vol. 1, No. 2, P. 92–106.

213. Vayrynen R. Regionalism: Old and New // International Studies Review. 2003. No. 5. P. 25–51.

214. Yesdauletova A., Yesdauletov A. The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration // TRAMES. 2014. Vol. 18, No. 1. P. 3-17.

215. Yoo, H.J. The China factor in the US–South Korea Alliance: the Perceived Usefulness of China in the Korean Peninsula // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68, No. 1. P. 85-105.

216. Zabortseva Y. From the 'Forgotten Region' to the 'Great Game' Region: on the Development of Geopolitics in Central Asia" // Journal of Eurasian Studies. 2012. Vol. 3, No. 2. P. 168-176.

217. Zhang Z. China's International Strategy and Its Implications for Southeast Asia // Southeast Asian Affairs. 2016. P. 55-66.

218. Zhang Z. China's Pursuit of a New Asia-Pacific Security Architecture: Underlying Rationale, Ongoing Actions, and Future Prospects // China Quarterly of International Strategic Studies. 2015. Vol. 1, No. 4. P. 573–589.

219. Zhang Z. The Belt and Road Initiative: China's New Geopolitical Strategy? // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. Vol. 4, No. 3. P. 327–343.

на корейском языке:

220. Ли, К.Т. Возможность дипломатии Кореи с Китаем и Советским Союзом // Журнал «Северная Корея». (이기택. 한국의 대중소외교의 가능성 // 학술지 '북한'), 1974. № 2. С. 21-30.

221. Ли, Ч. Перспективы политики Советского Союза в отношении Кореи и проблемы дипломатии Кореи с Советским Союзом // Журнал «Национальное объединение». (이철. 소련의 대한국접근정책 전망과 대소외교의 문제점 // 학술지 '국토통일'), 1974. № 1. С. 1-20.

222. Хон, В.С. Многочисленные последствия новой северной политики. Анализ и обзор // Славянские исследования. (홍완석. 신북방정책의 다중적 함의 - 해제와 고찰 // 슬라브연구), 2020. № 36 (3), С. 1-26.

223. Чон, Ч.С. Анализ детерминант северной политики администрации Но Тхэ У и процесса последующих изменений северной политики // Журнал «Международные исследования», (전재성. 북방정책 : 노태우 행정부의 북방정책 결정요인과 변화과정 분석 // 학술지 '국제연구'), № 10. С. 23-45.

224. Шин, Б.С. Северная политика. Исторический обзор и будущие перспективы. Последствия для новой северной политики правительства Мун Чжэ Ина // Журнал «Дипломатия». (신범식. 북방정책 - 역사적 회고와 미래적 전망 - 문재인 정부의 신 북방정책에 대한 함의 // 학술지 '외교'), 2018. № 125. С. 93-109.

на китайском языке:

225. Ван И., Чжэн Д. Нетрадиционные вызовы безопасности, стоящие перед инициативой «Один пояс, один путь» // Журнал «Открытый вестник». (王义桅, 郑栋. 一带一路面临的非传统安全挑战 // 开放导报), 2015. № 4 (181). С. 21-23.

226. Ван Ц. Инициатива «Один пояс, один путь» и стратегия соседства Китая в новую эпоху // Шаньдунские социальные науки. (王俊生, '一带一路'与中国新时期的周边战略 // 山东社会科学), 2015. № 8. С. 50-56.

на русском языке:

227. Агеев А.И. Большая Евразия – 2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества // РПП ИНЭС – 29 ноября 2017. [Электронный ресурс] – URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/12/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%D1%8F-%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F_2030_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

228. Алексеенкова Е.С. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Российский совет по международным делам – 2017. [Электронный ресурс] – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/679/alekseenkova.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.01.2022).

229. Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 21 января 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/ (дата обращения: 03.10.2023).

230. Бердаков Д. Кыргызстан в ЕАЭС: контуры евразийской социально-экономической модели республики к 2025 г. // Портал РСМД – 13 июня 2017. [Электронный ресурс] – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-v-eaes-kontury-evraziyskoy-sotsialno-ekonomicheskoy-modeli-respubliki-k-2025-g/ (дата обращения: 17.01.2022).

231. Бордачев Т.В. Новое евразийство – Как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике — 14 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evrazijstvo/ (дата обращения: 03.10.2023).

232. Бордачев Т.В. ШОС как фундамент Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» – 02 июля 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-kak-fundament-bolshoy-evrazii/ (дата обращения: 10.01.2022).

233. Бордюжа Н. ОДКБ: 10 лет противодействия угрозам и вызовам // Журнал «Международная жизнь» – 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/493 (дата обращения: 18.04.2022).

234. Винокуров Е.Ю., Либман А.М., Евразийская континентальная интеграция // ЕАБР — 18 ноября 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/c3a/eki_preview.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

235. Денисов В.И. Корейская ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются // Аналитические записки НКСМИ МГИМО — 26 сентября 2006. [Электронный ресурс]. – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/216762/az-20.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

236. Евразийская экономическая комиссия. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года // ЕЭК – 16 октября 2015. [Электронный ресурс] – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/923/broshyura_ONER-_final-05.05.2016_.pdf (дата обращения: 03.07.2023).

237. Ефременко Д.В. Рождение Большой Евразии – Как завершается эпоха после холодной войны // Россия в глобальной политике — 28 ноября 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/rozhdenie-bolshoj-evrazii/ (дата обращения: 03.10.2023).

238. Караганов С.А. Евроазиатский выход из европейского кризиса – Расширить пространство для поиска решений // Россия в глобальной политике — 21 января 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/ (дата обращения: 03.10.2023).

239. Караганов С.А., Бордачёв Т.В. К Великому океану – 3. Экономический пояс Шёлкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 04 июня 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/files/19625/ (дата обращения: 03.10.2023).

240. Караганов С.А., Бордачёв Т.В. К Великому океану – 5. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 06 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/files/17048/(дата обращения: 03.10.2023).

241. Лузянин С.Г. Большая Евразия: общие задачи для Китая и России // Международный дискуссионный клуб «Валдай» — 16 апреля 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-zadachi/ (дата обращения: 03.10.2023).

242. Лукин А. Поворот России к Азии: миф или реальность? // Журнал «Международная жизнь» – 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1468 (дата обращения: 01.04.2024).

243. Мирграян А.А. Россия в ЕАЭС к 2025 году // Портал РСМД – 14 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-eaes-k-2025-godu/ (дата обращения: 17.01.2022).

244. Петровский В.Е. Индия – ЕАЭС: новые вызовы и возможности // Журнал «Международная жизнь» – 30 января 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/25216 (дата обращения: 17.07.2023).

245. Петровский П.С., Беларусь и ЕАЭС к 2025: потенциал, возможности, перспектива // Портал РСМД – 07 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL:

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/belarus-i-eaes-2025-potentsial-vozmozhnosti-perspektivy/ (дата обращения: 17.01.2022).

246. Пылин А.Г. ЕАЭС как экономический центр формирования Большого Евразийского партнерства //Портал РСМД – 05 сентября 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-kak-ekonomicheskiy-tsentr-formirovaniya-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/?sphrase_id=162274120 (дата обращения: 07.10.2024).

247. Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Орлова А.С., Чимирис Е.С. БРИК – политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России // МГИМО – декабрь 2010. [Электронный ресурс] – URL: https://mgimo.ru/files2/y02_2011/182280/ad-24.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

248. Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Орлова А.С., Чимирис Е.С. Новое пространство мировой политики: взгляд из США // МГИМО – ноябрь2011. [Электронный ресурс] – URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2011/213749/IMI_6-30.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

249. Тимофеев И.Н., Алексеенкова Е.С. Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения // Портал РСМД – 16 декабря 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskoe-napravlenie-vneshney-politiki-rossii-interesy-vo/ (дата обращения: 10.01.2022).

250. Тулиндинова Ж., Казахстан в ЕАЭС к 2025 году // Портал РСМД – 14 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kazakhstan-v-eaes-k-2025-godu/ (дата обращения: 17.01.2022).

251. Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный

диалог и перспективы соглашения // ЕАБР – 18 ноября 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/512/edb_centre_2016_report_38_eu_eaeu_rus.pdf (дата обращения: 17.07.2023).

252. Чжао Х. Поворот России на Восток и российско-китайские отношения. // Портал РСМД – 17 июля 2025. [Электронный ресурс] – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/povorot-rossii-na-vostok-i-rossiysko-kitayskie-otnosheniya/?sphrase_id=223241766 (дата обращения: 04.08.2025).

253. Шевченко А.М. Большое евразийское партнёрство становится всё более востребованным // Российский институт стратегических исследований — 14 апреля 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://riss.ru/analitica/bolshoye-yevraziyskoye-partnerstvo-stanovitsya-vse-boleye-vostrebovannym/ (дата обращения: 03.10.2023).

на английском языке:

254. Cohen A. Russia’s Eurasian Union Could Endanger the Neighborhood and U.S. Interests // The Heritage Foundation. — 14 июня 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.heritage.org/europe/report/russias-eurasian-union-could-endanger-the-neighborhood-and-us-interests (дата обращения: 01.07.2024).

255. Filippov D. Shinzo Abe: Ideologue or Pragmatist? Japan’s Prime Minister Isn’t Nationalistic So Much As Realistic // The Diplomat. —13 июня 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://thediplomat.com/2017/06/shinzo-abe-ideologue-or-pragmatist/ (дата обращения: 01.07.2024).

256. Kadier D. Special Report: The Geopolitics of Eurasian Economic Integration // LSE IDEAS. — 12 июня 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-Geopolitics-

of-Eurasian-Economic-Intergration.pdf (дата обращения:17.01.2022).

257. Kortunov A. One More Time on Greater Europe and Greater Eurasia // Russian International Affairs Council. — 02 октября 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/one-more-time-on-greater-europe-and-greater-eurasia/ (дата обращения: 03.10.2023).

258. Kuznetsova A. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China // Russian International Affairs Council. — 17 сентября 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/greater-eurasia-perceptions-from-russia-the-european-union-and-china/ (дата обращения: 03.10.2023).

259. Lane D. Eurasian Integration: A Viable new Regionalism? // Russian Analytical Digest. — 07 апреля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-146-3-7.pdf (дата обращения:10.01.2022).

260. McFaul M. Faulty Powers: Who Started the Ukraine Crisis? Moscow's Choice // Foreign Affairs. Vol. 93, Issue 6. — 17 октября 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/06/Moscows-Choice.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

261. Safranchuk I., Zhornist V., Nesmashnyi A., Chernov D. The Dilemma of Middlepowermanship in Central Asia: Prospects for Hegemony // Russia in Global Affairs. — 10 августа 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/dilemma-of-middlepowermanship/ (дата обращения: 01.07.2024).

262. Söderbaum F. What's Wrong with Regional Integration? The Problem of Eurocentrism // Robert Schuman Centre for Advanced Studies, European University Institute. 2013. [Электронный ресурс]. – URL: https://cadmus.eui.eu/server/api/core/bitstreams/532833ed-a142-53fc-89ef-f3345c3d37aa/content (дата обращения:04.04.2022).

263. Takata Y. Japan's Choice for "Eurasian Diplomacy" // The Japan Forum on International Relations. — 15 августа 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jfir.or.jp/en/commentary/4056/ (дата обращения: 01.07.2024).

на китайском языке:

264. Ван И., Ю С. Логика инициативы «Один пояс, один путь» // Монитор восприятия отношений США и Китая (王义桅, 余潇枫 "一带一路"的逻辑// 中美印象) — 02 ноября 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://zmyx.info/12659/ (дата обращения: 01.04.2024).

на японском языке:

265. Магосаки Т. Укрепление дипломатической мощи начинается с построения отношений сотрудничества с заинтересованными сторонами в Японии — построения отношений с инженерной точки зрения. (孫崎享. 外交力強化にはまず日本の関係者との協力関係を ― 人間関係は工学部的発想で // 外交フォーラム) — 05 августа 1995. [Электронный ресурс]. – URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/12118660 (дата обращения: 01.07.2024).

266. Танака Т. Почему Япония стремится к Центральной Азии? // Дипломатический форум (田中哲二. 日本はなぜ中央アジアにコミットするのか // 外交フォーラム) — 08 ноября 2004. [Электронный ресурс]. – URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/12118660 (дата обращения: 01.07.2024).

267. Того К. Евразийская дипломатия Японии (1997-2001 гг.) // Ниппон (東郷和彦. 日本の「ユーラシア外交」// 日本) — 13 марта 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nippon.com/ja/features/c00205/ (дата обращения: 01.07.2024).

268. Хироси Х. Всё более активная «дипломатия, охватывающая панорамную перспективу карты мира» // Японский форум по

международным отношениям (平林博. 『活発化する「地球儀を俯瞰する外交」』 // 日本国際フォーラム) — 15 февраля 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jfir.or.jp/2014/02/15/7107/ (дата обращения: 01.07.2024).

269. Ян Х. Сейчас самое время для Японии нацелиться на «Дацу-А» посредством евразийской дипломатии // Ньюсуик (楊海英. ユーラシア外交で日本は今こそ「脱亜」を目指せ// ニューズウィーク) — 11 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.newsweekjapan.jp/stories/world/2015/11/post-4098.php (дата обращения: 01.07.2024).

Материалы СМИ

на русском языке:

270. Алексей Миллер: Россия и Китай подписали самый крупный контракт за всю историю «Газпрома» // Газпром — 21 мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazprom.ru/press/news/2014/may/article191417/ (дата обращения: 03.10.2023).

271. В Кремле считают неуместной увязку отношений ЕАЭС и ЕС с выполнением минских соглашений // Тасс — 19 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/politika/2455141 (дата обращения: 17.07.2023).

272. Владимир Путин выступил в пространство — В планах российского премьера объединение Евразии // Коммерсантъ — 15 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1788017 (дата обращения: 03.10.2023).

273. Вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) // Официальный сайт ЕЭК — 01 января 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/01-01-2015-1/ (дата обращения: 18.04.2022).

274. В Южной Корее показали план объединения с «замерзшим

королевством Севера» // РБК — 15 августа 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/politics/15/08/2024/66bd9ac29a7947b4d38b5ff0?ysclid=m6kyxm8dt1155095684 (дата обращения: 07.07.2025).

275. Диалог ЕАЭС – ЕС: единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока глазами европейского бизнеса // Официальный сайт ЕЭК — 19 февраля 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/19_02_18/ (дата обращения: 17.07.2023).

276. Для стран ЕАЭС разработан перечень проектов по поддержке Экономического пояса Шелкового пути // Акчабар — 02 марта 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.akchabar.kg/news/dlya-stran-eaes-razrabotan-perechen-proektov-po-podderzhke-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-mhmjartlasgbjkkf (дата обращения: 17.07.2023).

277. ЕАЭС – ЕС: альтернативы диалогу двух крупнейших на континенте интеграционных объединений нет // Официальный сайт ЕЭК — 03 июня 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/03-06-2019-1/ (дата обращения: 17.07.2023).

278. Евразийские комиссары получат статус федеральных министров // Известия — 17 ноября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/507125 (дата обращения: 11.04.2022).

279. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия — 25 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/504908 (дата обращения: 11.04.2022).

280. Евразийский союз предлагает ЕС начать диалог о создании общего экономического пространства // Тасс — 26 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/2380019 (дата обращения: 17.07.2023).

281. Караганов: ШОС может стать центральной организацией в Большой Евразии // Российская газета — 31 мая 2015. [Электронный ресурс]. – URL:

https://rg.ru/2015/05/31/evrazia-site.html (дата обращения: 03.10.2023).

282. Лукьянов: Применительно к Евразии россияне куда амбициозней китайцев // Российская газета — 29 марта 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2016/03/29/lukianov-primenitelno-k-evrazii-rossiiane-kuda-ambicioznej-kitajcev.html (дата обращения: 10.01.2022).

283. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия — 04 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya (дата обращения: 11.04.2022).

284. Нурсултан Назарбаев: Мы находимся на рубеже создания радикально новой модели мировой экономики // Российская газета — 27 марта 2009. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2009/03/27/kazakhstan.html (дата обращения: 11.04.2022).

285. О судьбах нашей интеграции // Известия — 17 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/504081 (дата обращения: 11.04.2022).

286. Правительство утвердило Стратегическую программу по стимулированию экспорта Республики Армения на 2025–2030 годы // Сайт Правительства Республики Армении — 31 июля 2011. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.am/ru/news/item/10763/ (дата обращения: 04.08.2023).

287. Президенты РФ, Казахстана и Белоруссии подписали договор о создании ЕАЭС // Тасс — 29 мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/politika/1224252 (дата обращения: 11.04.2022).

288. Прирост совокупного ВВП в ЕАЭС к 2030 году может составить $900 млрд // РИТМ Евразии — 29 Мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2014-05-29--prirost-sovokupnogo-vvp-v-eaes-k-2030-godu-mozhet-sostavit-900-mlrd-12973 (дата обращения: 11.04.2022).

289. Путин: передача полномочий в ЕАЭС не означает утрату суверенитета // РИА Новости — 29 мая 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20140529/1009842639.html (дата обращения: 03.07.2023).

290. Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации — 08 июня 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_zavershili_sovmestnoe_tehniko_ekonomicheskoe_obosnovanie_soglasheniya_o_evraziyskom_ekonomicheskom_partnerstve.html (дата обращения: 17.07.2023).

291. Россия и Китай подписали заявление о переговорах по соглашению ЕАЭС и КНР // РИА Новости — 25 июня 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20160625/1451688116.html (дата обращения: 17.07.2023).

292. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия — 16 января 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/511884 (дата обращения: 17.07.2023).

293. Спецпредставитель президента РФ: конфликт Индии и Пакистана не повлиял на работу ШОС // Тасс — 22 мая 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/interviews/6457034 (дата обращения: 03.10.2023).

294. Сергей Караганов: Запад, проигрывая, стал нарушать все моральные нормы // Российская газета — 02 июня 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/06/03/karaganov.html (дата обращения: 03.10.2023).

295. Федор Лукьянов: Из хаоса рано или поздно прорастает порядок // Российская газета — 20 октября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2015/10/21/lukjanov.html (дата обращения: 03.10.2023).

296. Эксперт объяснил значение визита вдовы экс-премьера Японии в Россию // РИА Новости — 29 мая 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20250529/yaponiya-2019873475.html (дата обращения: 07.07.2025).

297. Японский депутат отправился в РФ для встречи с представителями МИД и Росрыболовства // Тасс — 29 июля 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21472751 (дата обращения: 07.10.2024).

на английском языке:

298. Juncker Opens the Door to EU-Eurasian Union Rapprochement // Euractiv — 20 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.euractiv.com/news/juncker-opens-the-door-to-eu-eurasian-union-rapprochement/ (дата обращения: 17.07.2023).

299. What to Expect From Yoon Suk-yeol's Policy on North Korea // The Diplomat — 13 апреля 2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://thediplomat.com/2022/04/what-to-expect-from-yoon-suk-yeols-policy-on-north-korea/ (дата обращения: 15.01.2024).

на китайском языке:

300. Китай и Россия подписали совместное заявление о технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве // Портал «Один пояс, один путь» (中俄签署《关于欧亚经济伙伴关系协定联合可行性研究的联合声明》 // 中国一带一路网) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/19014.html (дата обращения: 01.04.2024).

301. Мышление Си Цзиньпина о дипломатии соседства: построение сообщества общей судьбы с дружелюбием, искренностью, стремлением к взаимной выгоде и инклюзивностью // Жэньминь жибао (透视习近平周边外交理念：亲诚惠容打造命运共同体 //人民网) — 10 октября 2014. [Электронный ресурс] – URL:

http://politics.people.com.cn/n/2014/1010/c1001-25805455.html (дата обращения: 01.04.2024).

302. Си Цзиньпин принял участие в Третьем саммите по ядерной безопасности и выступил с важной речью // Синьхуанет (习近平出席第三届核安全峰会并发表重要讲话 // 新华网) — 25 марта 2014. [Электронный ресурс] – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-03/25/c_119921679.htm (дата обращения: 01.04.2024).

303. Си Цзиньпин: Стремиться создать новую ситуацию в дипломатии крупных держав с китайской спецификой // Синьхуанет (习近平：努力开创中国特色大国外交新局面// 新华网) — 23 июня 2018. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-06/23/c_1123025806.htm (дата обращения: 11.04.2022).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Евразия и Россия в политическом дискурсе Республики Корея

Таблица А-1.

Развитие дискурса о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в корейкоязычных СМИ (инструмент «Naver News Library» и «Big Kinds»)

№	Список глав Республики Корея (пребывание должности)	Количество искомых материалов
1	Администрация Президента Но Тэ У (25.02.1988-24.02.1993)	Россия (на корейском - ‘러시아’): **18,698** СНГ (на корейском/английской аббревиатуре - ‘독립국가연합’/‘CIS’): **5,550**

		Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **228** ЕврАзЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제공동체’ /‘EurAsEC’): **17** Общее: **24,493**
2	Администрация Президента Ким Ен Сам (25.02.1993-24.02.1998)	Россия (на корейском - ‘러시아’): **90,923** СНГ (на корейском/английской аббревиатуре - ‘독립국가연합’/‘CIS’): **3,446** Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **532** ЕврАзЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제공동체’ /‘EurAsEC’): **0** Общее: **94,901**
3	Администрация Президента Ким Дэ Чжун (25.02.1998-24.02.2003)	Россия (на корейском - ‘러시아’): **112,087** СНГ (на корейском/английской аббревиатуре -

		‘독립국가연합’/‘CIS’): **2,095** Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **2,075** ЕврАзЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제공동체’ /‘EurAsEC’): **9** Общее: **116,266**
4	Администрация Президента Но Му Хен (25.02.2003-24.02.2008)	Россия (на корейском - ‘러시아’): **131,865** СНГ (на корейском/английской аббревиатуре - ‘독립국가연합’/‘CIS’): **3,935** Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **2,421** ЕврАзЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제공동체’ /‘EurAsEC’): **8** Общее: **138,229**
5	Администрация Президента Ли Мен Бак (25.02.2008-24.02.2013)	Россия (на корейском - ‘러시아’): **228,736** СНГ (на

		корейском/английской аббревиатуре - ‘독립국가연합’/‘CIS’): **6,532** Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **4,137** ЕврАзЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제공동체’/‘EurAsEC’): **23** Общее: **239,428**
6	Администрация Президента Пак Кын Хе (25.02.2013-09.12.2016) Исполняющий Обязанности Премьер-министра Хван Гё Ан (10.12.2016-09.05.2017)	Россия (на корейском - ‘러시아’): **255,480** СНГ (на корейском/английской аббревиатуре - ‘독립국가연합’/‘CIS’): **5,500** Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **14,126** ЕАЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제연합’/‘EAEU’): **691** Общее: **275,797**
7	Администрация Президента Мун Чжэ Ин (10.05.2017-09.05.2022)	Россия (на корейском - ‘러시아’): **322,566**

		СНГ (на корейском/английской аббревиатуре - ‘독립국가연합’/‘CIS’): **4,920** Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **13,940** ЕАЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제연합’ /‘EAEU’): **1,273** Общее: **342,699**
8	Администрация Президента Юн Сок Ель (с 10.05.2022) * Период искомых материалов: 10.05.2022-21.01.2023	Россия (на корейском - ‘러시아’): **73,621** СНГ (на корейском/английской аббревиатуре - ‘독립국가연합’/‘CIS’): **698** Евразия (на корейском - ‘유라시아’): **1,048** ЕАЭС (на корейском/английской аббревиатуре - ‘유라시아경제연합’ /‘EAEU’): **120** Общее: **75,487**

	Общее количество	**1,307,300**

Источник: составлено автором на основе корейскоязычных СМИ «Naver News Library» (https://newslibrary.naver.com/search/searchByDate.naver) и «Big Kinds» (https://www.bigkinds.or.kr/).

Таблица А-2.

Выборка текстов от экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в Республике Корея

№	**Жанр текста**	**Количество**
1	Официальное заявление (выступление)	27
2	Интервью	16
3	Статья (передовица)	12
4	Аналитический доклад	8
	Общее количество	**63**

Источник: составлено автором на основе открытых источников корейских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

Таблица А-3.

Выборка ключевых спикеров от экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в Республике Корея

(1) Категория «политики»

№	**Категория «политики»**	
	Имя	**Должность**
1	Пак Но Бёк (Park No Byeok)	Бывший генеральный секретарь Международной конференции азиатских политических партий Бывший посол Республики Корея в России
2	Пак Ён Сон (Park Young Sun)	Бывший министр малого и среднего бизнеса и стартапов Республики Корея Член Национального собрания Республики Корея (Демократическая партия Тобуро)
3	Пэк Джу Хён (Baek Joo Hyeon)	Советник юридической фирмы Республики Корея “Se Jong”

		Бывший посол Республики Корея в Казахстане
4	Со Ён Гё (Seo Yeong Gyo)	Член Национального собрания Республики Корея (Демократическая партия Тобуро)
5	Сеол Хун (Seol Hoon)	Член Национального собрания Республики Корея (Демократическая партия Тобуро)
6	Сон Ён Гиль (Song Yeong Gil)	Бывший мэр города Инчхон / член Национального собрания Республики Корея (Демократическая партия Тобуро)
7	Ли Кю Хён (Lee Kyu Hyung)	Советник Института экономических исследований компании Республики Корея “Sam Sung” Бывший посол Республики Корея в России/Китае
8	Ли Санг Дон (Lee Sang Don)	Бывший член Национального собрания Республики Корея
9	Ли Ён Су (Lee Yeon Su)	Бывший посол Республики Корея в Беларуси / генеральный консул Республики Корея в Санкт-Петербурге
10	У Юн Гын (Woo Yun Geun)	Советник юридической фирмы Республики Корея “Gwang Jang” Бывший посол Республики Корея в России / член Национального собрания Республики Корея
11	Ви Сон Рак (Wi Seong Rak)	Бывший руководитель штаба мирных обменов на Корейском полуострове Министерства иностранных дел Республики Корея / посол Республики Корея в России
12	Ли Сок Бэ (Lee Seok Bae)	Посол Республики Корея в России / Бывший генеральный консул Республики Корея во Владивостоке
13	Ли Джун Кю (Lee Jun Kyu)	Председатель Ассоциации международных отношений Республики Корея Бывший посол Республики Корея в Индии / Японии
14	Чон Джин Сок	Член Национального собрания

	(Jeong Jin Seok)	Республики Корея (Сила народа)
15	Чо Тэ Ён (Cho Tae Yong)	Член Национального собрания Республики Корея (Сила народа)

Источник: составлено автором на основе открытых источников корейских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(2) Категория «академические эксперты»

№	**Категория «академические эксперты»**	
	Имя	**Должность**
1	Ко Санг Ду (Ko Sang Doo)	Профессор Университета Йонсей (Ph.D., политические науки)
2	Ко Дже Нам (Ko Jae Nam)	Директор Корейского института евразийской политики Почетный профессор Корейской национальной дипломатической академии (Ph.D., политические науки)
3	Ким Чон Ки (Kim Jeong Ki)	Профессор Университета Ханьян (Ph.D., политические науки)
4	Пак Чжи Вон (Park Ji Won)	Старший научный сотрудник Корейского агентства по содействию торговле и инвестициям (Ph.D., экономические науки)
5	Сон Вон Ён (Seong Won Yong)	Профессор Инчхонского национального университета (Ph.D., экономические науки)
6	Шин Бом Шик (Shin Beom Sik)	Профессор Сеульского национального университета (Ph.D., политические науки)
7	Ом Гу Хо (Eom Gu Ho)	Профессор Университета Ханьян Директор Азиатско-Тихоокеанского исследовательского центра (Ph.D., юридические науки)
8	Ли Дэ Сик (Lee Dae Sik)	Директор по исследованиям аналитического центра “Yeosijae” (Ph.D., литературные науки)
9	Ли Сан Чжун (Lee Sang Jun)	Профессор Университета Кукмин (Ph.D., экономические науки)
10	Ли Тэ Рим (Lee Tae Rim)	Профессор Корейской национальной дипломатической академии

		(Ph.D., юридические науки)
11	Чан Док Джун (Jang Deok Jun)	Профессор Университета Кукмин (Ph.D., политические науки)
12	Чжон Ё Чхон (Jeong Yeo Cheon)	Старший научный сотрудник Корейского института международной экономической политики (Ph.D., экономические науки)
13	Чо Ён Гван (Cho Young Gwan)	Старший научный сотрудник института зарубежных экономических исследований Экспортно-импортного банка Республики Корея (Ph.D., экономические науки)
14	Че Ук (Chae Wook)	Профессор Университета Йонсей Бывший директор Корейского института международной экономической политики (Ph.D., экономические науки)
15	Хон Ван Сок (Hong Wan Seok)	Профессор Ханкукского университета инностраных языков (Ph.D., политические науки)

Источник: составлено автором на основе открытых источников корейских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(3) Категория «бизнес-эксперты»

№	**Категория «бизнес-эксперты»**	
	Имя	**Должность**
1	Квон Тэ Шин (Kwon Tae Shin)	Вице-председатель Федерации корейской промышленности
2	Ким Ки Хён (Kim Ki Hyeon)	Руководитель отдела Евразии Корейской международной торговой ассоциации
3	Ким Бонг Ман (Kim Bong Man)	Руководитель отдела международного сотрудничества Федерации корейской промышленности
4	Ким Санг Хван (Kim Sang Hwan)	Директор центра роста стартапов Корейского фонда венчурных технологий
5	Пак Чон Хо (Park Jong Ho)	Генеральный директор Делового совета по сотрудничеству Корея-Россия
6	Сон Ён Док (Song Yong Deok)	Вице-председатель “Lotte Holdings”

7	Ом Чи Сон (Eom Chi Seong)	Директор компании Корейский бизнес-финансовый кредит
8	Йо Чон Ук (Yeo Jong Wook)	Руководитель отдела Евразии Корейской международной торговой ассоциации
9	Ли Кван Соп (Lee Kwan Seop)	Вице-председатель Корейской ассоциации международной торговли
10	Ли Сон У (Lee Seong Woo)	Директор Корейского института развития морского и рыбного хозяйства
11	Ли Ин Ён (Lee In Yong)	Председатель “Samsung Electronics”
12	Чен Чжон У (Chun Jeong Woo)	Управляющий директор компании “MINDs Lab” (разработка искусственного интеллекта)

Источник: составлено автором на основе открытых источников корейских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

Таблица А-4.

Институциональные структуры экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в Республике Корея

(1) Государственные институты

Государственные институты	
Наименование института	*Подразделения*
Президент Республики Корея	Совет национальной безопасности - 1-е направление национальной безопасности (стратегия национальной безопасности, международные отношения, объединение, экономическая безопасность) - 2-е направлеие национальной безопасности (национальная оборона, кибербезопасность, национальное кризисное управление)
Министерство иностранных дел Республики Корея	Бюро по европейским делам - 1-й отдел Евразии (Россия) - 2-й отдел Евразии (СНГ) Управление мира и безопасности Корейского полуострова

	- Бюро по ядерным вопросам Северной Кореи - Бюро мирного режима на Корейском полуострове
Министерство обороны Республики Корея	Управление политики национальной безопасности - Бюро планирования политики - Бюро международной политики - Бюро оборонной политики
Министерство объединения Республики Корея	Управление политики объединения - Отдел международного сотрудничества Бюро разведки и анализа - Отдел общего анализа
Национальная разведывательная служба Республики Корея	
Министерство торговли, промышленности и энергетики Республики Корея	Управление международной торговли и инвестиций - Бюро торговой политики - Бюро инвестиционной политики
Министерство малого и среднего бизнеса и стартапов Республики Корея	Управление политики малого и среднего бизнеса - Отдел международной торговли и сотрудничества

Источник: составлено автором на основе открытых источников корейских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(2) Академические институты

Академические институты	
Наименование института	*Подразделения*
Институт иностранных дел и безопасности (The Institute of Foreign Affairs and Security)	Отдел европейских и российских исследований
Корейский институт национального объединения	Отдел исследования политики объединения

(Korea Institute for National Unification)	Отдел исследования мира
Корейский институт оборонного анализа (Korea Institute for Defense Analysis)	Центр безопасности и стратегии - Отдел глобальной стратегии
Институт стратегии национальной безопасности (Institute for National Security Strategy)	Центр исследования международных отношений - Отдел регионоведения
Корейский институт развития (Korea Development Institute)	Центр мировой экономики Центр международного развития
Корейский институт международной экономической политики (Korea Institute for International Economic Policy)	Центр региональных исследований - Отдел России и Евразии
Институт Седжонг (The Sejong Institute)	Отдел дипломатической стратегии Отдел стратегии и безопасности Отдел стратегии объединения
Асанский институт политических исследований (Asan institute for policy studies)	Центр внешней политики и национальной безопасности Центр региональных исследований
Азиатско-Тихоокеанский исследовательский центр Ханьянского университета (Hanyang University Asia-Pacific Research Center)	Направление по исследованию России/СНГ/Евразии
Институт российских исследований Ханкукского университета иностранных языков (Hankuk University of Foreign Studies)	

Источник: составлено автором на основе открытых источников корейских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(3) Коммерческие институты

Коммерческие институты	
Наименование института	*Подразделения*
Самсунг Груп (Samsung Group)	Представительство в России/СНГ (Продукция: бытовая электроника)
Эскей Груп (SK Group)	Представительство в России/СНГ (Продукция: энергия)
Хёндэ мотор компани (Hyundai Motor Company)	Представительство в России/СНГ (Продукция: автомобили)
Элджи Груп (LG Group)	Представительство в России/СНГ

	(Продукция: бытовая электроника)
Лотте Групп (Lotte Group)	Представительство в России/СНГ (Продукция: питание и напитки)
Пхосыкхо (POSCO)	Представительство в России/СНГ (Продукция: металлопрокат)
Ханва Груп (Hanwha Group)	Представительство в России/СНГ (Продукция: энергия)
Джиэс Груп (GS Group)	Представительство в России/СНГ (Продукция: энергия)

Источник: составлено автором на основе открытых источников корейских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Евразия и Россия в политическом дискурсе Китайской Народной Республики

Таблица Б-1.

Развитие дискурса о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в китайскоязычных СМИ
(архив новостей 10 главных китайских национальных СМИ из инструмента
«China National Knowledge Infrastructure (CNKI)»)

№	Список глав Китайской Народной Республики (пребывание должности)	Количество искомых материалов
1	Администрация Президента Цзян Цзэминь (27.03.1993-14.03.2003) * Период искомых материалов: 01.01.2000-14.03.2003 (Цифровые материалы доступны с 2000 года)	Россия (на китайском - ‘俄罗斯’): **3,615** СНГ (на китайском /английской аббревиатуре - ‘独立国家联合体’ /‘CIS’): **68** Евразия (на китайском - ‘欧亚大陆’): **127** ЕврАзЭС (на китайском /английской аббревиатуре - ‘欧亚经济共同体’ /‘EurAsEC’): **147** Общее: **3,957**
2	Администрация Президента Ху Цзиньтао (15.03.2003-14.03.2013)	Россия (на китайском - ‘俄罗斯’): **14,667** СНГ (на китайском /английской аббревиатуре

		- ‘独立国家联合体’ /‘CIS’): **188** Евразия (на китайском - ‘欧亚大陆’): **332** ЕврАзЭС (на китайском /английской аббревиатуре - ‘欧亚经济共同体’ /‘EurAsEC’): **106** Общее: **15,293**
3	Администрация Президента Си Цзиньпин (с 15.03.2013) * Период искомых материалов: 15.03.2013-21.01.2023	Россия (на китайском - ‘俄罗斯’): **24,359** СНГ (на китайском /английской аббревиатуре - ‘独立国家联合体’ /‘CIS’): **257** Евразия (на китайском - ‘欧亚大陆’): **653** ЕАЭС (на китайском /английской аббревиатуре - ‘欧亚经济联盟’ /‘EAEU’): **683** Общее: **25,952**
	Общее количество	**45,202**

Источник: составлено автором на основе китайскоязычных СМИ «China National Knowledge Infrastructure» (https://chn.oversea.cnki.net/index/).

Таблица Б-2.

Выборка текстов от экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС
в Китайской Народной Республике

№	Жанр текста	Количество
1	Официальное заявление (выступление)	33
2	Интервью	20
3	Статья	16
4	Аналитический доклад	12
	Общее количество	**81**

Источник: составлено автором на основе открытых источников китайских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

Таблица Б-3.

Выборка ключевых спикеров от экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС
в Китайской Народной Республике

(1) Категория «политики»

№	Категория «политики»	
	Имя	**Должность**
1	Си Цзиньпин (Xi Jinping)	Президент Китайской Народной Республики Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Член I пленума ЦК КПК XVIII созыва (с ноября 2012 года) Член I пленума ЦК КПК XIX созыва (с октября 2017 года) Член I пленума ЦК КПК XX созыва (с октября 2022 года)
2	Ли Кэцян (Li Keqiang)	Бывший премьер-министр Китайской Народной Республики Член I пленума ЦК КПК XVIII созыва (с ноября 2012 года)

		Член I пленума ЦК КПК XIX созыва (с октября 2017 года)
3	Ли Цян (Li Qiang)	Премьер-министр Китайской Народной Республики Член I пленума ЦК КПК XX созыва (с октября 2022 года)
4	Ван Цишань (Wang Qishan)	Член I пленума ЦК КПК XVIII созыва (с ноября 2012 года)
5	Лю Юньшань (Liu Yunshan)	Член I пленума ЦК КПК XVIII созыва (с ноября 2012 года)
6	Чжан Гаоли (Zhang Gaoli)	Член I пленума ЦК КПК XVIII созыва (с ноября 2012 года)
7	Чжан Дэцзян (Zhang Dejiang)	Член I пленума ЦК КПК XVIII созыва (с ноября 2012 года)
8	Юй Чжэншэн (Yu Zhengsheng)	Член I пленума ЦК КПК XVIII созыва (с ноября 2012 года)
9	Ван Хунин (Wang Huning)	Член I пленума ЦК КПК XIX созыва (с октября 2017 года) Член I пленума ЦК КПК XX созыва (с октября 2022 года)
10	Ван Ян (Wang Yang)	Член I пленума ЦК КПК XIX созыва (с октября 2017 года)
11	Ли Чжаньшу (Li Zhanshu)	Член I пленума ЦК КПК XIX созыва (с октября 2017 года)
12	Хань Чжэн (Han Zheng)	Член I пленума ЦК КПК XIX созыва (с октября 2017 года)
13	Чжао Лэцзи (Zhao Leji)	Член I пленума ЦК КПК XIX созыва (с октября 2017 года) Член I пленума ЦК КПК XX созыва (с октября 2022 года)
14	Дин Сюэсян (Ding Xuexiang)	Член I пленума ЦК КПК XX созыва (с октября 2022 года)
15	Ли Си (Li Xi)	Член I пленума ЦК КПК XX созыва (с октября 2022 года)
16	Цай Ци (Cai Qi)	Член I пленума ЦК КПК XX созыва (с октября 2022 года)

Источник: составлено автором на основе открытых источников китайских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(2) Категория «академические эксперты»

№	**Категория «академические эксперты»**	
	Имя	**Должность**
1	Ван Чао (Wang Chao)	Президент Китайского народного

		института иностранных дел
2	Го Сяоцюн (Guo Xiaoqiong)	Научный сотрудник отдела исследований многостороннего и межрегионального сотрудничества Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (ИРВЕЦА КАОН)
3	Ли Сюэсун (Li Xuesong)	Директор Института математики и экономики КАОН
4	Ли Хуэйлай (Li Huilai)	Вице-президент Китайского народного института иностранных дел
5	Пан Дапэн (Pan Dapeng)	Заместитель директора ИРВЕЦА КАОН
6	Син Гуанчэн (Xing Guangcheng)	Член президиума КАОН Директор Института по изучению приграничных районов Китая КАОН
7	Сунь Чжуанчжи (Sun Zhuangzhi)	Директор ИРВЕЦА КАОН
8	Сюй Бу (Xu Bu)	Президент Китайского института международных исследований
9	Сюй Полин (Xu Polin)	Заведующий отделом экономических исследований России ИРВЕЦА КАОН
10	Сюй Хунфэн (Xu Hongfeng)	Научный сотрудник отдела стратегических исследований ИРВЕЦА КАОН
11	Фэн Чжунпин (Feng Zhongping)	Директор Института европейских исследований КАОН
12	Хэ Дэсюй (He Dexu)	Директор Института финансовой стратегии КАОН
13	Чжан Юйянь (Zhang Yuyan)	Член президиума КАОН Директор Института мировой экономики и политики
14	Чжан Юншэн (Zhang Yongsheng)	Директор Института экологической цивилизации КАОН
15	Чжао Цзяньин (Zhao Jianying)	Президент Китайского издательства общественных наук
16	Ши Тайфэн (Shi Taifeng)	Президент КАОН

Источник: составлено автором на основе открытых источников китайских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(3) Категория «бизнес-эксперты»

№	Категория «бизнес-эксперты»	
	Имя	**Должность**
1	Ван Цзуцзи (Wang Zuji)	Глава Китайского строительного банка
2	Гу Шу (Gu Shu)	Председатель совета Сельскохозяйственного банка Китая
3	Ли Лихуэй (Li Lihui)	Президент Банка Китая
4	Ли Фаньжун (Li Fanrong)	Президент Синохема
5	Лю Женья (Liu Zhenya)	Генеральный директор Государственной электросетевой корпорации Китая
6	Чжан Цзяньхуа (Zhang Jianhua)	Президент Китайской национальной нефтегазовой корпорации
7	Чжан Юн (Zhang Yong)	Генеральный директор Группы Алибаба
8	Чжуан Шанбяо (Zhuang Shangbiao)	Президент Китайской железнодорожной строительной корпорации
9	Чжэн Сюэсюань (Zheng Xuexuan)	Председатель правления Китайской государственной строительно-инженерной корпорации
10	Чэнь Веньдзянь (Chen Wenjian)	Президент Китайской железнодорожной инженерной корпорации
11	Чэнь Сыцин (Chen Siqing)	Председатель правления Промышленного и коммерческого банка Китая
12	Ю Баоцай (Yu Baotsay)	Президент Китайской нефтяной и химической корпорации

Источник: составлено автором на основе открытых источников китайских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

Таблица Б-4.

Институциональные структуры экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в Китайской Народной Республике

(1) Государственные институты

Государственные институты	
Наименование института	*Подразделения*
Центральный комитет Коммунистической партии Китая	Политбюро

	Центральная военный совет Центральное бюро безопасности Центральная комиссия по финансовым и экономическим вопросам
Министерство иностраннх дел Китайской Народной Республики	Департамент Евразии - 1-е направление сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества - 2-е направление сотрудничества в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии - 3-е направление сотрудничества в рамках Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества
Министерство обороны Китайской Народной Республики	Управление стратегического планирования Управление международного военного сотрудничества
Министерство государственной безопасности Китайской Народной Республики	
Министерство промышленности и информационных технологий Китайской Народной Республики	Управление международного сотрудничества - Бюро по делам Европы и Африки
Министерство природных ресурсов Китайской Народной Республики	Управление международного сотрудничества - Бюро разведки и разработки энергетических ресурсов
Министерство торговли Китайской Народной Республики	Департамент внешнеэкономического сотрудничества Управление иностранных инвестиций Управление международной торговли и экономических вопросов

Источник: составлено автором на основе открытых источников китайских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(2) Академические институты

Академические институты	
Наименование института	*Подразделения*
Китайская академия общественных наук (Chinese Academy of Social Sciences)	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии - Отдел исследований многостороннего и межрегионального сотрудничества - Отдел стратегических исследований - Отдел экономических исследований России
Shanghai Academy of Social Sciences (Шанхайская академия социальных наук)	Институт международных отношений - Отдел изучения России и Центральной Азии Институт мировой экономики - Отдел мировой экономики - Отдел международных отношений
Центр Китая и глобализации (Center for China and Globalization)	Департамент международных отношений - Отдел Европы и Азии
Китайский институт современных международных отношений (China Institute of Contemporary International Relations)	Департамент евразийских исследований
Шанхайские институты международных исследований (Shanghai Institutes for International Studies)	Центр изучения России и Центральной Азии Институт международных стратегических исследований Институт внешнеполитических исследований
Китайский центр международных экономических обменов (China Center for International Economic Exchanges)	Департамент изучения мировой экономики (Институт исследований инициативы «Пояс и путь»)
Исследовательский центр развития Госсовета (Development Research Center of the State Council)	Научно-исследовательский департамент внешнеэкономических связей
Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета (Peking University Institute of International and	Направление по исследованию России/СНГ/Евразии

Strategic Studies)	
Чунъянский институт финансовых исследований Университета Жэньминь (Renmin University Chongyang Institute for Financial Studies)	Департамент международных отношений - Отдел инициативы «Пояс и путь» - Отдел отношений великих держав
Центр изучения России и Центральной Азии Фуданьского университета (Fudan University Center for Russian and Central Asian studies)	

Источник: составлено автором на основе открытых источников китайских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(3) Коммерческие институты

Коммерческие институты	
Наименование института	*Подразделения*
Государственная электросетевая корпорация Китая (State Grid Corporation of China)	Представительство в России/СНГ (Продукция: электроэнергетика)
Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation)	Представительство в России/СНГ (Продукция: нефтегазодобыча)
Китайская нефтяная и химическая корпорация (China Petroleum & Chemical Corporation)	Представительство в России/СНГ (Продукция: нефтегазодобыча)
Китайская государственная строительно-инженерная корпорация (China State Construction Engineering Corporation)	Представительство в России/СНГ (Продукция: строительство)
Промышленный и коммерческий банк Китая (Industrial and Commercial Bank of China)	Представительство в России/СНГ (Продукция: банковское дело)
Китайский строительный банк (China Construction Bank)	Представительство в России/СНГ (Продукция: банковское дело)
Сельскохозяйственный банк Китая (Agricultural Bank of China)	Представительство в России/СНГ (Продукция: банковское дело)
Синохем (Sinochem)	Представительство в России/СНГ (Продукция: химическая и нефтехимическая промышленность)
Китайская железнодорожная инженерная корпорация (China Railway Engineering Corporation)	Представительство в России/СНГ (Продукция: строительство транспортной инфраструктуры)

Китайская железнодорожная строительная корпорация (China Railway Construction Corporation)	Представительство в России/СНГ (Продукция: строительство транспортной инфраструктуры)
Банк Китая (Bank of China)	Представительство в России/СНГ (Продукция: банковское дело)
Alibaba Group (Группа Алибаба)	Представительство в России/СНГ (Продукция: Интернет-торговля)

Источник: составлено автором на основе открытых источников китайских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

ПРИЛОЖЕНИЯ В

Евразия и Россия в политическом дискурсе Японии

Таблица В-1.

Развитие дискурса о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в японскоязычных СМИ (архив новостей 10 главных японских национальных СМИ из инструмента «G-Search Database Service»)

№	Список глав Японии (пребывание должности)	Количество искомых материалов
1	Кабинет Премьер-министра Кайфу Тосики (10.08.1989-05.11.1991)	Россия (на японском - ‘ロシア’): **64,387** СНГ (на японском /английской аббревиатуре - ‘独立国家共同体’ /‘CIS’): **9,167** Евразия (на японском - ‘ユーラシア’): **979** ЕврАзЭС (на японском /английской аббревиатуре - ‘ユーラシア経済
2	Кабинет Премьер-министра Миядзава Киити (06.11.1991-09.08.1993)	

3	Кабинет Премьер-министра Хосокава Морихиро (10.08.1993-28.04.1994)	共同体/‘EurAsEC’): **1** Общее: **74,354**
4	Кабинет Премьер-министра Хата Цутому (29.04.1994-30.06.1994)	Россия (на японском - ‘ロシア’): **79,638** СНГ (на японском /английской аббревиатуре - ‘独立国家共同体’ /‘CIS’): **3,044** Евразия (на японском - ‘ユーラシア’): **1,531** ЕврАзЭС (на японском /английской аббревиатуре - ‘ユーラシア経済共同体/‘EurAsEC’): **0** Общее: **84,213**
5	Кабинет Премьер-министра Мураяма Томиити (01.07.1994-11.01.1996)	
6	Кабинет Премьер-министра Хасимото Рютаро (12.01.1996-30.06.1998)	

7	Кабинет Премьер-министра Обути Кэйдзо (01.07.1998-05.04.2000)	Россия (на японском - ‘ロシア’): **177,394** СНГ (на японском /английской аббревиатуре - ‘独立国家共同体’ /‘CIS’): **3,637** Евразия (на японском - ‘ユーラシア’): **3,690** ЕврАзЭС (на японском /английской аббревиатуре - ‘ユーラシア経済共同体’/‘EurAsEC’): **14** Общее: **184,735**
8	Кабинет Премьер-министра Мори Есиро (06.04.2000-26.04.2001)	
9	Кабинет Премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро (27.04.2001-26.09.2006)	

10	Кабинет Премьер-министра Абэ Синдзо (27.09.2006-26.09.2007)	Россия (на японском - ‘ロシア’): **57,747** СНГ (на японском /английской аббревиатуре - ‘独立国家共同体’ /‘CIS’): **938** Евразия (на японском - ‘ユーラシア’): **1,073** ЕврАзЭС (на японском /английской аббревиатуре - ‘ユーラシア経済共同体’/‘EurAsEC’): **4** Общее: **59,762**
11	Кабинет Премьер-министра Фукуда Ясуо (27.09.2007-24.09.2008)	
12	Кабинет Премьер-министра Асо Таро (25.09.2008-16.09.2009)	
13	Кабинет Премьер-министра Хатояма Юкио (17.09.2009-08.06.2010)	Россия (на японском - ‘ロシア’): **60,179** СНГ (на японском /английской аббревиатуре - ‘独立国家共同体’ /‘CIS’): **943**

14	Кабинет Премьер-министра Кан Наото (09.06.2010-02.09.2011)	Евразия (на японском - ‘ユーラシア’): **1,405** ЕврАзЭС (на японском /английской аббревиатуре - ‘ユーラシア経済共同体’/‘EurAsEC’): **11** Общее: **62,538**
15	Кабинет Премьер-министра Нода Есихико (03.09.2011-26.12.2012)	
16	Кабинет Премьер-министра Абэ Синдзо (27.12.2012-16.09.2020)	Россия (на японском - ‘ロシア’): **242,511** СНГ (на японском /английской аббревиатуре - ‘独立国家共同体’ /‘CIS’): **2,115**
17	Кабинет Премьер-министра Суга Есихидэ (17.09.2020-04.10.2021)	Евразия (на японском - ‘ユーラシア’): **4,147** ЕАЭС (на японском /английской аббревиатуре - ‘ユーラシア経

18	Кабинет Премьер-министра Кисида Фумио (с 05.10.2021) * Период искомых материалов: 05.10.2021-21.01.2023	済連合'/'EAEU'): **131** Общее: **248,904**
	Общее количество	**714,506**

Источник: составлено автором на основе японскоязычных СМИ «G-Search Database Service» (https://db.g-search.or.jp/).

Таблица В-2.

Выборка текстов от экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в Японии

№	Жанр текста	Количество
1	Официальное заявление (выступление)	30
2	Интервью	18
3	Статья	14
4	Аналитический доклад	10
	Общее количество	**72**

Источник: составлено автором на основе открытых источников японских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

Таблица В-3.

Выборка ключевых спикеров от экспертного сообщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в Японии

(1) Категория «политики»

№	Категория «политики»	
	Имя	**Должность**
1	Мори Йоширо (Mori Yoshiro)	Бывший премьер-министр Японии (Либерально-демократическая партия)
2	Хатояма Юкио (Yukio Hatoyama)	Бывший премьер-министр Японии (Демократическая партия)
3	Комура Масахико (Komura Masahiko)	Бывший министр иностранных дел Японии

		(Либерально-демократическая партия)
4	Иногути Кунико (Inoguchi Kuniko)	Бывший министр по гендерному равенству и социальным вопросам (Либерально-демократическая партия)
5	Нисимура Ясутоши (Nishimura Yasutoshi)	Министр экономики, торговли и промышленности (Либерально-демократическая партия)
6	Айзава Ичиро (Aizawa Ichiro)	Член Национального парламента Японии (Либерально-демократическая партия)
7	Катаяма Сацуки (Katayama Satsuki)	Член Национального парламента Японии (Либерально-демократическая партия)
8	Нисимура Акихиро (Nishimura Akihiro)	Член Национального парламента Японии (Либерально-демократическая партия)
9	Одати Мотоюки (Odachi Motoyuki)	Член Национального парламента Японии (Либерально-демократическая партия)
10	Изуми Кента (Izumi Kenta)	Член Национального парламента Японии (Конституционно-демократическая партия)
11	Хаку Синкун (Haku Shinkun)	Член Национального парламента Японии (Конституционно-демократическая партия)
12	Хатояма Кунио (Hatoyama Kunio)	Председатель Общества японо-российских связей

Источник: составлено автором на основе открытых источников японских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(2) Категория «академические эксперты»

№	**Категория «академические эксперты»**	
	Имя	**Должность**
1	Абурамото Мари (Aburamoto Mari)	Профессор Университета Хосэй (Ph.D., исторические науки)
2	Адачи Юко (Adachi Yuko)	Профессор Софийского университета (Ph.D., экономические науки)
3	Ивасита Акихиро (Iwashita Akihiro)	Профессор Славяно-евразийского исследовательского центра Университета Хоккайдо (Ph.D., политические науки)
4	Като Михоко (Kato Mihoko)	Старший преподаватель Хиросимского городского университета (Ph.D., исторические науки и регионоведение)
5	Огуши Ацуши (Ohgushi Atsushi)	Профессор Университета Кейо (Ph.D., политические науки)

6	Торикай Масамото (Torikai Masatomo)	Профессор Осакского университета (Ph.D, юридические науки)
7	Сенгоку Манабу (Sengoku Manabu)	Профессор Славяно-евразийского исследовательского центра Университета Хоккайдо (Ph.D., политические науки)
8	Фусида Хиронори (Fushida Hironori)	Научный сотрудник Японского института международных отношений (Ph.D., экономические науки)
9	Хасэгава Такеюки (Hasegawa Takeyuki)	Научный сотрудник Национального института оборонных исследований (Ph.D., исторические науки)
10	Хаттори Мичитака (Hattori Michitaka)	Профессор Славяно-евразийского исследовательского центра Университета Хоккайдо (Ph.D., политические науки)
11	Хиросе Йоко (Hirose Yoko)	Старший научный сотрудник Института международных политических исследований (Ph.D., политические науки)
12	Ямазоэ Хироси (Yamazoe Hiroshi)	Заведующий отделом стран Америки, Европы и России департамента региональных исследований Национального института оборонных исследований (Ph.D., геологические науки)

Источник: составлено автором на основе открытых источников японских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(3) Категория «бизнес-эксперты»

№	**Категория «бизнес-эксперты»**	
	Имя	**Должность**
1	Тоёда Акио (Toyoda Akio)	Президент Тойоты
2	Кобаяси Кэн (Kobayashi Ken)	Исполнительный директор Мицубиси
3	Мибэ Тосихиро (Mibe Toshihiro)	Президент Хонды
4	Масахиро Окафудзи (Masahiro Okafuji)	Президент Итотю
5	Хори Кеничи (Hori Kenichi)	Генеральный директор Мицуи
6	Хигасихара Тосиаки (Higashihara Toshiaki)	Генеральный директор Хитачи
7	Ёсида Кеничиро	Президент Сони

	(Yoshida Kenichiro)	
8	Асада Тэруо (Asada Teruo)	Президент Марубэни
9	Утида Макото (Uchida Makoto)	Президент Ниссана
10	Цуга Кадзухиро (Tsuga Kazuhiro)	Президент Панасоника

Источник: составлено автором на основе открытых источников японских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

Таблица В-4.

Институциональные структуры экспертного собщества о России/СНГ/Евразии/ЕАЭС в Японии

(1) Государственные институты

Государственные институты	
Наименование института	*Подразделения*
Канцелярия премьер-министра Японии	Совет национальной безопасности - 1-е направление национальной безопасности (повышение внутреннего потенциала национальной безопасности на основе активного пацифизма) - 2-е направление национальной безопасности (повышение внешнего потенциала национальной безопасности на основе японо-американского альянса)
Министерство иностранных дел Японии	Бюро по европейским делам - Отдел России - Отдел совместной экономической деятельности Японии и России - Отдел по японо-российским экономическим связям - Отдел Центральной Азии и Кавказа
Министерство обороны Японии	Управление политики национальной

	безопасности - Бюро оборонной политики - Бюро планирования оборонного строительства
Главное следственное управление Министерства юстиции Японии	
Министерство экономики, торговли и промышленности Японии	Управление международной торговли и инвестиций - Бюро торгово-экономического сотрудничества - Бюро торговой политики Агентство природных ресурсов и энергетики - Отдел международного сотрудничества Агентство малого и среднего бизнеса - Отдел создания и продвижения нового бизнеса

Источник: составлено автором на основе открытых источников японских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(2) Академические институты

Академические институты	
Наименование института	*Подразделения*
Японский институт международных отношений (Japan Institute of International Affairs)	Направление по исследованию России/СНГ/Евразии
Национальный институт оборонных исследований (National Institute for Defense Studies)	Департамент регионоведения - Отдел Америки/Европы/России
Институт международных политических исследований (Institute for International Policy Studies)	Департамент дипломатии и безопасности Департамент экономической безопасности
Японский центр международного обмена (Japan Center for International Exchange)	Отдел японской политики и международных отношений
Исследовательский институт Японского агентства международного сотрудничества	Департамент политики и управления

(Japan International Cooperation Agency Research Institute)	Департамент стратегий развития сотрудничества
Институт развивающихся экономик Японской организации внешней торговли (Institute of Developing Economies of Japanese External Trade Organization)	Департамент Ближнего Востока и Центральной Азии
Японский институт международного развития (Japan Institute for International Development)	Департамент Восточной и Центральной Азии
Фонд мира Сасакавы (Sasakawa Peace Foundation)	Отдел исследований безопасности
Токийский фонд политических исследований (Tokyo Foundation for Policy Research)	
Славяно-евразийский исследовательский центр Университета Хоккайдо (Hokkaido University Slavic-Eurasian Research Center)	Отдел исследования - Русистика - Сибирские и дальневосточные исследования - Центрально-евразийские исследования - Восточноевропейские исследования

Источник: составлено автором на основе открытых источников японских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.

(3) Коммерческие институты

Коммерческие институты	
Наименование института	*Подразделения*
Тойота (Toyota)	Представительство в России/СНГ (Продукция: автомобильная промышленность)
Мицубиси (Mitsubishi)	Представительство в России/СНГ (Продукция: добыча полезных ископаемых)
Хонда (Honda)	Представительство в России/СНГ (Продукция: автомобильная промышленность)
Итотю (Itochu)	Представительство в России/СНГ (Продукция: оптовая торговля)
Мицуи (Mitsui)	Представительство в России/СНГ (Продукция: добыча полезных ископаемых)

Хитачи (Hitachi)	Представительство в России/СНГ (Продукция: электроника)
Сони (Sony)	Представительство в России/СНГ (Продукция: электроника)
Марубени (Marubeni)	Представительство в России/СНГ (Продукция: оптовая торговля)
Ниссан (Nissan)	Представительство в России/СНГ (Продукция: автомобильная промышленность)
Панасоник (Panasonic)	Представительство в России/СНГ (Продукция: электроника)

Источник: составлено автором на основе открытых источников японских государственных органов, медиаагентств и аналитических центров.